

Леонард Золотарев

ТРОЯНОВА ТРОПА
(этюды о героическом эпосе)

г.Орел
2003 г.

Леонард Золотарев

Троянова Тропа
(этюды о героическом эпосе)

**г.Орел,
2002г.**

ISB №5 - 89991-005-4

ББК 84 (2р) 6

3 - 80

Автор:

Золотарев Леонард Михайлович

Рецензенты:

Минаков Сергей Тимофеевич - доктор исторических наук, профессор

Узилевский Геннадий Яковлевич - доктор филологических наук, профессор

Красницкий Леопольд Никодимович - археолог

«Троянова Тропа»

(Этюды о героическом эпосе) - Орел, типография «Статистика», 2001, с.70.

Ответственный редактор: Осмоловский Олег Николаевич -

доктор филологических наук, профессор

ISB №5 - 89991-005-4

© Л.М.Золотарев, 2002г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Известный русский писатель Леонард Михайлович Золотарев - автор трилогии романов о современности («Кормильцы», «Берегиня», «Два пророка в одном Отечестве»), многих сборников рассказов и повестей, выходявших в столичных и местных издательствах, выступает в своих «Этюдах о героическом эпосе» на новом, научном поприще. Кроме литературного, писатель имеет еще и историческое образование, поэтому его обращение к древнейшим корням своего и других евразийских народов выглядит не случайным. Обладая глубоким интуитивно-художественным и научно-аналитическим мышлением, исследователь высказывает свежие, неординарные мысли и предположения, создает оригинальные гипотезы, относящиеся к античному и еще доантичному миру, к скифскому периоду истории нашего пранарода. Сенсационно выглядит доказательство того, что знаменитый Генрих Шлиман открыл, а затем и раскопал не легендарную Трои, а Илион - город, существовавший реально. Троя же, по утверждению Л.М.Золотарева, - это город воображенный, из художественного опыта Гомера, рожденный творческой фантазией автора «Илиады» и «Одиссеи».

Не менее любопытна и привлекательна мысль нашего современника о корнях Христианства, греческой веры еще у скифов Северного Причерноморья, где обитали и наши предки - праславяне, скифы-земледельцы арийского-индоиранского происхождения. Именно в Скифию, согласно пророчеству слепого провидца Тиресия, и должен отправиться Одиссей в новое плавание, чтобы искупить вину за пролитую им кровь ахейян. Отсюда и вполне естественна идея продолжить гомеровскую «Одиссею», Л.М.Золотарев создает «Белую Скифию» - о «ожидании» Одиссея на Север, в духовный мир «гипербореев», и его возвращении в Итаку.

Отметим открытие писателем демографического периода в 1200 лет, когда индоевропейские народы, активизируясь, приходят в движение, совершают свои «исходы», перекраивая карту Азии и Европы. Весьма смелые, а порой и неожиданные гипотезы и прозрения, высказываемые автором, являются не только плодом его художественной фантазии, в большей мере они опираются на глубокое знание бы-

тия и сознания древних народов, фактов и самого процесса истории, литературы. Вызывает интерес выделяемый автором «гомеровский след» в последующей литературе, своеобразное толкование литературных памятников и отраженных в них событий.

Известны первые переводы «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, сделанные Н.И.Гнедичем и В.А.Жуковским. К середине XX века «Илиада» получила переводы Н.М.Минского и В.В.Вересаева. И, наконец, читатель скоро сможет познакомиться с современным переложением «Одиссеи» и ее продолжением «Белая Скифия», сделанными Л.М.Золотаревым.

«Велесова книга» - языческая летопись, она была создана жрецами Велеса на дощечках, написанных в особой манере - «сплошняком» (с конца IX века). На базе текста дощечек и создано историко-героическое произведение о двух «исходах» нашего пранарода. Л.М.Золотарев сделал так же новый, совершенно оригинальный перевод древнерусского эпоса «Слово о полку Игореве». Автор перевода, нарушая монотонность стиха, выявляет в древнерусских текстах разнообразные ритмические рисунки, едва улавливаемые мелодии и передает это поэтически, своеобразно и музыкально.

Историко-драматическая трилогия в стихах «Русь Христианская» - уникальное эпическое полотно, где семейная драма Великих Князей Киевских органично связана с трагедией нашего древнего народа, с выбором Веры, нового пути Руси на тысячелетия. Выход в свет всего историко-драматического эпоса «Троянова Тропа», исполненного на высоком художественном уровне - явление нашей культурной, литературной жизни. Несомненно, этот значительный труд вызовет интерес как у ученых, так и у широкого круга читателей и будет способствовать духовному сплочению всего славянского мира.

О.Н.Осмоловский

Доктор филологических наук,
профессор.

Космический ключ

От Гомера до Бояна

Перенесемся же в памяти мыслью и чувством туда – на почти три тысячи лет назад к берегам Эгейского моря, в Элладу, в Древнюю Грецию. В те времена, когда происходили события – Троянская война, то есть война ахейцев – эллинских греков с малоазийскими племенами Трои (Илиона) – города у Дарданелльского пролива. Во времена, когда соответственно позже об этом создавались величайшие памятники античности – знаменитые гомеровские поэмы «Илиада» и «Одиссея». И этого певца – азда Русь еще в XVIII веке пробовала переводить. Однако настоящий, законченный перевод «Илиады» после двадцатилетнего труда был завершён Н.И.Гнедичем в 1823 году. Пушкин приветствовал это событие таким двустушием:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,

Старца великого тень чую смущенной душой.

«Старца великого тень» - это тень Гомера. Она звала на подвиг и старого друга Пушкина В.А.Жуковского, опубликовавшего свой перевод второй гомеровской поэмы «Одиссеи» в 1849 году. «Муза Гомера озолотила много часов моей устарелой жизни», - сказал, завершая работу, Жуковский, и уже Н.В.Гоголь с энтузиазмом встречал его перевод.

Однако что мы знаем о дальнейшей судьбе гомеровских поэм? А то, что такие «знаковые творения человеческого гения», как «Илиада» и «Одиссея», не могут принадлежать одному поколению. Первые переводчики гомеровских поэм - классицисты, поэты допушкинской поры. Последующие поколения осваивают Гомера, выражая себя, свое восприятие его эпоса более современно, соответственно своей эпохе. И вот появляется перевод «Иллиады» Минского (в конце XIX- начала XX веков). В один год (1949) выходят в свет «Илиада» и «Одиссея» в переводах Вересаева и Шуйского. Однако далее «Одиссею» предпочитают издавать по-прежнему в переводе Жуковского, отяжеленном гекзаметром, классицистской лексикой и синтаксисом.

Новый перевод «Одиссеи» Гомера предлагается современником, вашим покорным слугой. «Тень великого старца» снова «чуем смущенной душой». Какие же горизонты открывают каждые последующие переводы? Чему они учат, что позволяют осмыслить в минувшем, чтобы «зреть» в будущее? Гомер прозрел двуплановость нашего существования в мире бытийном и инобытийном, в этике и эстетике, в истории человечества. В историко-литературном процессе он по-прежнему побу-

ждает нас к творческому освоению мира, его явных и неявных космических тайн и законов.

Эпос. «Гомеровский вопрос».

В древности чтили Гомера, представляя его в виде вешего старца - певца, схожего с певцами - сказителями Демодокосом и Фемием из «Одиссеи». Биография поэта была неизвестна, на честь быть местом его рождения претендовали сразу семь городов. Античность, высоко ценя творческую личность и свободу, всегда искала авторов, слагая им биографии. Все, что было связано с Гомером, его жизнью и творчеством, его героическими поэмами, составляет «гомеровский вопрос». В XVIII-XIX веках в основе изучения этого «вопроса» лежала «аналитическая теория», признававшая в гомеровских поэмах едва ли не механическое соединение малых героических песен. В наше время ученые исходят из признания композиционного и стилистически - языкового единства эпоса, стоят на позиции унитаризма, индивидуальности авторства (одного или двух разных авторов для обеих поэм).

Время отобрало великого певца великой Эллады. Его героические поэмы «Илиада» и «Одиссея» входят в число лучших творений человеческого гения. В Гомере - начало всех начал, которые продолжают вечно, поэмы Гомера - это героический эпос, древнейший род литературы. Давние события, судьбы целых народов, а все как вчера, все живо, все кровотоцит, все переполнено борьбой, походами, войнами и любовью. Стихия первобытного реализма, правдивость деталей вплетается в неправдоподобные, мифические, сказочные ситуации. Но именно это придает эпосу очарование, историческую достоверность, выражая мирозерцание давно живших людей. Дыхание правды и вымысла выявляет гений как отдельного народа, так и всего человечества. «Первосоздатели мифов не сомневались в их реальности, превращая прозу жизни в поэзию» (И.Нахов. -М.: Детская литература, 1984. -С.5).

В наше время мифы представляются символами, иносказаниями под маской вечных образов и «бродячих» сюжетов, за которыми скрывается необозримо глубокий смысл. Такая последовательность: сначала история, потом миф, а затем уже эпос, сплавивший воедино историю и миф. «Древнее сознание еще не расчленило историю и миф, действительность и легенду, воспринимая эпическое повествование с его наивными преувеличениями и фантастическими подробностями как жизненную правду» (там же).

«Илиада» и «Одиссея» - это война и мир древних греков, энциклопедия давно минувшего, своеобразный исторический памятник. Поверив в него, немецкий археолог - энтузиаст Генрих Шлиман в 70-е годы XIX века открыл легендарную Трои, а затем Микены на малоазийском побережье, положив начало изучению крито-микенской цивилизации.

Всемирная литература не знает памятника более известного, чем гомеровские поэмы, появление которых датируется VIII-VII веками до н.э. В основе сюжета лежат подлинные события в конце второго тысячелетия до н.э. Греческие племена на Балканском полуострове и на островах Эгейского моря жили тогда разобщенно. Гомер называет их то ахейцами, то данаями, то аргивянами.

В Малой Азии греки столкнулись с местными племенами под знаменем Троянского царства, которые находились на такой же стадии разложения первобытно-общинного строя. В «Илиаде» описывается последний, десятый год Троянской войны (1200г. до н.э.). В «Одиссее» победители во главе с царем Итаки долго и изнурительно возвращаются к родным берегам. Здесь много на их пути сказочных и утопических мотивов, опасностей. Действие происходит на суше, море, на небесах и в подземном царстве, на островах среди друзей и среди разбойников, людоедов. Пока жена Одиссея Пенелопа, его престарелый отец ждут героя в родимой Итаке, многочисленные женихи сватаются к Пенелопе. Наконец, возвратившись тайно, Одиссей расправляется со своими врагами и воцаряется на прежнее место.

В конце концов, несмотря на то, что по возвращении с войны, Одиссей проливает кровь молодых ахейян, он как типичный эпический герой гармоничен со своим народом, выражает его интересы, готов отправиться в новое тяжелое странствие, чтобы принести пользу своему народу, родимой Итаке. Какое отличие от героев нового времени, романного типа, оформившегося в XIX веке - в период капитализации общества. Интересы таких героев замкнуты уже на себя, своей семье, на лицах из ближайшего окружения, нередко противостоят обществу и народу. Такова эволюция изображения от эпического, народного к более частному, личностному.

«Одиссея» -

венец язычества, принадлежащая всем.

В 1649 году в Москве открылась Славяно-греко-латинская школа (позже академия). С того времени античное искусство как искусство колыбели гуманизма

изучается в России и обогащает российскую культуру. Поэмы слепого старца Гомера - это истоки, легшие в основание не только древней, но и всей современной европейской и мировой цивилизации. Они продолжают доставлять нескончаемое художественное наслаждение и, выражаясь словами Маркса, «служить нормой и недостижимым образцом». И далее, «почему детство человеческого общения... не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети... Нормальными детьми были греки».

И в этом «детстве человечества» мы, изумленные, узнаем самих себя в «чистом» виде, освобожденных от всяких исторических догм и напластований. Отметим тот непреложный факт, что «детство человечества» связано с дохристианским, еще языческо-ведическим сознанием, с венцом его плодотворности и художественного эффекта в бессмертных творениях Гомера. Однако тогда уже, в недрах человечества, зарождалось, мерца в сумеречности сознания, Христианство. Всякая религия терпит, когда возвышается, а возвысаясь, от нее уже «терпят» другие, те, что повергнуты. Вот почему «повергнутое» или уничтожено начисто, или укрыто в анналы. И лишь в эпохи потрясений, в периоды «эха солнечных бурь» (Чижевский), оно всплывает на поверхность. Поэмы Гомера избежали этой печальной участи. Ныне для нас это опыт огромного многотысячелетнего дохристианского сознания мира. Все это принадлежит всем, и ценность его со временем увеличивается. Фундаментальные творения духа сравнимы разве что с фундаментальными научными открытиями.

Античность как классическая культура была в памяти народов даже в самые обскурантистские времена. Антики всегда служили прогрессу, цивилизации. И вот пример из личного опыта. В начале семидесятых годов XX века служил я в одной из газет. Один из вышесидящих чиновников вычеркнул из моего очерка слово «гуманизм» как вредное, ориентированное на «гнилую интеллигенцию». И я воскликнул: «А как же Гомер!» - «Чего Гомер? Ах, этот поэт! Так он же слепец!» - «Ничего себе! - не выдержал я. - А видит через века».

Даже в такие времена античность не давала пасть, возвышала умы. Именно в таких условиях, очевидно, и приобрело легенду бессмертное выражение «рукописи не горят».

Античные и доантичные свитки - это, возможно, еще «сколки» разгромленного некогда одного из чудес света - Александрийской библиотеки, целого мира доисторических знаний. Так вот, эти ведические свитки хранились, переписывались

в монастырях. Знали бы прелаты какой «динамит» закладывали монахи под свои монастырские своды.

Пранарод наш на территории Северного Причерноморья всегда испытывал дыхание высокой эллинской культуры. А с принятием Христианства, в княжение Владимира Святославовича (X-й век), Древняя Русь получила не только религию, но и возможность иметь свою письменность. Кстати, в «Притче о кралях», «Повести об осаде и племени Тройском» описывалась Троянская война. А в середине XVI века стена Благовещенского собора Московского Кремля украсилась фреской, изображающей Гомера.

Аполлоновско-Дионисийский талант Гомера

С первых же пятистиший «Одиссеи» переводчика не оставляет ощущение двуплановости гомеровского творения. Иными словами, само действие, поступки героев, восприятие мира поэтом развиваются и идут одновременно в двух направлениях – в реальном, существующем объективно, и в субъективно-ирреальном, мифологическом, порой даже мистическо-инобытийном. В этом проявляется двойственность видения, сама природа Аполлоновско-Дионисийского таланта творца.

Вспоминается сказанное Л.Н.Толстым, что серьезные вещи за жизнь надо читать, по крайней мере, трижды. В молодости, когда готовя себя, выбираешь ориентиры. В среднем возрасте – когда, определяясь, согласовываешь себя с поэтическим космосом, нащупываешь будущий результат. И уже в серьезном, солидном возрасте, когда влияешь на других, и, в свою очередь, в качестве обратной связи, испытываешь их воздействие на себе. Это и есть поиск внутренней гармонии, борьба за совпадение личных устремлений с мирозданческими, космическими законами.

Вся история главного героя поэмы Гомера и есть такой поиск внутри самого себя, балансирование между двумя «планами» - видением мира как царя Итаки Одиссея, так и самого автора бессмертной поэмы. Два «плана» - два способа изображения. Назовем первый из них реальным, реалистическим, второй – романтическим, одухотворяющим первый, бытовой план концентрированно-энергетическими средствами романтизма. Знакомство со вторым «планом» в поэме начинается с места, где встречается описание кораблей ахейцев, возвращающихся с Троянской войны. Корабли Одиссея «черны», «крутобоки». Что же за этим стоит? Традиционно ли «крутобоки» корабли ахейцев-ахейян-кефаленян? Или построены специально, чтобы

привезти с войны как можно больше добычи? А если в трюмах ее недостаточно, а на палубе мало возвращающихся ахейцев – многие легли под Илионом, то это ли не повод для того чтобы ахейские корабли стали видаться автору «черными»? Как, впрочем, они видятся богам и всем ждущим их на берегу родимой Итаки.

Линия первого, реального «плана» очевидна: Троянская война, победители возвращаются домой, однако, что ждет их там? Наметим линию второго, ирреального, мифолого-мистического «плана». Страхи, страсти и ужасы на пути возвращения Одиссея в родную Итаку подводят к черте, когда психологическая устойчивость героя нарушена, ярче, острее воспринимается им неведомое, инобытийное, потустороннее как в своем сознании, так и вне его. Начальным этапом этого второго «плана» представляются все эти смертельно кипящие скалы Скиллы и Харибды, коварно-сладкоголосое пение сирен, жестокосердье одноглазого циклопа Полифема, лужи крови в пещере, откровенное людоедство и т.д. И, наконец, переход той самой «черты» приподнимает занавес над надмирностью, - «подземное царство» Аид таинственно, мрачно, инобытийно. Здесь Одиссей встречает Сизифа. Легенда о Сизифе трансцендентна по своей сущности, то есть поведение диктуется свободной волей, герой имеет свободу в виде выбора. Как только Сизиф достигает вершины, тут же камень скатывается обратно. Заметим, Сизиф воспринимает это как плату за прежде содеянное и вновь берется за камень из нравственных побуждений, осознавая, что это необходимо. В «белом» мире жена Одиссея Пенелопа, спасаясь от женихов, оттягивает срок их сватовства, распуская ночью то, что было выткано ею днем. И делает это она так же добровольно, выполняя свой замысел, и тоже из нравственных побуждений, сохраняя верность мужу.

В «подземном царстве» Одиссей встречает также Тантала. «Танталовы муки» - это муки человека, погруженного в воду и в то же время страдающего от жажды. Ибо как только Тантал наклоняется к воде, она убегает. Тантала мучит голод. Но как только он протягивает руку к плодам, ветки вздымаются ввысь. Вот тебе и пища богов – «нектар» и «амброзия»!

По сравнению с нашим мир Гомера внешне вроде бы мал и тесен. Пространство в гомеровских поэмах свернуто, сжато пределами Средиземного моря. В предисловии А.И.Белецкого к изданию «Поэмы Гомера» («Детгиз», 1953г.) подчеркивается тот факт, что десять лет скитается Одиссей со своими спутниками, однако не выходит за границу Геркулесовых Столбов. И вот теперь мы начинаем понимать, что путешествие Одиссея – это путешествие не только в пространстве - «по горизонтали», но еще и «по вертикали» - в глубину самого себя, своих знаний и сведений

о мире бытийном и инобытийном, ощущения всего земного и «подземного царства», через которое, в конце концов, герой со спутниками проходят по пути в родную Итаку.

Знания Одиссея о встреченном в этом мире колеблются между реальным и ирреальным. К примеру, циклоп Полифем является со стадом овец в свою пещеру. Великан одноглаз. Возможно, это у него «третий глаз» во лбу, который некогда якобы был у людей и которого они лишились в процессе эволюции? Уж не из жителей ли он Атлантиды, которая якобы «утонула» в бурных волнах Океана? А атланты рассыпались по континенту, и до сих пор где-нибудь в Гималаях, как «сколки» прежнего мира, люди находят «снежного человека»...

Слепой старец развил в себе необычайно «внутреннее зрение». И, обладая наблюдательностью, проницательностью, большим аналитическим умом и, главное, огромным художественным талантом, Гомер как поэт «поклоняется» сразу двум богам – Аполлону и Дионисию. То есть богу – творцу дневному, солнечному, созидательному и богу ночному, лунному, мистическому. Какому больше – на это своими пятистишиями и отвечает сама «Одиссея».

Оракулы. Прорицающие сквозь мистическое

«Одиссея» Гомера – это, действительно, годы странствий героя поэмы в замкнутом пространстве Средиземного моря, которое тогда казалось невероятно огромным. Еще более невероятно огромно оно, это пространство, если вдуматься, – с точки зрения второго, инобытийного «плана». Много встречалось на пути Одиссею, в том числе и оракулы, прорицающие будущее. Но самым главным прорицателем, на наш взгляд, является сам автор. Это он, слепой старец, развив в себе, с помощью воображения, «внутреннее зрение», смотрит не только назад – в прошлое, с помощью памяти, но и, с помощью памяти, предвидит будущее.

Через второй «план» изобразительности (сам Аид – «царство мертвых»), общая картина странствия Одиссея укрупняется и остраннывается. Через символическое, фантастическое, порой даже мистическое Гомер добивается усиления художественного эффекта. Фантастика «чистых» романтиков XIX-XX веков (скажем, у Гофмана) – просто фантастика, и это фантастическое ради фантастического не участвует в познании действительности. Иное дело, фантастическое как одно из сильных романтических средств у писателей-реалистов. В двухплановом произведении,

где имеется первый, бытовой план, сопрягающийся с фантастическим, этот «второй» план, хотя и косвенным образом, однако тоже участвует в процессе познания, усиливая возможности всего произведения. Образцом именно такого произведения уже в те времена можно считать «Одиссею» Гомера. Об этом мы начинаем говорить только сейчас, в начале XXI века.

Итак, поэма Гомера «двупланова». Фантастика, символы, лирика – все эти усиленные средства изображения, помогая вторгаться в Неведомое, расширяют границы познания. А мы еще говорим, что ахейцы во главе с Одиссеем кружат в тесном, замкнутом мире Средиземного моря не далее Геркулесовых Столбов! Уже не само ли человечество (кроме отдельных его художественных гениев, таких, как Шекспир), после «Одиссеи» столько веков «прокрутилось» в тесноватом мирке своего художественного опыта, познавая мир, в конце концов, с помощью лишь одного «чистого» реализма как метода познания, без романтических средств усиления? А ведь еще Аристотель ставил «поэтику» перед «метафизикой», ибо «метафизика», то есть наука, выделились из «поэтики», то есть из художественного опыта, который ныне немислим без романтизма.

Гомер осознает мир вокруг себя образно, применяя все средства художественной выразительности, в том числе и усиленные, которые мы называем теперь романтическими. Уже в то время его поэтика такова, что, используя мистико-фантастические возможности, поэт-азд не боится переступить черту, за которой начинается ирреальное. Однако в последующей литературе закоренелые материалисты, традиционные реалисты-атеисты боятся переступить «порог», ибо «порог» этот – «табу», за ним – «царство мертвых».

Гомер вводит своих героев в «подземное царство», в инобытийное, оттеняя реальный мир, несущий угрозу смертным, в том числе и самому Одиссею. Вспомним, чем завершается поэма: царь утверждает свою реальную власть на Итаке, а мог бы и погибнуть, уйти, так сказать, в преисподнюю. Пройдя через «царство мертвых», царь Одиссей способен жестоко разить копьем и стрелой тех ахейцев-ахейян - кефаленян, то есть земляков, жителей Итаки, которые, прибыв к дому Лаэрта, его отца, покушаются на него, богоравного, уже как на власть придержащего.

Централизация власти. Шаг к абсолюту

Конечно, этот упорный Генрих Шлиман, вчитавшись в «Илиаду», открыл свою Трои (Илион) у Дарданелл там, где издавна было место пребывания малозийских греков. Это целый «затерянный мир», открытый «не согласно», а «вопреки». Энтузиаст совершил не только археологические раскопки, но и подвиг. Для себя лично, как и для всего человечества. Вот и я своего рода как бы «открываю» заново «Одиссею». По-другому «читаю» поэму, перекладывая перевод Жуковского на современный язык, используя потенциал накопленного за все века цивилизацией. При этом с самого начала меня не покидает мысль: а ради чего Одиссей мотается по островам со спутниками на кораблях «черных» своих, «крутобоких» целых десять лет! И думаю, домысливаю, прозреваю. В итоге мое мнение о послевоенной ситуации царя Одиссея соприкасается, в конце концов, с мнением его «оппозиции». В чем же тайна «Одиссеи» Гомера, ее сокрытый, прагматический смысл? Почему не сразу является домой Одиссей после, казалось бы, победоносной Троянской войны? Может быть, так же у них, как и при культе у нас, «встречали» победителей с «изъянцем»? Например, знал я молодого солдата, попавшего в плен и бежавшего из лагеря во Французские Альпы, где он стал командиром отряда, героем Сопротивления, а по возвращении домой его ожидали Сибирь, шахты. Так какой же «изъян» у царя Одиссея? Повторяю, корабли его «крутобоки, черны». Вот это-то в финале и ставит ему в вину перед народом Итаки Евпей – один из знатных ахейцев:

Граждане милые! Страшное зло
Одиссей в нас, ахейцах, посеял.
В Трои увлекши
Благороднейших самых, –
И корабли, и спутников всех –
Погубил. Ныне же, домой возвратясь,
Умертвил тайком знатнейших кефаленя.

Итак, добычи мало, а жертв много. Не потому ли так долго не возвращается с войны Одиссей? Что ждет его дома – возможный «импичмент», отрешение от власти? Тем более цари Итаки, базилевсы – власть не наследная, они избираются демосом. Заметим, их по традиции двое (как и позже в Византии, во время Крещения Руси, при императорах Константине Багрянородном и Романе Лакапине).

Так вот, один базилевс отправляется на войну, в другой остается «на хозяйстве». И что же? Уж не скрытая ли это пружина, «мина», так сказать, «замедленного действия»? Пока один царь на войне, другой «укрепляет» свои позиции. Склоняет к себе «демос» - народ, мнение которого зависит от знатных, богатых, «благородных». Вот куда, на мой взгляд, могут вести нити, - к заговору, ко второму царю на Итаке! Но он в тени, его нет в поэме, как будто вообще в природе его не существует; что это - Гомер на свет не выставляет его намеренно? Активны знатные, «благородные» женихи, которые сватаются к Пенелопе, жене не вернувшегося с войны Одиссея. Они расшатывают «царствие» Одиссея. В его отсутствие сватовство напоминает скорее борьбу за власть, за должность царя-базилевса. Это борьба хитрая, а порой и жестокая, даже кровавая. Древние греки привыкли проливать кровь на жертвенниках, пусть даже и животных, щедро одаривая богов. Хотя и от людоедства в те времена еще не совсем отказались. Например, как кровожаден и ненасытен в пещере своей циклоп Полифем.

И первым, кого убивает стрелой Одиссей, объявившись на пиру женихов, так это был сын Евпейта-Антиной.

На бок упал Антиной,
Покатилась по полу чаша.
И горячим ключом из ноздрей
Засвистала черная кровь.
Взбрыкнув ногами, он стол от себя
Оттолкнул, опрокинув.
- А! Собаки! Чудилось вам,
Что из Трои я не приду никогда!
И без конца беспощадно
Дом мой вы будете грабить!
Служанок насилуя, душу смущая
Жены моей благородной.
Своим сватовством
Богов позабыв;
Ни гнева их не страшась,
Ни мести смертных людей.

Как видим, Одиссей апеллирует не только к богам, но и к «смертным», а также к законам и обычаям своего времени. Он – царь, избранный народом и ушедший на войну, безусловно, не без ведома народа. В конце концов, больше половины

ахейцев не внимают призыву идти на царя и остаются на площади. А боги помогают Одиссею справиться с остальными, которые перед ними склоняют головы. Царская власть божественна и через бога народна. Таковы идеи, утверждаемые Гомером.

На мой взгляд, Гомер, в тайне симпатизирует зарождающемуся новому строю – абсолютному. Власть должна быть наследуемой; в отсутствие Одиссея, власть эта должна принадлежать сыну его – благородному Телемаху. В таком случае не было бы смуты, кровопролития. Абсолют власти, ее централизация – вот что ждет Итаку! Но попробуй скажи Гомер все это вслух в обществе, где царей пока что выбирают, да еще по-двое сразу, где под видом «демоса» в сущности по островам своим властвует знать – богатые граждане, «благородные». Хотя все они, как и демос, тоже – «смертные», и только цари принадлежат уже к «богоравным», то есть находятся где-то на пути к бессмертным богам. А еще такое суждение высказывает первый из убитых Одиссеем женихов – Антиной; «анти» – против Ноя, против Одиссея – значит, в таком случае Одиссей – «чисто» Ной, а его Ноев Ковчег – корабль перед потопом, куда Ной поместил «каждой твари по паре». Что же выходит, Одиссей радетьель всего живого на земле, законный лидер людей, самой жизни?

Гомеровские реминисценции

«Кастальский ключ», как известно, – это ключ к творческому вдохновению. А зримо помнится, в Пушкино – в Царском Селе, что под Петербургом, в Пушкинском парке – скульптура на античный сюжет: льющаяся из кувшина в руках девушки вечно живая струя. Ключ к гомеровской «Одиссее» – это Космический Ключ, которым открывается затаенный, глубинный поэтический смысл гомеровской поэмы. Это макрокосмос мира и микрокосмос души, слитые воедино.

Кто нашел этот ключ, тот и на коне. Сколько же их, нашедших его, за всю историю человечества – этот ключ к «Одиссее»? Сколько гомеровских реминисценций рассеяны в литературе – гомеровские мотивы, фрагменты, сюжетные, психологические, тематические. Вот «Война и мир» Л.Н.Толстого. Не будем говорить, что такое название я встречал уже у малоазийских греков – философов. Как мне кажется, и от него веет духом «Илиады» и «Одиссеи». «Илиада» – это Троянская война, а война, как известно, испытание на выживание народа, нации. «Одиссея» – это мир уже после войны, как всегда, послевоенное обустройство.

Вот «Гамлет» Шекспира, его знаменитый сюжет-треугольник: сам Гамлет – Принц Датский (Телемах), королева – его мать Гертруда (Пенелопа) и король-узурпатор – отчим Гамлета, брат убитого им короля (женихи, нулевой вариант – второй базилевс). Даже друг Гамлета носит такое же имя, как и отец Одиссея, – Лазрт. Чем-то гомеровским веет и от Сервантеса, от его «Дона Кихота» Ломанческого – Рыцаря Печального Образа. Внешне Одиссей – «многоумный муж», а Дон Кихот – «хитроумный идальго», однако внутренне оба они романтики, жаждущие подвигов.

Или «Очарованный странник» Н.С.Лескова – это ли не странствия лесковского героя, подобные герою гомеровскому? А гиганты из «Гулливера» Свифта по размерам не те же гомеровские циклопы? Эпизод из «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо, где английский моряк попадает на необитаемый остров, сопоставим разве что с эпизодом из «Одиссеи», когда после кораблекрушения герой также оказывается на пустынном берегу. Да несть числа таким параллелям, аналогиям! Даже стихотворение «На заре ты ее не буди» Фета удивительным образом по теме, тональности, краскам близко самому гомеровскому дыханию из «Одиссеи», когда, пробуждаясь под утренними лучами, Пенелопа чувствует на лице у себя явление утренней зари – лучезарной, златотронной богини Эос.

Прекрасная Сольвейг Ибсена, ждущая своего возлюбленного, чем не та же Пенелопа из «Одиссеи» как символ верной жены.

Царица Аида велела призракам
Элен Персефона рассеяться,
И они, разметавшись, пропали.
И тень царя Агамемнона,
Сына Атреева, вышла в печали.

(Как и призрак отца Гамлета у Шекспира).

Одиссей:

«Слезы пролил я,
Увидя его. Состраданье
Проникло мне в душу.
И мертвому другу
Я бросил такое крылатое слово:
«О, Атреев сын, владыка людей,
Государь Агамемнон,
Паркой какой ты
В руки смерти был предан?»

Бурей ли Посейдон тебя погубил, потопив корабли?» -

Так спросил я его,

И так отвечал он мне:

«О, Лазртид, многохитростный муж,

Одиссей благородный!

Нет, не в волнах погублен я был Посейдоном.

С гнусной женой моей заодно,

У себя на веселом пиру,

Убил он меня».

(Как и королева Гертруда).

А «парки» как тени смерти, знаки инобытийного мира, чем не те же «парки» из одноименного стихотворения Поля Верлена?

В образе певца Демодока в «Одиссее» видится сам Гомер, который также был поэтом - аэдом, подобным тем, что пели на пиришествах. И единственно, кого пощадил Одиссей на пиру женихов, так это певца.

Аэды странствовали по городам и всяем Греции, воспевали давнее и недавнее. С многострунной цитарой на ремне через плечо, с посохом, который якобы вручила им сама Муза. Аэды прислушивались к преданиям, мифам, рассказам о подвигах, усиливали их. Драматизируя, они произносили тексты свои нараспев, речитативом, излагали стихами - шестистопным гекзаметром, нерифмованным, как и в рунах, былинах! Смотрите, как повторяются фразы, обороты, ситуации, постоянные эпитеты (Одиссей - богоравный, многохитростный, многоумный, Пенелопа - верная, умная, Телемах - богоравный, быстроногий и т.д.).

Таким образом, «Илиада» и «Одиссея» уже с самого начала были песнями, исполнявшимися устно их слагателями-аэдами, которые передавали затем свои тексты исполнителям - рапсодам, разносившим песни аэдов по всему народу. Ученые относят создание гомеровских поэм к переходной эпохе между так называемым «варварством» и «цивилизацией» (Христианством). Для Греции - это был «героический век» (VIII - VII века до н.э.), когда шло распространение греков, в частности, на Эгейские острова, расширение их влияния на малозийское побережье.

По словам В.Г.Белинского, художественный гений Гомера «был плавильной печью, через которую грубая рука народных поэтических песен и обрывков вышла чистым золотом». И далее он же, «поэмы Гомера можно, даже должно передавать детям, с выпусками, местами даже с переделками для связи. Но этим должны ограничиваться все изменения... чтобы сохранить поэтический кодорит подлинника!»

Многое верно, но и требует переосмысления. Верно, что гекзаметр тяжеловесен, в переводе В.А.Жуковского строка многословна, трудновосприняема, слова нередко стоят не на месте, связаны случайной связью. Все это пришлось выстраивать, упорядочивать, приводить в соответствие с современным мировосприятием и научными достижениями. И вот, на наш взгляд, для поэмы пришли новые времена. Она стала ясной, легкой, динамичной. Причем, с точки зрения научности, ничего не упущено. Так для кого же теперь новая «Одиссея»?

Ясно, что «Одиссея» побуждала гениев! Кстати, «гений» по Гофману - «богвдохновенный», у психолога Ламброзо - «богвдохновенный» находится на грани психопатологии. Общее у «богвдохновенных» - неординарность, отклонение от «нормы». С точки зрения современности, повторяем, структурно-типологический анализ дает возможность видеть в поэме двуплановость, что позволяет проникнуть в мифологические, символистские, мистико-психологические глубины. Следовательно, гомеровские творения, связанные с «детством человечества», не обязательно читать только детям.

С высоты достижений конца XX века, когда был исчерпан прежний ресурс постижения через научно-аналитическое познание, можно смело воскликнуть: вперед к славному прошлому, в «детство человечества» - к познанию через интуицию, как в «Илиаде» и «Одиссее»! Там, на новом витке, нас ждут удивительные открытия, новые достижения.

Итак, неужто за века человечество не смогло всерьез «прочитать» одно из величайших своих творений - «Одиссею» Гомера? Через 24 столетия достойно «прочитал» Гомера Шекспир, но ничего не сказал об этом, «молча» создав своего «Гамлета».

И вот теперь, еще через три столетия, как мне кажется, находится Космический Ключ к «Одиссее»! Применяя его, можно опять-таки «читать» этого невероятного Гомера в соответствии с нашим временем, нашим восприятием. С помощью такого Космического Ключа мной, например, «прочитан» «Пьяный корабль» Артюра Рембо, о котором видный литературный деятель, бывший Президент Франции Жорж Помпиду в своем предисловии к созданной им «Антологии французской поэзии» восхищенно воскликнул: «До чего же неправильный («Пьяный корабль») и прекрасный!». Скажем так, «неправильный» - оригинальный, необычайный, не на средний вкус. А «прекрасный» - но почему? Не сказал этого даже Жорж Помпиду. А ведь своим «Пьяным кораблем» гениальный юноша Артюр Рембо попал в самую точку, а именно, в «детство человечества».

«Пьяный корабль» - это же «странствия» поэта Артюра Рембо по прекрасным волнам поэтической памяти, ощущение поэтом культуры, поэтики всего человечества.

В своем «Пьяном корабле» поэт не столько сближает реальный и ирреально-духовный планы (в душе ребенка это «Одиссея» - «морское путешествие» внутри самого себя), сколько необычайно таинственно сливает их в один духовно-поэтический комплекс. Не потому ли так прекрасен, обладает большой внутренней энергией этот «Пьяный корабль» Артюра Рембо, что «реальность» у поэта не исчезает. Как бы материализуясь, она утверждает духовный план, делая его более стойким, обогащенным, жизненно интересным. В свою очередь, этот - духовный план, как бы мерцающая, освещает, мистифицирует реально-бытовой план. И оттого все произведение юного гения невыразимо таинственно, где все на грани ирреальности, инобытия.

Таково, на наш взгляд, еще одно из ярчайших воспоминаний о прошлом, этого «кастальского ключа», вытекающего из гомеровской «Одиссеи».

Два индоевропейских «исхода»

Первый «исход» - Семиреченский

Поскольку Одиссей отправился в новое плавание на Север - в Северное Причерноморье, неплохо бы вспомнить, что мы знаем об этой территории, называемой Скифией, о народах, населяющих все те пространства? Много сведений дает как древняя, энциклопедически наполненная материалом «Велесова книга», так и более позднее как бы ее продолжение «Слово о полку Игореве».

«Велесова книга» записана на деревянных дощечках, всего их около семидесяти. В них и запечатлены два «исхода» - Великие Переселения нашего некогда единого пранарода, имевшего, по мнению многих ученых, арийские, индоиранские корни. Прародиной его считается район южного Урала (Камня) до Каспия, до Балхаша. Так вот, первый «исход» нашего пранарода - из Семиречья до Карпат и далее до Дунайских земель.

И это «было за тысячу триста лет до Германареха» (то есть в середине IX века до н.э.). Археологи определяют, что именно в это время киммерийская культура Северного Причерноморья сменяется скифской, перенесенной из Средней Азии.

По мнению комментатора «Велесовой Книги» А.И.Асова (Буса Кресени),

«праславяне ушли из «прародины», чтобы попасть в «земной рай». Возможно, стремление переселиться в то место, где никто не умирает, куда якобы уходят предки после смерти, и было причиной исхода из Семиречья. Какая поэзия».

"Под эпонимом «русы» скрывается одно из славянских имен скифо-сарматского, то есть иранского происхождения", - утверждает историк В.В.Седов. («Восточные славяне в VI-VIII веках».- М., 1982). Вопрос о становлении княжеской власти у русов имеет свою историю. Первоначально в основном это были языческие жрецы, колдуны, с большим весом у простых людей. - По словам А.И.Асова, волхвы всегда выступали за древнее вечевое, демократическое правление, а следовательно - за ограничение власти князя. Летописцы, описывая вече как собрание с кровопролитием, нередко выполняли заказы князей. Но это не значит, что вечевое правление и княжеская власть всегда противоборствовали. Княжеская власть в Новгороде передавалась по наследству, но была ограничена народным собранием - вече. Князья стремились упрочить свою власть, однако им препятствовало вече, мешало язычество, освящающее вечевой характер правления. Впоследствии, когда было принято Христианство, ведическая вера с ее демократическими идеалами еще долго давала о себе знать (как не вспомнить «Песнь о вещем Олеге» А.С.Пушкина). По мнению историков, христианизация была необходима Руси для установления абсолютной монархии.

Некоторые из них происхождения княжеской власти на Русской земле связывали с викингами - норманнами - варягами. Однако Рюрик не был норманном. По книге К.Мармье «Письма о Севере», Рюрик - сын Годослова, князя бодричей-лелей, славянского племени на берегу Балтийского моря. И по матери внук Гостомысла, потомок Славена, в свою очередь, потомок которого в девятом колене - Вандал (Венд - Венед).

По «Велесовой книге» (дощечка 16а) и в «Иакимовской летописи» Славена называют братом Скифа, прародителя скифов и венедов.

В «Истории» Геродота, по скифским легендам, Скифа и его братьев родила полуженщина - полузмея от связи с сыном Зевса - Гераклом. По всей видимости, от Роси (дочери Борисфена - Днепра) и Перуна (Зевса) в славянском варианте был рожден Дажьбог. И уже Дажьбог родил Скифа и Славена от связи с полуженщиной-полузмеей Мареной.

От Дажьбога и Живы, согласно реконструкции "Песни птицы Гамаюн", родились Кисек и Орей, отец Кия, Щека и Хорива.

В Киеве не было наследников князя Кия - потомков Дажьбога и Живы, пото-

му киевляне призвали в князя потомков Дажьбога и Марены, единокровных с ними, но некрещенных. Вероятно, все добро потом, связанное с новой династией, они объясняли влиянием Дажьбога, а все зло, в том числе и якобы насильственное принятие новой веры, влиянием Марены.

В одной из дощечек местность вблизи Боспора Киммерийского связывается с Навью. Царство Навь, свой славянский Аид, праславяне, подобно Гомеру (точнее по «Одиссее» Аид у греков находился в Фессалийском Боспоре), помещали в районе современного Керченского пролива (Боспора Киммерийского).

Второй «исход» - Карпатский

В одной из дощечек «Велесовой книги» называется срок Карпатского «исхода»: за 1500 лет до Дира (прибл. 850г. до н.э.), то есть VIII век до н.э., что подтверждается историками и археологами. И иной расчет. На Карпатах они сидели 500 лет, потом ушли к Киеву, где управляли с помощью вече еще 500 лет. Потом 200 лет воевали с «языцами» и «костобочками». Потом ушли к ляхам за 100 лет до Германа-реха (прибл. 350 г. н.э.). После подсчета время Карпатского исхода - IX век до н.э. Удивительная точность.

Христианство не только вынуждено было считаться с язычеством, часто сохраняло даже идеологический облик как главных, так и местных языческих богов; Перун - Зевс - Юпитер отождествляются с Ильей-пророком, Афина - с Софией, Николай - угодник заменил Посейдона, а Велес стал Власием. Основная особенность славянского пантеона - его идентичность общеиндоевропейскому, древнегреческому, древнеримскому (достаточно проследить линии Перун - Зевс - Юпитер или Лада - Афродита - Венера).

* * *

«Славянский язык ни от греческого, ни от латинского, ни от какого другого не происходит; следовательно, сам собою состоит уже от самих древних времен, и многочисленные оные славянские народы говорили славянским языком еще прежде рожества Христова» (М.В. Ломоносов. Избранные философские произведения.- ГИПЛ, 1950. - С. 468).

Читаем у исследователя Л.Н.Рыжкова в «Мифах древних славян» (Саратов: Надежда, 1993.- С. 313): «Лейпциг в те времена назывался Липском и был центром славянской области лужичан, потомки которых живут там и поныне. Дрезден был

Дроздянами, Мейсен - Мишнами, Мерзбург - Межибором... а на севере знаменитый Бранденбург величался Бранибором - центром обширных славянских княжеств, которые были завоеваны немцами лишь в середине 12 века. Это все в границах нынешней Германии, не говоря о Польше. А далее на юг, вплоть до Червонной (Красной) Руси, вошедшей в состав государства Русь в 981 году, простиралась Великоморавская Держава славян, объединенных Пражским княжеством. Еще южнее были земли угорских славян, которые до сих пор на Украине называются Угорщиной.

А тогда на берегу Дуная стояли Вышеград и Новгород, Печи (современный Пешт, Будапешт) ... Даже Австрия (Острия), еще не подвергшаяся к тому времени глубокой германизации, управлялась славянскими князьями с городами Виндебож (Вена), Светла (Цветль), Ракоусы и др.»

Динамика степи. Метаморфозы народов

Такова историческая картина Европы после двух индоевропейских «исходов» нашего пранарода из глубин евразийского континента. Другая «река человеческая» из недр Центральной Азии через Чукотку, Берингов перешеек, вполне вероятно, могла течь на Север Америки, распространяясь далее на юг по всем территориям. Так вот «река человеческая», следовавшая через Северное Причерноморье, через Переднюю Азию и направлявшаяся в Европу, в разное время протекала туда Великим Путем, по широкой степи, между Камнем-Уралом и морем, по проходу, которым наши предки двигались за свою историю не раз и не два. Это они, те народы и племена, стремясь к территориям с мягким атлантическим климатом, к землям притягательным, перемещаясь, изменяли лик степи, свой собственный облик, сменяли себе названия или же, растворяясь, вовсе исчезали с бессмертного лика степи. Однако вес новые и новые волны, прихлынув из глубин азиатских, накатывались на Европу, идучи этим Великим Путем. Степь жила борьбой, энергичной, даже кипучей жизнью. Приходя из глубин, народы распадались, соединялись и снова распадались, вовсе исчезали в степи или же проходили далее в Европу, чтобы возвратиться опять.

Вот и в наши дни известный по плаванию на плоту «Конттики» (по Тихому океану от берегов Южной Америки к Полинезии) норвежец Тур Хейердал, производя археологические раскопки в районе Азова, ищет следы пребывания викингов - тоже в изначале выходцев из степи. Однако степь умеет хранить свои тайны. Лишь

иногда выявляя их, как в этой «Велесовой книге».

Вот что пишет исследователь Л.Н. Рыжков в статье «Были и небылицы о Древней Руси» («Мифы древних славян» -Саратов: Надежда, 1993.- С.380): «Начнем с главного, - с неприемлемости для русской истории, для уважительного отношения к древней русской культуре положения Д.С.Лихачева о 988 годе как начальной даты... для всей русской и восточнославянской культур».

«Сама по себе, - пишет Д.С.Лихачев. - культура не имеет начальной даты. Но если говорить об условной дате начала русской культуры, то я, по своему разумению, считал бы самой обоснованной 988 год» («Новый мир», №6, 1988. -С.257).

«Не подобные ли тезисы, - резюмирует Рыжков, - громил в свое время М.В.Ломоносов, борясь с идеями «внесения» государственности извне в славянском варварстве?» И вот слова Ломоносова: «Что словенский народ был в нынешних российских пределах еще прежде рождества Христова, то неоспоримо доказать можно». (Избранные философские произведения), С. 468).

«Еще в XVIII веке, - замечает один из авторов, - они (славяне) древнее Нестора письменность имели; да ныне утрачены или еще не отысканы и потому до нас не дошли. Славяне задолго до Рождества Христова письмо имели». И автор этого текста - Екатерина II («Записки касательно русской истории»).

По словам того же Рыжкова, можно со всей определенностью сказать, что народ славянский в I веке уже был, причем еще не разделенный на западных, восточных и южных славян. Существовал единый этнос венедов - славян, называвшихся так по культу Венеры - Лады (Любовь) и оставивший по всей Европе топонимические следы от нашей Ладоги до швейцарских «ладинов»: Вена, Венев, Венгрия, Венеция, Вентспилс, Женева, Генуя, Иена, Венери, Венессен, Вендо, Ладога, Ладенбург, Венето, Венсенн, а в русском языке - «венюк, венец, венчание, жена, женщина», обряд «вено», венчик. Именно под этим именем «венеды» - как раз в I веке - упоминает славян римский историк Плиний, не разделяя пока их на западных - «венедов» и восточных славян античности - «антов».

Более того, Венера в Древнем Риме почиталась как прародительница Римского народа, а Рим основал сын Венеры - троянец Эней, спасшийся после разгрома Трои.

Дорога к Храму

Слог Аен в латинском написании Энен - Аепса правильно читается как *Ven* (Вен), и имя «Эней» мы прочтем как «Веней», Энейцы - Венеды (*Aeneadae*), а поэму Вергилия «Энеида» - «Венеида». Аналогично слово «храм» прозвучит как «ведес» (*aedes*), «воздух» будет «веер» (*aer*), а знаменитый латинский «эфир» (*aether*) - окажется «ветер». И нас не будет уже удивлять, почему по-«древнеримски» «топор» будет «секира» (от глагола «сечь»), а «пастух» будет «пастор» (от глагола «пасти»), латинский «окулист» - от слова «око», «юстиция» - от слова «уоставить, устав, уста». Станет понятным, почему идентично с древнерусским языком звучат латинские глаголы «вертеть», «волить», «видеть», «орать» (пахать) и т.д.

И таких слов в нашем языке, как «слон», «веды», «дева», «колдун», «рада», «сыть» и других, не тысяча, не две тысячи, даже не три тысячи, а значительно больше!

Вот что значит общность - индоевропейские языки, индоевропейская топонимика и культура.

Кстати, аздом (певцом -сочинителем песен) считался Гомер, а «азд», звуча как «ведес» (*aedes*), переводится по смыслу как «храм». Итак, дорога к Храму - это дорога к певцу-творцу, к Гомеру, в «детство человечество», в недра его творчества, как в высоту духа. А мы еще говорим, что «Одиссею» надо лишь «детям читать» (В.Г.Белинский). Повторяю, через 24 века комплексно, проникновенно смог «прочитать» гомеровскую «Одиссею» Шекспир с его «Гамлетом». Свифт, Дефо, Лесков, Фет и другие «прочли» поэму фрагментарно. С Космическим Ключом подойдем ныне к этим деревянным дощечкам, из которых ваш покорный слуга сделал поэтическое переложение. Как ниточку, потянул я и вытянул тональность введения «Прославление Великого Триглава» (дощечки 11 11а, 11 11б, 11 7е). И, в конце концов, из текстов остальных дощечек и получилась моя одноименная поэма «Велесова Книга». Научность ее (годы, имена, названия народов и местности) бережно сохранены.

«Да, скифы мы». Рерих в квадрате

Итак, кто же мы? Кто наш пранарод славянский? И анты, и скифы-сарматы, и где-то это в недрах истории теряемое, восходящее к Ирану, Индии, к Гималаям, в

отрогах которых недаром поселились отец и сын Рерихи, основавшие общество по изучению индоевропейских культур.

«Да, скифы мы

С раскосыми и жадными очами» (А.Блок).

«Сарматы кочевали по степям-

Сыны ветров, нечесаны, лохматы» (Л.Золотарев).

Действительно, кем только мы в своем пранароде не были, какой только исторический облик не приобретали. При современном глобализме как-то даже неудобно ограничивать себя рамками одного тысячелетия (с 988-го года, с христианизации Киевской Руси).

Итак, Космический Ключ! Своего рода «третий глаз», некогда якобы, в процессе эволюции, утраченный и обретаемый ныне, как «внутреннее зрение» на базе новейших знаний и достижений. Так вот, с помощью Космического Ключа открываются многие скрытые временем истины. И не последняя из них - мысль о нескончаемости подобного рода «исходов» в широкой степи, по Великому Проходу между Уралом и Черным морем, по Северному Причерноморью. Нескончаемость людских потоков из глубин Азии в Европу как нескончаемость жизни. С такой точки зрения можно расценивать ныне кризисное состояние общероссийских границ в районе Средней Азии и на Кавказе.

Если «Одиссея» Гомера - это странствия царя Итаки по морям, мытарства его сына Телемаха, жены Пенелопы, отца-старца Лазрта внутри своего народа в отсутствие самого Одиссея. Это история семьи царя Итаки, самого царя Одиссея во имя утверждения своего народа, всей Эллады. То «Велесова книга», на мой взгляд, - это странствия народов по Великому Степному Проходу (ВПС), конкретно странствие нашего пранарода по векам и эпохам, по странам и территориям всех племен и народов. По «Велесовой книге» все мы - дети Солнца, члены одного человеческого сообщества на пути из Азии в Европу (первый «исход») и обратно от Дуная, Карпат и на Киев (второй «исход»).

Славься, Перун - бог Огнекудрый!

Острые стрелы мечи на мечи!

Мудрых веди за собою, о мудрый!

Воину - честь; с вороном тверд,

С другом своим - златорун, милосерд!

Сва мать.

Как умрешь,

Как к Сварожьим лугам отойдешь,
Перуницы слова запоешь:
«Не степняк, не грек и не варяг -
Славного славянского мы роду,
Воин-русич, - я ушел во прах,
Матерь Сва, к тебе ступил я в воду,
На луга обильные твои, -
О Сварог великий!...

В главе первой «Исхода из Семиречья» так подается появление и проявление нашего бога - покровителя Велеса:

И шел Велес к Сварге по молоку,
До Ирии, в подзвездные отвесы.
Всего мы навидались навеку,
И пели песнь и славили Велеса.

Велес учил пахать и злаки сеять.

И жать, и ставить у жилища сноп...

Перо горит! Чтоб тьму вокруг развеять...

Мы - русичи, мы - русские славяне.
Достойны мы отцов и матерей.
Мы с Солнцем поднимаемся нарани,
Чтобы за серп свой братья поскорей.

Такие тексты надо знать как читать. «Детство человечество», мысля образами, говорило метафорами, ритмически. Идти «по молоку» - идти мыслью по небу, по Млечному Пути. Идти духом в Ирию - в инобытные миры, в райские пределы и т.д.

Вот текст - все точно при переводе, научно выверено, сохранено: место, время, действие.

Мы были скотоводы до исхода.
От Прибалхашья до Карпатских гор.
До Германереха, а если брать до года,
За тыщу триста лет до этих пор.

На киммерийцев наседали скифы,
На море Готском кровь лилась рекой.
От праотцов остались только мифы
Да вот курганы - сыпаны рукой.

Интересно, как описан рецепт приготовления нашим пранародом сурицы - первого хмельного зелья.

Квасуру боги вразумляли сроду.

Вдруг встретив как-то Ладо самого,

Велели вылить меду в чашу, в воду

Да и на Солнце выставить его.

Вот Солнце ту сурью и сотворило!

Теперь сурицу славим и поем!

Во времена докиевские было,

А и сейчас, как перебродит, - пьем ...

И этот мед о девяти силищ,

Оставленный на Солнце на три дня,

Процеженный сквозь шерсть, настой травниц

И есть сурья - напиток, дух огня!

А вот идеал для нас - извечный, в генотипе народа. Мы легко поддаемся сказке, легенде, все нам надо куда-то идти за лучший долей, так опозтизированной, даже заполитизированной для нас в определенные исторические эпохи под «светлое будущее».

И вот сказал отец такое:

Тут убивают! Скот у нас крадут.

Идем отсюда! - и махнул рукою.-

Туда, где мед и молоко текут.

Чего стоят картины битвы за свою жизнь, за сохранение своего племени, народа! Вот Перуница пронеслась по небу и говорит детям Велесовым, то есть нашим предкам:

- Ну что проспали города и пашни ?

Сурью все пили, в стены били град?

Пришел к вам Индра - бог позавчерашний,

Предрек общине вашей мор и глад.

Она давно обабилась, глядите!

Щиты тонки, мечи легки при ней.

На землю часто, кто поименитей,

Бросается по слабости своей.

А не помогут им и василийцы.
Сурож вновь станет нашим, как и было!
Их письменность? А наша где, арийцы?!
Я Кия видел, - тень он, тенью был...
Мы одолели Хорсунь (иль Хорсунь?)
Вот только б нам в одно сплотиться, люди!
Перун пророчит: готь разбили, гуннь,
И греки лягут! Так оно и будет!...
О Матерь Сва! Спаси наши святыни!
Нам тыщу триста лет доныне.

И вот он, нерв поэмы, всей «Велесовой книги»: «Вот только б нам в одно сплотиться!» Так и живем с этой мыслью.

«Слово о полку Игореве»

«Необычен жанр «Слова о полку Игореве» (в нем соединены жанровые признаки ораторского произведения и фольклорных слов и плачей)», - пишет академик Д.С.Лихачев («Изборник».- М.: Худ. литература, 1969. - С. 20). Необычна и биоэнергетика ритма, биоритмы нашего перевода с древнерусского по подстрочникам Лихачева. Как в переводе «Слова» Н.Заболоцкого, так и в подстрочнике академика я уловил стремление через биоэнергетику, смену биоритмов выполнить определенные художественные задачи. Вряд ли песнепевцы Игоревы - Боян и Ходына, которым приписывается авторство «Слова», могли исполнять его перед аудиторией заунывно, в одной тональности, в одном ритме. Что и подтверждает поэт-переводчик Н.Заболоцкий в своей литературно-критической работе по переводу «Слова».

И вот новый перевод Вашего покорного слуги как пример интереса переводчика к биоэнергетике стиха, к его новой ритмической организации.

В Диком поле Олега гнездо задремало -

Далеко залетело!
Ходит смело,
Обиды сделало мало -
И соколу в его сторону,
И кречету,

И даже тебе, черну ворону,
Половец меченый!
Серым волком бежит этот Гзак,
Перед ним до самого Дона Кончак.

Не будем входить в расхождения суждений по поводу авторства «Слова». Примем за истину: это наш русский героический эпос. В нем, как и в «Велесовой книге», выражена болевая мысль нашего народа, оказывается, на все времена - о единении «как раз перед нашествием монголов» (К.Маркс).

И вот еще пример особо повышенной биоэнергетики стиха. Ритмика, раскачивая сознание, взвинчивает психическое состояние, доводит его до мистического иступления. Это пример максимального сближения внешнего и внутреннего, первого - реального и второго - духовно-психологического, с ощущением инобытийности планов:

И видится Святославу диево -
Сон смутный, неясный.
Как будто и во граде Киеве
Жить стало плохо, опасно.
«Объясните, бояре, мне
Дружески, бражески.
Сон такой нехороший,
Не княжеский.
Этой ночью одевали меня, одевали.
Черные покрывала, делать нечего, на кровати тисовой стлали.
Черпали спешно мне вино какое-то синее -
Вроде бы с горем смешанное,
Некрасивое.
Сыпали на грудь - из колчанов пустых крупный жемчуг,
Нежили нас, таких простых,
Иноземцы
 Уж и доски крыши без князька в моем тереме,
 Не подыметя рука, -
 Что затеяли!
Всю ночь серые вороны-вороны
Граяли у Плесеньска,
А в предградье лес Кияни сверкал на все стороны, -

Перебесится.

И неслись эти вороны- вороны -вороны
К морю по ветру,
Мать-земля, люди добрые, -
Что это?!

И сказали бояре Князю Великому:

«Уж князь ты нам, горе ум тебе полонило.

Одна половина тут у тебя мыкает,

А другая там половина».

Так нагнетается боярами, как, кстати, соответственно и самим автором перевода, обстановка перед «золотым словом», которое должен сказать убеленный сединой Великий Князь Святослав. Бояре готовы уже счесть его «полуумным», разделив ум его на «две половины». Тут, несколько ниже, и произносит Святослав знаменитое свое «золотое слово», со слезами «смешанное», слово о единении Русской земли. И как все это современно - мысль «Слова» о русском, славянском сплочении! Как будто вчера для нас это писано-сказано.

Ну, князь Игорь, уже солнце померкло,

Не к добру древо сбросило лист,

По Суле и по Роси, как зеркало,

Города делить снова взялись!

И, как рефрен, как набат, как боль наша общая, звучат многожды повторяемые слова:

О Русская земля!

Ты уже за холмом.

И далее в знак того, что бывает и еще может быть с нами, сказаны нам сюда, а им - туда, в ихнее будущее, такие слова, обращенные Святославом к князьям Ингварю и Всеволоду Мстиславовичам:

- Но где ваши шлемы золотые, где копья?

Где польские ваши щиты?

Закройте ж врата вы Дикому полю,

А стрелы закроют мосты.

И опять, как рефрен, возникают такие слова:

За стежку стоптанную, узкую,

За землю Русскую,

За раны Игоревы,

Игоря Святославича!

Н.Заболоцкий считает автором «Слова» не самого Бояна, а кого-то другого, чье имя в летописях не сохранено (Н.Заболоцкий. «Избранные произведения».-М.: Худ. литература, 1972. - Т. 2. - С. 269). Авторство «Слова» приписывается одному из дружинников, который боготворит Бояна как песнепевца, своего учителя, и многократно отражает это в тексте. При этом выделяется желание воспеть поход князя Игоря не «по замыслению Бояна, а по событиям сего времени». То есть автор хочет славить современника прекрасным слогом Бояновым как певца из минувшего, слогом творчески обогащенным.

Известно, Боян пел свои песни, сопровождая пение игрой, может быть, и на гусях. Так, древнерусский песнетворец совмещал, очевидно, четыре профессии: поэта, певца, музыканта-инструменталиста и скорее всего автора-музыкотворца. Н.Заболоцкий считает, что для «Слова о полку Игореве», как и для русских былин, характерны именно музыкально-поэтические, музыкально-песенные способы организации словесного материала.

У автора «Слова», подобно Бояну, был, очевидно, свой музыкальный инструмент - верный его спутник в походах и битвах. И вот это-то и сослужило мне службу как переводчику в создании своей внутренней биоритмически песенной структуры «Слова». Главенствующая ныне у нас силлабо-тоническая система - явление позднейшее, в древности ритмическая структура поэзии была иная. Представим, как звучал текст «Слова» в свое время в живом исполнении автора. И, естественно, приближая такое исполнение к нам сюда, в наше время, мы вносим в саму систему стиха, в его ритмику, мелодику те изменения, которые накопились за почти восемь веков существования «Слова» и которые, на наш взгляд, выражают уже более наше время, состояние нашего музыкального восприятия. В то же время мы не отказываемся и от традиции.

Подобно Бояну, импровизируя, я и положил на музыку «Слово о полку Игореве», спел и записал все это на магнитофонную ленту. Получилась своеобразная музыкальная картина. Но ведь «Слово о полку Игореве» мыслится частью общего величественного полотна вместе с «Велесовой книгой». Значит, следует спеть еще и «Велесову книгу»? Что я и сделал, положив на музыку своей души и моего поэтического понимания героический эпос, воспев пранарод наш, дела его давно минувших дней.

А затем уже, идя как бы с конца, как бы с «магистрала» при создании «венка сонетов», я подобрался к еще более мощному художественному пласту - к

«Одиссее» Гомера. Подобно Бояну, этому соловью земли Русской, слепой старец Гомер тоже ведь был песнетворцем - аэдом. «Одиссея» звучала тоже в голосе с сопровождающим инструментом - под ту же цитру, как это делал певец Фемий на одиссеевских пиршествах.

Но у «Одиссеи» объем куда больше, чем у «Слова» и «Велесовой Книги», вместе взятых. Значит, нужно сначала либретто, а уж потом должна быть музыка. Такая задача.

* * *

Итак, перед читателем впервые предстает поэтический триптих- переводческий, песнепевческий пласт древней общечеловеческой культуры - это «Одиссея» Гомера, «Велесова книга» неизвестного автора, «Слово о полку Игореве», приписываемое Бояну. Тексты переложены, переведены, усовершенствованы в связи с современным восприятием, положены на музыку, спеты для расширения их возможностей, усиления воздействия.

Древние опусы ожили! Заговорили, даже запели. Снова стали служить «богоявным» и «смертным», переживая свое второе рождение.

* * *

Применяя Космический Ключ ко всем трем героическим поэмам, можно продвинуться в осознании «детства человечества», психологически глубже проникнуть в обстановку переходного периода между двумя эпохами - язычества, дохристианского «варварства» и потом уже Христианства, «цивилизации».

Возьмем две мифологемы «святость» и «красота», так называемые «интеллектуальные», основные в языческо-ведических и христианско-библейских сюжетах. Эти мифологемы принадлежат, безусловно, сразу обоим эпохам. Рассмотрим, как они взаимодействуют, какова их эволюция.

Академик Ю.К.Бегунов пишет: «Идея Троицы, родившаяся в недрах арийских народов, была ясно выражена здесь, в «Велесовой книге». Бог назывался также Триглав. Он вовсе не был, как это неверно представляют, отдельным, особым богом с тремя головами. Это был единый Бог, но в трех лицах, а именно, Сварог, Перун и Световид. Последние два были порождением Сварога. Имелась своего рода аналогия с Христианством («Бог един, но троичен в лицах»; в православии, как известно,

Бог - отец, Бог - сын, Бог - дух святой), вместо Троицы употреблялось слово Триглав («Мифы древних славян».- Саратов: Надежда, 1993.- С.251).

Итак, в «детстве человечества» мифологема «святость» через «свет», «Сварог» - «Сва Матерь» («Святая мать») восходила к индоевропейским «Ведам» - «ведать», «знать». «Святость» в первичном понимании означала знание всего сущего, а именно, постижение гармонии Вселенной, мирозданческих законов. В таком случае мифологема «красота» была более частной по отношению к «святости». Однако человечество, все шире используя в своей практике эту мифологему, сначала приспособило ее к Богу, а затем от Бога, с небес, спустило на Землю, применяя ее уже в своих более узких практических целях. То есть смертные люди ввели «святость» в свой духовно-бытовой арсенал, чтобы, спустив ее к себе на Землю, через нее самим возвыситься, подняться в Небо, приблизиться к богам, к бессмертию. В таком случае мифологема «святость» снизилась по отношению к мифологеме «красота», поскольку «красота» осталась на Небе и стала более общим понятием по отношению к очеловеченной «святости» - понятием высоким, надмирным, непостижимо-божественным..

Ф.М. Достоевский придал ей роль вершителя судеб земных: «Красота спасет мир». А французский поэт Шарль Бодлер в своем одноименном стихотворении из «Цветов зла» сказал о ней так (перевод Л. Золотарева):

Паю в лазури, лебедь молодая,
Белее снега, холоднее льда,-
Я - Красота, недвижна и горда я,
Слеза и смех - я выше их всегда!

Здесь «слеза» - трагедия, «смех» - комедия, это из арсенала нравственности, этическое начало. А «красота» как категория эстетическая всегда на высоте, особенно над тем, что касается прагматических дел человеческих. Обладая таким миропониманием, перенесемся же снова в мир Гомера, в невероятные пространства его «Одиссеи». И что же мы видим в этом, повторимся, двуплановом произведении? Первый план - реальный, бытовой. В сопоставлении все же несколько пересиливает второй план - ирреально-возвышенный. И талант Гомера от природы Аполлоновский, светлый несколько омрачается дионисийски темным влиянием антибытия. Однако мифологема «свет» в душевной борьбе Гомера все-таки одолевает мифологемы «темнота» и «ужас», даже «кровь», чем при всей своей природной раскованности окрашены языческие натуры, само язычество. Мы знаем, что язычники делали богам кровавые жертвоприношения, в том числе еще и человеческие. Талант, его

Аполлоновское начало возвышают Гомера до ощущения «света», идущего от богов (в тексте постоянны «лучезарная Афродита» - Зевесова дочь и «прекраснокудрая Эос» - богиня зари и т.д.). В конце концов, на наш взгляд, своей Аполлоновской силой Гомер в Зевесовой цепи (Триглав, Перун, Световид, Геракл, Юпитер) «прозревает» главного из богов. В то же время аэд приближается ко всем «смертным», тоже стремящимся к богам, к бессмертию, растворяясь в таких из «смертных», как богоравный царь Одиссей. Сам Гомер, концентрируясь, «видит» своим «внутренним зрением» в продлении этой «богоносной» Зевесовой цепи уже Человека, возвышенного простыми людьми до Бога, впоследствии до Иисуса Христа.

Прямая и обратная связь у Гомера: талант ведет к богам, боги придают таланту силу провидения. Гомером провидится Христианство, когда уже не богам, высоким приносятся жертвы, а простых «смертных» за страдания во имя себя же, людей, человечество возвышает до божества.

Это что касается линии небесной, духовно-божественной. А по линии земной, царственно-властной, то я, не боясь повториться, скажу, что и тут у Гомера «прозревается» движение вперед, к абсолютизму. Кризис власти испытывает Итака при «двуцарствии» своем, ограниченном народным собранием, чем-то схожем со славянским вече, где «демос», избирая царей, провоцирует кризисы. Десять лет царю Итаки надо было мотаться по морям - по волнам, на «крутобоких», «черных» своих кораблях, чтобы снова сесть на «престол», обрести достойное его сану существование.

И мы еще говорим, что «Одиссею» надо читать только детям! Космический Ключ открывает Гомера, его героический мир укрупненно и остраненно, на новом витке нового времени. С позиций новейших открытий и достижений мы проникаем в онтологические законы в сфере «красоты» и «света», этих основополагающих мифологем в системе нашего ведическо-христианского мировосприятия.

После переложения «Одиссеи» Перед созданием «Белой Скифии» («Трояды»)

Прочитано последнее пятистишие. И сзади наперед разом вновь охватываешь всю «Одиссею». Прямо-таки египетская пирамида! Циклическая бесконечность. И ловишь себя на мысли, Гомер на том не кончается, должно быть «продолжение следует». Вот с каких строк Гомеровских это осознаешь:

Светлой богине Афине

Так отвечал Одиссей хитроумный:

«... Всех истреблю,

Как спастись мне после отмщения родни их?»

Речь идет об уничтожении женихов Пенелопы - молодых, знатных ахейцев, жаждущих не столько руки жены Одиссея, сколько царской власти. И далее, после кровопролития, слепой прорицатель Тиресий предрекает Одиссею опять-таки странствие, похожее на изгнание. Уходи, Одиссей, искупай вину за содеянное, если хочешь, дожив до старости, быть достойно похороненным в земле родной Итаки.

Итак, «прозревается» новая «одиссея» - странствие царя Итаки. Причем указан даже срок ее окончания. Через множество морей проплыть, много чего предстоит испытать Одиссею, прежде чем встретится ему человек не морской, а, безусловно, земной, что весло в руках Одиссея примет за лопату. Весло - это море, борьба со стихией, а лопата - это земля, труд земной, земная юдоль, упокоение. Тут и конец «одиссее» царя многоумного и многотрудного по возвращении в свою родную Итаку. Тем более, что «высказывается предложение о том, что «Одиссею» написал один из учеников Гомера (В.М.Гобарев. «Предыстория Руси». -ч. II. - Москва, - 1994. -С.618). Так что за «продолжение Гомера» людям братья не впервой. Куда же обращаются мысли за кадром, а взор поневоле - за продолжением «Одиссеи»? Куда отправится царь Одиссей? Что ждет его впереди, какие народы, какова их история, культура? А куда же - где еще, кроме берега Малой Азии, испокон обитали греки - морской народ? Где еще, кроме личной выгоды, возможна большая общенациональная польза для ахейян, ведь Одиссей как эпический герой озабочен судьбой всего своего народа, всей родимой Итаки.

А скорее всего в Северное Причерноморье. Поближе к устью Истры (Дунай), в район Борисфена (Днепра), у южного берега Крыма. Вот куда направится Одиссей, куда распространяли свое влияние греки, создавая колонии, фактории, города-полисы. А далее -Скифия у лукоморья. На север - степные пространства, заселенные народом арийского, индоиранского происхождения, то есть нашим пранародом.

Как же взаимодействовали, что высекали при этом столь высокие культуры - скифская (арийская) и греческая (античная)? Вспомним, скифы двигались с Востока.

Будучи на переломе земель, античные греки впитывали в себя эти потоки, духовные ценности с Востока - из той же Персии, Индии, Вавилона, от шумеров и

ассирийцев, а также таинственных, еще более таинственных Мидии и Гирканы. И в то же время античные греки черпали и с Запада. В «Одиссее», повторяю, встречаются атланты (Атлантида - остров в океане за Геркулесовыми Столбами) - богиня Калипсо, великаны-циклопы с «третьим глазом» во лбу (скорее, действительно, с «внутренним зрением», провидческим даром), которым обладали прорицатели, как и сам Гомер, и его двойник - слепой старец Тиресий (Тирсения - область в Италии, тирсенами греки звали этрусков).

Художественные критерии, рабочий «инструмент» Гомера как автора «Одиссеи» - точность и естественность, укрупнение и остраннение, реальное и романтически усиленное, вырастающее в мощную концентрацию - в символический образ, за которым стоит тысячелетний эстетический опыт Запада и Востока (сирены, Скилла и Харибда, золотое руно и т.д.)

Подумалось о северо-причерноморских греках, поневоле представилась и эта самая Скифия, Понт Эвксинский (Черное-черемное - «гостеприимное» море), куда греков тянуло за «золотым руно», то есть откуда, из этих варварских земель, шли в Грецию потоки зерна, золота, рабов. Ощущение такое, что, если бы Гомер снова странствовал и описал бы это в третьей поэме, название ее крутилось бы где-то возле такого слова, как «Скифия». В «Велесовой книге» описан «исход» праславянских народов через Северное Причерноморье. А перед этим скифы уже побывали в Индии, Иране (стране ариев). Вот куда притягивала и меня жуткая по своей поэтичности древнеперсидская поэзия, невероятная магия бога Индры, Мидии и Гирканы, за которыми где-то мерцало как нечто древнее ассирийско-вавилонское, так и современная ассирийка Джуна, уже в наши годы подпитывавшая биоэнергетически Брежнева...

Третья эпическая поэма Гомера по идее должна быть сюжетом, обращенным именно к Северу от Греции, к причерноморским, понтийским грекам. Боги замкнули Большой Евразийский Круг - это «золотое кольцо». Оно просто обязано быть замкнутым, сам Гомер говорит об этом, упоминая о «лопате», ибо именно из Северного Причерноморья везли морем в Грецию такой продукт земледелия, как зерно. И если ее, этой третьей поэмы, в природе не существует, значит сам аэд не успел ее написать, оставив завет нам, потомкам. Другие должны это сделать (например, недописанную оперу «Князь Игорь» Бородина заканчивал Римский-Корсаков).

Мысль гуляет по Севериаде, этому Северному Причерноморью: и что там было в то время? А что потом? Ялта, Пантикапей, Ольвия, Овидий- первый ссыль-

ный поэт державно-бюрократического Рима... И еще севернее, еще эпохами позже Северная Пальмира - Санкт-Петербург, где русский подданный - этот немец упорный Генрих Шлиман, раскопал сначала мысленно эту свою легендарную Трои. Уверен что «раскопал» он ее, эту Трои, именно в Северной Пальмире - на берегах Невы и сначала именно мысленно, поверив в истинность «Илиады», как и в безусловность Троянской войны. А уж потом, после того, этот упорный Генрих приехал на место и раскопал физически, материально то, в чем был уверен духовно.

Так вот, этот упорный Генрих раскопал не Трои, а Илион! Илион!! И ученые так говорят. По их мнению, с древности на малоазийской земле, где-то в районе Геллеспонта (Дарданелл), было два разных города - Троя и Илион. А Гомер, дескать, их объединил. Уверяю, и согласен с некоторыми учеными: Шлиман раскопал один город - именно Илион; открыв этот малоазийский «затерянный мир». А что же Троя? Говорят: а другой город - Троя был или скорее в другом месте, или на том же самом, но ранее или позже. Однако, дескать, культурный слой Трои при раскопках Шлиман прошел, не заметив.

Вот что пишет исследователь В.М.Гобарев в той же «Предыстории Руси» (ч. II. С.619): «Нет сомнений, человечество далеко не все еще поняло в «Илиаде» (скажем, как и в «Одиссее»), этой уникальной энциклопедии древности. Дальнейшее проникновение в текст и его комплексное изучение (в сравнении с другими мифологическими, письменными и прочими источниками) таит в себе немало удивительных открытий и сюрпризов».

Мое открытие Трои

У меня чутье, интуиция - художника, аналитика - ученого. И куда ведет меня такой «аппарат»? Стою на Трояновой Тропе, а тут - факты, случаи, миги, сияние, цепи, обрывы, высверки сознания... Это Восток, Восток, а что же Запад? Эти атланты, «третий глаз», «внутреннее зрение»?...

Гомер как художник любит играть в слова. Заметим, Итака, а не Эллада, не Греция; старец Тиресий, а не Терсен. Сикельская старушка, с которой доживает век отец Одиссея, - вероятно, нянюшка Одиссея, как и самого Гомера. Это своего рода Арина Родионовна, няня Пушкина. В ней автором должен быть заключен какой-то глубокий смысл. Сикельская старушка - сицилийская бабушка, человек из Сицилии.

Так, Сикелия - Сицилия, белорукая богиня Афина Паллада - белокурая Халлида - Колхида, Карамазовы - кровью мазаные, старец Тиресий - Тирсения (область в Италии). Ага, вот «Троада» - тоже область в Италии, Троада - Трояда - Троя. Вот оно - где на карте это слово, откуда она, знаменитая Троя! Италия, Сицилия!

А ученые - прагматики - археологи, в том числе и этот упорный Генрих, искали ее, эту Троию, на малоазийской земле в виде города. Конкретного, исторически существовавшего мира, а он, этот мир, город-полис, существовал в «третьем глазе» - в воображении художника. Как произведение искусства об Илионе. Троя - Илион! Город воображенный и город реальный - слитно, в соединении. Вот реальный тот город (Илион) и раскопал этот упорный Генрих. А город воображенный (Трою) «раскопал» во истину этот не менее упорный Леонард! Генрих Шлиман - некогда сидя в Петербурге, а Леонард Золотарев, ваш покорный слуга, - сидя сейчас тут, в Орле. Следовательно, войну ту, за 150 лет до Гомера, можно было вполне называть Илионской, а не Троянской.

И далее. Пользуясь тем же интуитивным «аппаратом» - «третьим глазом», «внутренним зрением», что и слепой старец Гомер. Опираясь новым фактическим материалом, утверждаешься в мысли о необходимости расширения состава эпических поэм Гомера до трех: «Илиада», «Одиссея» и теперь «Белая Скифия» («Трояда»). Это третья поэма. В каком же она должна быть ключе? Каков должен быть ее пафос? Мы говорим об эпохе язычества, когда все еще приносятся человеческие жертвы и льется-пьется «черемная кровь», однако уже подступает время «прозрения» Христианства, мерцает возвышение простого «смертного» до Божества. В Христианстве, как известно, конкретнее - в православии - греческой вере, повторяю, существует поныне троичность Бога: бог - отец, бог - сын, бог - дух святой.

Бог - сын! «Одиссея» - мир в войне, утверждение через отца сына Одиссея как будущего царя Итаки Телемаха. Он должен быть наследником. В большом смысле эта поэма о борьбе за наследуемую царскую власть.

В будущем церковь, олицетворяющая религию, выступит за абсолютизм; в данном случае Одиссей как бы предвосхищает это, хотя Христианство еще как бы мерцании, в осознании.

Бог - дух святой! «Белая Скифия» («Трояда») - третье произведение гомеровского цикла, для которого оставлено местечко слепым старцем - провидцем и прорицателем. Как в таблице Менделеева иному химическому элементу. Особо хотелось бы отметить в новом, третьем произведении о древнегреческом эпосе такую мысль. Одиссея привлекает у скифо-арийцев демократичность идей рая небесного,

«бессмертия души» для простых смертных. Но, когда царь Итаки глубже внедряется в Скифию, он не может не быть свидетелем того, что в земной юдоли те же простые смертные у скифов низведены до самого низменного положения. Вождам для бессмертия насыпают курганы, где их хоронят с конями и женами, простым же смертным обещается «рай». Одиссей, в свою очередь, несет в скифско-сарматские степи уже тогда зародившиеся в эллинском мире гуманистические идеи.

«Призыв к единению»

Обратим внимание на такие сигнальные моменты в «Одиссее». Об имуществе, расхищаемом женихами. Об эволюции символа «Никто» (в пещере циклопа, от пиршества женихов до того же фильма Анжея Вайды «Девочка Никто»).

Об утверждении семьи (верность жены Пенелопы, сплоченность сына с отцом, символ «кровати», сделанной Одиссеем из цельной маслины и т.д.).

О «позиции» истинного художника (отношение Одиссея к значению пролитой им крови молодых ахейян).

О социальной утопии в доме старого Лазрта как идеале общественного устройства, передаваемого слепым провидцем Гомером человечеству («Что делать?» Чернышевского и «Кто виноват?» Герцена). Слепой старец Гомер дает возможность «прозреть», может быть, в самом главном в то время, - в чем именно? О чем старец предупреждает? Как «Слово о полку Игореве» - это «призыв к объединению как раз перед нашествием монголов», так и «Одиссея» Гомера о чем? О войне греков с малоазийскими племенами, а может, и греков с греками, об убийстве ахейцев ахейцами? Это ли не осуждение Одиссея слепым провидцем Тиресием (а через него и самим слепым аэдом Гомером) кровопролития, когда Гомер отсылает царя Итаки за это кровопролитие по сути в изгнание? Это ли не призыв «к единению как раз перед нашествием» персов, перед последовавшими затем греко-персидскими войнами? Ибо греки-ахейцы, уничтожая свой форпост Илион на малоазийском побережье, собственными руками открывали дорогу персидским полчищам.

Большой Евразийский Круг (БЕАК)

Уже сказано о Большом Евразийском Круге - этом «золотом кольце», которое герои гомеровские, отправившись из Итаки - Греции в Северное Причерноморье

рье, в Белую Скифию, как бы замкнули, сделав это фактом истории.

По «Велесовой книге» из глубин Центральной Азии потоки людей и идей, созидания и разорения, вожди и войны двигались в Европу и Севером (Северным Причерноморьем), и Югом (через Малую Азию). Кстати, встречал я в 70-е годы у одного богослова (в журнале «Наука и религия») сведения о том, что ближайшие предки Иисуса Христа пришли в палестинские земли с Востока, из ассирийской стороны. Внедряясь, они вынуждены были ладить с коренными жителями, идеологически выстраивать с ними свои взаимоотношения.

Восточная ветвь Христианства - Православие, продвигаясь на Север, в славянские пределы, встретила с Русью. А Русь, как мы знаем, по той же «Велесовой книге», имела своими праславянскими предками скифов - народ с арийскими корнями, индоиранского происхождения. «Золотое кольцо» закрепило к Северу от Византии как факт идеологический веру, религию, церковь. Этому в Большом Евразийском Круге и посвящена моя историко-драматическая трилогия «Русь Христианская».

Какое же отношение к этому имеет Гомер? Вот что пишет исследователь В.М.Гобарев (там же): «Много строк «Илиады» посвящено фракийцам, которых легендарный вождь Рес привел на помощь троянцам. Не исключено, что фракийцы у Гомера были собирательным термином (...), среди части фракийцев и под именами некоторых других племен, названных Гомером и до сих пор еще не идентифицированных, могут «скрываться» древнейшие предки праславян (...). Великий певец Эллады дал первые сведения о киммерийцах («киммеряне», «люди киммерийские в «Одиссее») и скифах - древних европейских народах. Гомер называет и тех, и других (возможно, считая их одним народом) гиппемолгами («доителями коров»). Поэт награждает киммерийцев и скифов таким эпитетом, как «справедливые», направляя наше внимание на Север Причерноморья - в Скифию, за которой «прозревается» Русь! Так Гомер стоит в изначале взаимоотношений нашего пранарода с античными греками, последующей Византией, через которую и пришло на Русь Христианство.

Периоды через 1200 лет

Посмотрим, что же происходило с демографией в этих древних пределах? В «Велесовой книге», которая фиксирует два «исхода» нашего пранарода - от Семиречья (район Балхаша) до Дуная, от Дуная через Карпаты до Днепра (Киева), подсчи-

тано, что второй «исход» длился 1200 лет. Возьмем эти 1200 лет за Период Колебания, когда людские массы под влиянием критических причин поднимаются и приходят в движение. Президент Земного Шара поэт Велимир Хлебников принял же за точку отсчета в судьбе как личности, так и всей планеты период в 365 лет. Вспомним, что было до этих двух Велесовых «исходов»? Карта Европы испещрена поселениями с корневым слогом «вен» («вен» - «азд»; «аздом» - певцом созидующим был Гомер, в отличие от «рапсода» - певца, исполняющего созданное другими). Когда мы сопоставляем «архаичный ковровый узор» энеолита протославян (5-е тысячелетие до новой эры), то, согласно трудам академика Б.А.Рыбакова, этот «ковер» по нашему язычеству идентичен римскому орнаменту, «чудесному в своей лаконичной выразительности». Или же, когда мы сопоставляем римскую и славянскую традиции хранения урн с прахом предков в святом углу дома мы также видим полное совпадение этого ритуала вплоть до ритуала почитания, - у нас не возникает сомнения в том, что это не результат заимствования у соседей и не случайность, а доказательство глубокого культового и этнического единства происхождения.

Так вот, все это было еще до «исходов», зафиксированных в «Велесовой книге». А что было после? Это уж почти на нашей памяти: следующий «исход» с Востока связан с именами Чингисхана, Батыея и приходится где-то, в общем смысле, на XI-XIII века. Если за точку отсчета (с учетом «созревания») взять конечное время «исхода» от Дуная до Киева, то это IX-й век (Киев датируется серединой X века). Прибавим следующий период - еще 1200 лет, это будет уже середина XXI столетия - первого века, начавшегося тысячелетия. К этому времени мы и получаем следующий пик демографической активности, может быть, новый «исход», который уже начался, зашифрованный под рост населения - особенно Китая и Индии, под наркоманию с Востока, под нестабильность восточных границ. К чему это? А чтобы знали короли, цари, президенты, планируя геополитику, принимая высшие стратегически планы типа ПРО.

А что разве до «исхода» под знаменем слога «вен» не было ничего? Что же зафиксировано в памяти человечества? Всем известна библейская легенда о всемирном потопе. Ей около пяти тысяч лет. Иные ученые связывают это с таким материальным фактором, как подвижка земной коры, с землетрясением, прорывом перешейка в районе того же Геллеспонта (Дарданелл), в результате чего воды Мирового Океана хлынули в эти пространства, лежавшие тогда ниже уровня моря, и создали общий Черноморско-Каспийский бассейн, который затем было разделен сушей.

А может быть, эта библейская легенда о «всемирном потопе» как-то связа-

на с «энеолитом протославян» академика Б.А.Рыбакова? Четыре по 1200- вот вам и тоже около 5000 лет.

А еще дай бог памяти, какие были еще «исходы» - массовые передвижения, изменявшие облик человечества? Хоть и не хронологически, а все-таки вот они.

1. Эти «венеды» - «анты» из Индии в Европу - по Великому Проходу, (по Северному Причерноморью).

2. Эти цыгане - каста «неприкасаемых» (из Индии в Европу - через Ближний Восток, Север Африки, через Пиренеи).

3. Два «исхода» по «Велесовой книге» (из Индии, Персии - Ирана, страны ариев, - в Европу).

Вот Европа - лакомый кусочек! Климат умеренный, природные условия хорошие, а население традиционно невелико. Как все это притягивает!

4. Татаро-монголы (Чингисхан, Батый - по Великому Проходу, через Русь - опять же в Европу).

5. Из Монголии, севера Китая - через центральную Азию в Индию (империя Великих Моголов).

6. С севера Индии, центральной Азии (из района Тувы) - через Берингов пролив в Северную Америку и далее на юг.

7. Из Южной Америки по течениям и ветрам Тихого Океана в Полинезию, Австралию (доказательство - путешествие на плоту «Контики»).

8. Бросок из Европы за Атлантический океан (открытие Америки Колумбом).

9. Бросок (после двух Велесовых «исходов») от Москвы - через Сибирь за Тихий океан в Русскую Америку.

10. «Крестовые походы» XIX -XX веков уже с Запада на Восток.

Может быть, условия на планете таковы, что все это повторяется периодически? Время от времени, например, разноплеменная Азия, как лоскутным одеялом, «накрывает» Европу? Сколько цивилизаций было на Земле? В глобальном смысле полагают, что шесть. Биологический мир появлялся и полуисчезал, изменяя свой облик. Как не вспомнить Чижевского с его книгой «Ярче тысячи солнц», где проводится мысль о зависимости на планете всего живого от активности светила, вызывающего подвижки плит земной коры, лежащих на жидкой расплавленной магме. Отсюда землетрясения, извержения, колебания температур, засухи и потопы. Взрыв вулкана Кракатау в начале XX века и последующее затемнение солнца вулканической пылью, вполне возможно, связаны с последовавшей нестабильностью: недоро-

дами, демографической напряженностью, революциями и как обратной реакцией на революции войнами. Войны и революции ходят парами, результат и следствие, факты и последствия.

Как знал и чувствовал в себе автор «Одиссеи» Гомер мирозданческие, космические законы! Вот и Ноэтрадамус явился миру со своими катренами. Просидел несколько лет в глубинах монастыря - начитался, проникся и выдал свои провидения. А уничтожили при дворе французского короля в интригах. Вот тебе и дворцовое просвещение. Сами знают, но прячут, чтобы править. Так и живем. А волны между тем надвигаются. А нам все пирамиды, космос, все НЛО - «летающие тарелки», в которые класть-то кладут, а что остается? Бог - отец, бог - сын, бог - дух святой. Вот это-то и видит этот незрячий слепец Гомер.

Гомер - азд, а азды словно веныды - праславянское эхо. С тем и беремся за «Белую Скифию». Нас - двое, а с Богом - трое . Вот нам и Троя. Так и жить будем - строя. Глядя не столько назад, в камень, а сколько вперед, во всю эту архитектонику из вулканов, периодов, взрывоопасных сгустков на шее человечества. Художники бдят! Что у Гомера есть, кроме «шепота» слова, этого «чуда» небесного, земного, которое тот же Шекспир «прочел» через два периода - 2400 лет. Отец у Одиссея - Лаэрт и друг у Гамлета тоже Лаэрт - подтверждение творческой общности. Однако странствие Одиссея в Белую Скифию лишь половина дела - двенадцать песен, а остальное - это то, что последует за возвращением царя Итаки к родным берегам. «Додумывать» за Гомера не надо, это сделал Шекспир, в своем «Гамлете». Гертруда на троне уже с другим королем, а Гамлет бродит за тенью отца...

А если уйти далее в древность, что было перед Велесовыми «исходами», еще и «Кентавриада». То-фундаментальная наука, а то-фундаментальная литература. Не все читают, но касается каждого.

В самом деле, тщетно искать конкретную «Трою». Есть миры, живущие лишь в воображении. Вот он - знаменитый Троянский Конь: две поэмы «Илиада» и «Одиссея» наружи, а третья - внутри, но так и просится выйти наружу из чрева «коня» через дверцу. Легендарная «Троя» - «Трояда» («Белая Скифия») - не мое название, а от Гомера. Я его только «считал» с земли Итальянской.

Факты за кадром.

О «черных», «крутобоких» кораблях ахейцев, возвращающихся с Троянской войны, мы уже говорили. Так же, как и о том, почему «черные» корабли «крутобоки», что стоит за их «крутобокостью»? Действительно, эти две мифологемы заораживают, создают и развивают сюжет «Одиссеи». Напомним еще раз: корабли «черные» - знак траура, неоправданно много жертв на войне; «крутобокие» - большие, вместительные трюмы, а добыча ничтожна. За что Одиссей и получает упрек от своих ахейцев. Значение этой «детали» за кадром столь переполнено смыслом, столь живо. Приведу пару современных подобного рода примеров.

В свое время Горький посетил СЛОН - Соловецкий Лагерь Особого Назначения. По утверждению пропаганды, на Соловках был прямо-таки рай земной и газеты заключенные выпускают, и наукой занимаются. Только газетку-то пораженные в правах, видит Горький, держат перед ним «кверху ногами».

Или на днях смотрю по телевизору старую добрую кинокомедию «Богатая невеста» (1937г., студия имени Довженко). Наивный фильм, только музыка Дунаевского у экрана и держит. Однако режиссер-то Иван Пырьев. И что же в финале? Колхозному сторожу дарят двустволку: крепче, дед, охраняй общественное добро! А за спиной промельк - человек в форме и фуражки по залу. Год выпуска фильма 1937-й. Как говаривал древний грек Фукидид, в самом деле, «счастья не должно быть чрезмерно».

Вопросу власти Гомер в своем эпосе посвящает достойное место. Каково же отношение к этому у самых «бог вдохновенных» писателей?

Еще раз о «Гамлете» Шекспира в сравнении с «Одиссеей». Если Телемах в борьбе за власть активен, берется даже за оружие - лук, то Гамлет бездейственен. Что Принц Датский не хочет власти? Хочет. Не зря ему является призрак отца, требующий отмщения. Однако обстоятельства у Гамлета не таковы. Гертруда предала отца Гамлета, сев на престол рядом с убийцей мужа. А вот Пенелопа хранит мужу верность. К тому же рядом с Телемахом существует реальный, сильный отец, а не призрак отца, его тень. Сам Гамлет не в силах вернуть отцовский престол, а опереться не на кого. Отсюда сплошная рефлексия, зыбкость, смута сознания.

И о Дон Кихоте - этом Рыцаре Печального Образа. И тут очевидна проблема власти. Однако не царской, рангом пониже. «Идальго» - дворянин, владелец двора - «куртага». Как и у Гамлета, нет у него реальной власти. И бедный рыцарь вообража-

ет ее в виде власти любви к придуманной им Прекрасной Даме Дульсинее Тобосской. Это миф, воспаление мыслей и чувств. Когда же Дон Кихот берется за практические дела, то у него получаются одни «ветряные мельницы». Рыцарь цепляется за самодвижущие крылья ветряка, и те, подняв его, сбрасывают на неподвижность грешной земли. Дон Кихот вступает за пастушонка, которого хозяин сечет за отсутствие «деловых качеств» Но стоило рыцарю удалиться, хозяин просто шкуру спускает с мальчишки. Возвратившемуся Дон Кихоту пастушок бросает такое крылатое слово: «Дяденька, никогда больше не вступайся, не освобождай меня никогда!»

Таким «ключом» можно проверить любое крупное произведение. Вот «Робинзон Крузо» Даниеля Дефо. И тут власть проблемы и проблема власти. Сначала только над собой, затем у одинокого Робинзона появляется живое существо - козочка, за ней этот Пятница, которого тоже надобно «приручать». Вот, наконец, бросает якорь парусный корабль. Робинзона Крузо делают губернатором острова, он приобретает реальную и нереальную власть, но остров, уже пора покидать остров. Так с пятницы до воскресенья и прошла вся Рабинзонова жизнь. Так и тянется по литературе «Одиссеев след» в этой главнейшей из проблем бытия.

Все герои признают власть. А тут, в «Одиссее», изгоняется сам царь! Старец Тиресий предвещает ему годы скитаний. Новый нюанс старой проблемы. Чем же поддерживают свое «сидение» на престоле все эти ханы, шах-ин-шахи, великие князья, императоры, рассеянные по страницам «Трояновой Тропы», в произведениях Большого Евразийского Круга? Конечно, силой, войной. Война - это расчет на победу, возвращение на кораблях, наполненных добром и промежуточной радостью подданных. Война - это испытание не только нации, всего народа, но и эпического героя, представляющего общенародные интересы. Война - это кружение головы после победы, лицемерные плачи по убиенным и очень часто в истории человечества послевоенное падение победителей.

Художественная стилистика Гомера

Однако «лопата» гомеровская заставляет задуматься: уж не перемена ли это приоритетов? На первый план, оказывается, в процветании выдвигается не война, а труд, торговля, товарообмен. Вот что несет взаимную выгоду. Есть чем обуть, одеть, накормить людей - доволен народ. Тем, скрепя сердце укрепляется власть.

«Хлеба и зрелищ!» - стонут граждане Рима, а заодно с ними и не только римские, но и византийские императоры, великие киевские князья, вся широкая сарматско-скифско-полоцкая степная общественность.

И еще одно значащее слово - мифологема в «Одиссее» - это «Никто». «Никто я, - отвечает Одиссей» на вопрос циклопа Полифема. Заметим, не царь, не Одиссей - Никто. Действительно, кто же такой Одиссей в той пещере? Царь Итаки? Какой же он царь, если он так жалок в этой пещере, столько лет мотаясь после Троянской войны, не в силах вернуться на трон.

Позже слепой провидец Тиресий обречет Одиссея на новые скитания, чтобы он искупил вину и ахейцы забыли кровавое пиршество, когда Одиссей расстреляет из лука стольких молодых итакийцев. Лишь скитания дадут возможность герою остаться эпической личностью, героем, царем, чтобы в конце жизни иметь право достойно быть погребенным в родимой земле. Так кто же Одиссей в этот период, по мнению провидца Тиресия? Да пока что - Никто! Только субъективный момент - вообразимое, предчувствуемое будущее спасут авторитет Одиссея, сделают его «бессмертным». Такова установка Гомера, эстетическая цель, высокая художественность, романтизированность в реализме. Хорошо понял «Одиссею» известный польский кинорежиссер Анжей Вайда (фильм «Девочка Никто»). И, если Вайда разработал систему художественных ценностей в условиях тоталитарного (вряд ли благоклонного к нему) режима, то почему бы не предположить, что подобного рода ситуация не была и у слепого азда? Во всяком случае вопрос о царской власти, воцарении Одиссея не является для Гомера праздным.

Хорошенько «вникая» в Гомера, укрепляешься во мнении, что автор «Одиссеи», возможно, и не столько уж слеп физически, сколько акцентирует на этом внимание, подчеркивая тем самым свое «внутреннее зрение». А «внутреннее зрение» раскрывается в общем замысле баталиста, описывающего Троянскую войну и саму Трою. Троичность всего - в надвигающейся христианизации (в «Велесовой книге» это Триглав - Свентовид, составляющий дохристианскую Троицу), необходимость третьего произведения (вслед за «Илиадой» и «Одиссеей») в гомеровской Троице. Отсюда и это слово, существующее как вымысел художника, перенятое им откуда угодно (в данном случае, может быть, и с Трояды на земле Итальянской). Следовательно, повторяем, реально существовал лишь один город - Илион. А Трои реально могло и не быть, поскольку она скорее всего существовала в воображении художника, в системе его художественных ценностей.

Таким образом, все совпадает. И Шлиману место определено: спасибо ему

за энтузиазм, не надо клеймить за авантюризм. И Гомера возвеличен, осовременен и повернут лицом к нам сюда, на перелом второго и третьего тысячелетий. И это позволяет сделать вывод о том, что настоящие художественные ценности не устаревают, они просто бессмертны.

Вот вам и «детство» человечества, вошедшего столь рано в романтический возраст. Из «Одиссеи» черпали, черпают и еще будут черпать, пока живо это самое человечество, цивилизованное Гомером. Большой Евразийский Крут - это опыт длительной, вечной жизни, запечатленной в художественных мгновениях. Бесконечность - в биении сердца. Времена «Одиссеи», «Велесовой книги», великого «Слова» продолжаются.

Постскриптум

В самом деле, открытая Шлиманом Троя - это миф, которого жаждали, это не только действие «третьего глаза», проба на выживаемость, протяженность во времени, но и эхо тройственности Христианства, нашего Православия - Бог-отец, Бог-сын, Бог-дух святой. Это совсем близко к нам сюда: троеперстие наше, птица-тройка, Русь-тройка. В конце концов, это тройственность братских народов наших-белорусского, русского и украинского. Вот только сейчас вдруг прорезало: Православие не от «правоты веры», а от «протославян», «праславян» - скифов, наших общих предков арийского, индоиранского происхождения. Хотя и тут я бы внес некоторые уточнения. Что арийские - да, но почему же «происхождение» должно быть индоиранским? Со своей прародины (где-то южнее Камня-Урала) скифы - праскифы «опускались» не только на Юг - в Иран и Индию, изменяя местную цивилизацию, но и «поднимались» на Север, летели на конях по оси Запад-Восток. Так почему они должны быть индоиранскими, а не собственно скифско-арийскими? Почему вера, пришедшая к нам из Византии, должна быть греческой, а не скифско-арийской, в корнях своих протославянской она и есть православная (праславянская). Предчувствуя все это, недаром старик Гомер через провидца Тиресия предрекает Одиссею новое плавание, а мы уже вычислили куда - на Северное Причерноморье, в Скифию, к истокам веры, куда она затем и вернулась через Византию.

А мысль все крутится вокруг гомеровской «Одиссеи»: нюансы, историческая топонимика - игра в слова, осязаемая аллитерация. Ну что такое Троя, если вдуматься с точки зрения, так сказать, историко-аллитернативной? Торое, Троя. «В» имеет привычку исчезать, редуцироваться в процессе эволюции. Знаменитый слог «вен»-«венеды», «ванты» - «анты». Следовательно, Тороя может звучать как Второе, так?

Тогда что такое ИЛИОН? ОН-суффикс, основа - ИЛ, добавляем, возможно, утерянное в первом слове -ВИЛ, ВИЛЬ-город. Следовательно, ИЛИОН -это город, это первое, первичное, материальное, а Троя-второе, вторичное, над первым, то есть духовное. Оно существует в воображении художника. Все это совпадает с первым ощущением - с «открытием» Трои. С тем, что Троя бытовала скорее всего в воображении азда, художника.

Тогда что же - не было явной Трои, не было и Троянской войны? Может быть, между греками-ахейцами и малоазийскими племенами было просто соперничество? Вспомним, что послужило яблоком раздора. Из-за чего сложилась вся эта батальная ситуация? Из-за Елены Прекрасной - супруги царя Менелая из Спарты. А что такое прекрасное? Это красота, эстетика. Так что распря возникла, возможно, на эстетической почве? Что же изменилось в эстетике греков - Эллады, отчего не стала она совпадать с эстетикой малоазийской? На малоазийцев ощутимо уже другое влияние, дуют ветры с Востока: Персия напирает, грядут времена царя Дария. А персы-иранского происхождения. Это арийские волны в своем неумолимом движении катятся на Европу - сдвинулись в очередной раз и пошли. Вот их эстетикой, обновлением местной культуры, очевидно и пахнет...

В подкрепление мысли слепого провидца Тиресия, в третьей поэме отсылая царя Итаки на Север Причерноморья, что мы получаем? Естественно, встречу Одиссея со скифами, праславянами. А скифы, праславяне - это опять-таки скифы-сарматы, Мидия и Гиркана, Персия, Индия - этот Восток. Новая встреча с ними, обновление эстетики, гармонии на северно-скифской почве.

Особо хочется выделить следующее. В «Одиссее» царь Итаки попадает в «царство мертвых» - в Аид, где встречает «грешников» - Сизифа, Тантала и прочих. Кстати, у праславян, которые помещали свой «ад» где-то в районе Керченского пролива, вблизи Пантикапея (Карань-Кареон, Карей-Керчь), слог «сач» означает «черный». «Аид, ад», как мы видим, связан с прошлым, он находится внизу, в пре-

исподней. Однако куда бы античные греки поместили свое бессмертное будущее - «рай»? Естественно, ввысь, в небо. Богов, богоравных античные греки у себя в Элладе определили уже на Олимп. А что же скифы в Северном Причерноморье, куда позже попадет ссыльный римский поэт Овидий, а именно, в устье Дуная, на лукоморье? До тех пределов на Запад в то время и распространяется Скифия. А поскольку, в отличие от Греции, здесь бывают снега, а еще севернее вообще покровы изобильны, то назовем эти степные пространства, уходящие далее к Северу (к Биарме -Тиарме-Перми) Белой Скифией.

И вот здесь-то, в устье Дуная, очевидно, и числится это нечто противоположное «аду», то есть «рай», который не избавил, однако, ссыльного поэта Овидия от тоски по родине - Риму. И если конкретнее, то «рай» был, конечно, вверху, на небе. Возможно, что-то похожее на нынешнее НЛЮ - тот же «летающий остров», населенный богами, а если людьми, то «богоравными». Это они принадлежат будущему, содержат белых лебедей и посылают их лететь над землей, увлажняя сушу и гася людские страсти. И как тут не вспомнить Велимира Хлебникова с его периодом в 350 лет, устремленным как в прошлое, так и в будущее, где возможны «двойники» тех, что живут в настоящем? Ну, и как бы гомеровы греки назвали этот свой «летающий остров»? Корневой слог «вен» -«венед» - «анет» - «ант» -«азд» - «анд» - «ад» - «азр» (воздух)- эра (время) - азрай (допустим так - воздух, дух), отсюда «рай». Рай - арай - арий - по Владимиру Чивилихину «пахарь» - человек, который пашет «поле» и которое может быть вверху и на небе.

И еще игра таким ключом вот что выродила - каких «двойников»: азд-аен-вен-воен-воин-бойн. «Венед» - «азд» Гомер и наш знаменитый «Боян» из «Слова о полку Игореве», оказывается, «двойники». Как две капли воды: и творцы, и слепцы, и певцы, сами творящие песни.

Мысль о долговременной, многопотоковой эволюции озаряет изначальным, дополнительным смыслом простые и ясные, даже привычные слова. Скажем, Польша - Полоша - палашь -полоса. Индоиранский поток, проникая в Европу, продвинул на запад Германареха, германские племена из того же потока, разделив «полосой» (германские племена и оставшиеся тут, по ходу движения, южнее - скифы, севернее - славяне).

Славяне - соловяне - соловенеды - особые, отдельные анты; восточные славяне, в отличие от западных венедов, «испещривших собой карту городов и селений Европы».

В земле копался этот упорный Шлиман! А я вот копаюсь в словах, в памяти

человеческой, связанной с эстетикой, духовной историей, с микро- и макрокосмосом. И непостижимым образом, как аэд, песнепевец из эха веков, перевожу я те их древние песни, и пишу даже их продолжение, ведя старых героев по новым скрижалям, по периодам эволюции, по все той же Трояновой Тропе, как по волнам человеческой памяти.

Троянова Тропа - Троян - Троя - все от того же: тороя - ВТОРОЕ, вторичное, а первичное, «илионское» - то, что под ней - под Трояновой Тропой (то есть духовной, богоносной, художественной), существующей в воображении. А первичное, первое - это сама земля, останки города, культурный археологический слой Илиона, это давние тлеющие угли, это страны, сами народы и имена, властители по эпохам, четко сменяющие один другого. Первое и второе - это Навь и Правь, согласно «Велесовой книге». Без первого нет второго, а без Второго нет Первого. Это - сама история, это - пражизнь. От Трояновой Тропы и шел, на мой взгляд, Гомер к нам сюда, в наши дни, наши пределы, к нашему воображению.

* * *

Итак, в отношении гипотез и открытий, сделанных вашим покорным слугой - автором «Трояновой Тропы» (Большого Евразийского Круга) - позволим себе прийти к таким выводам.

Первое. По моему утверждению, Генрих Шлиман произвел раскопки не Трои, а Илиона. Троя же существовала в воображении Гомера, скорее это художественное, литературное, вымышленное название Илиона. И Троянская война была скорее войной ахейцев за сохранение своих духовно-эстетических ценностей, сопротивление горячему дыханию Востока - очередной экспансии через троянцев с малоазийского побережья.

Второе. Слепой Гомер в своей «Одиссее» «прозревал» будущее Христианство.

Третье. Провидец Тиресий - двойник Гомера указывает на необходимость продолжения «Одиссеи», то есть третьей книги эпоса из жизни царя Итаки (после «Илиады» и «Одиссеи»).

Четвертое. Большой Евразийский Круг устанавливает период движения восточных народов на Европу в 1200 лет. Очередной «исход» падает на середину текущего века. Вот на что следовало бы обратить серьезное внимание нынешним политикам и экономистам, всей современной цивилизации.

И, что согревало меня изнутри, когда я, идя по Трояновой Тропе, создавал этот Большой Евразийский Круг (БЕАК), что давало мне новые силы, так это личное знакомство с такими высшими людьми, как Святослав Рерих («Кентавриада») и Д.С.Лихачев («Слово о полку Игореве», трилогия о Крещении Руси). Со Святославом Рерихом мы встретились вместе с московским скульптором В.А. Чухариным в Третьяковке, в дни проведения выставки художественных полотен Рерихов. Святослав Николаевич стоял у входа с женой, одетой в ярко-красное, под ее же портретом. Бросалось в глаза это ее яркое национальное одеяние и сам Рерих в темной академической шапочке.

А с Д.С.Лихачевым я познакомился в один из дней во время последнего Всесоюзного писательского съезда, когда академик ушел из президиума в зал, и я оказался сидящим рядом с ним в Большом Кремлевском дворце.

От Больших Людей и – Большая Энергия Духа, Высокое Мерцание Звезд.

Звезды сияют для всех

Верую
Во единого бога-отца,
Вседержателя неба и земли,
Творца.

Из репертуара Ф.И.Шляпина

Завел же Одиссей-царь Итаки в Белую Скифию. В детство человечества, в немыслимую глубину. А мы свою историю все от Киевской Руси мыслим, от принятия Христианства, а обо всем, что до того было, говорим как-то скороговоркой. Может быть, наша государственность, как, впрочем, и других европейцев, и начинается с христианизации. Что же касается истории народа, пранарода нашего, как и всех индоевропейских народов Европы, то она невообразимо древнее.

Думается, всерьез изучать данный вопрос ученые лишь начинают. Аксиоматично лишь то, что язык наш славянский, как и языки многих народов Европы и Азии, принадлежит к семье именно индоевропейской, то есть все эти языки имеют общие праисторические корни. История теряется во мраке тысячелетий. Многое уже накопилось, ждет своего внимания, систематизации. На одном хочу сконцентрироваться - на духовном факторе, на стремлении наших пращуров к Солнцу, к свету, в небо, куда праотцы наши помещали богов, к космическому познанию через веру в

лучшую жизнь и надежду на Счастье. Все это было заложено в прарелигии и наших пращуров, которая оказалась невероятно притягательной для последующих поколений.

Прародина праславян - Скифия, Белая Скифия. Так свое время назывались населенные скифами евразийские степи Северного Причерноморья. А прародина скифов, территория юга Урала и еще южнее,—это как бы «замок» между Азией и Европой, «ключ» к которому невесть сколько времени находился у скифов, из которых особо выделялись «царские скифы» - племена арийского, индоиранского происхождения. Высокие, стройные, светлоглазые и светлоголовые, заряженные на духовность, движение ввысь, вглубь и по горизонтали, аккумулятор энергии.

Откуда взялись они - это загадка. Может, они, действительно, сколок предыдущей цивилизации? Позволю себе высказать такую мысль. Поскольку скифы находились на «замке», на Главном Степном Ходу, к ним сюда стекались духовные и материальные ресурсы с известного тогда подлунного мира: с Севера и Юга, с Запада и Востока. Как чутко впитывали скифы все это, преобразовывали в себе, одухотворяли и распространяли затем в походах и завоеваниях.

К тому времени, когда Одиссей решил отправиться в свое второе плавание (на сей раз в Северное Причерноморье), Скифией назывались уже обширные степные пространства от юга Урала на запад до устья Дуная-Днестра-Днепра. Причем скифами считались также и праславяне, жившие у лесной зоны и занимавшиеся земледелием, именно наши прапредки. Южнее их, по северному побережью Понта Эвксинского (Черного моря), тогда уже располагались греческие города-полисы, торговавшие со Скифией, в том числе и с праславянами. Известны торговые центры Пантикапей (Керчь) и Оливия (устье Днестра). В первом из них (Киммерийский Боспор) скифы к тому времени помещали «ад», в устье Истры (Дуная) - «рай». Еще раз акцентируем внимание, на том, что в «рай» у них попадали не только боги (как у греков в метрополии, где они обитали на Олимпе), но и души героев, даже простых смертных после долгих блужданий и испытаний.

Вспомним, что на родине, у себя в Итаке, у Одиссея после расправы с молодыми ахейцами не было возможности не только попасть к богам на Олимп, но даже достойно завершить свою жизнь, быть преданным с почестями родимой земле. Итак, по совету провидца Тиресия, Одиссей отправляется в новое плавание, чтобы встретить человека, который бы весло в его руках принял бы за лопату. Тогда и придет «очищение» Одиссею. Естественно, царь Итаки должен отправиться на Север - в Скифию, откуда в Грецию, подчеркиваю, шли потоки зерна. Куда же еще?

Именно по северной границе степи, у лесной зоны, уже было развито земледелие, им занимались наши праотцы - праславяне, входившие в общий круг племен, имевших индоиранские, арийские корни. Кстати, зерно, вероятнее всего, было культивировано из дикого злака, произраставшего в нагорьях нынешнего Ирана, Афганистана, куда уходили и откуда постоянно возвращались эти скифские племена.

Однако, как представляется, не менее важной может быть, даже тайной мыслью Одиссея была даже не столь торговая, экономическая подоплека, сколько стремление «присмотреться» к скифскому «раю» в устье Дуная, о котором он, будучи греком, был, безусловно, наслышан. То есть царя Итаки интересуют вопросы, так сказать, нравственного, духовного порядка. И что же встречает Одиссей? Демократичность этого «рая», привлекательность такого «рая» для собственного народа.

Сама идея бессмертия души - одна из главных в Христианстве. Еще когда эта идея жила в ариях, спланивала и направляла разрозненные кочевые племена. Духотворна такого рода поэзия, овладевшая массами! И вот вожди скифских племен обновляют древнейшую мысль о том, что «страна блаженных» расположена где-то на Севере, нет, теперь уже обновленный «рай» находится, дескать, в устье Истры-Дуная. И степь сдвинулась и пошла, кочевники движутся по ковylie за бессмертием души каждого смертного. К этому праскифы-арийские племена были подготовлены своим долгим сидением «на замке», своей северной легендой. Согласно этой легенде (до ледникового периода, возможно, и натурально) «райские кущи» пребывали где-то на Севере у горы Хара, на берегу Молочного моря. Именно там была счастливая, благодатная жизнь для всего народа, Белый остров, где люди могли жить по тысяче лет, не зная страданий, болезней, жить беззлобно, по совести. Но прежде надо было пройти туда через мрак и холод, через льды, длившиеся полугодиями ночи...

Сдвинувшись к западу по Северному Причерноморью, арии в общескифской массе, вполне возможно, назывались «царскими скифами», то есть особыми, опорными, в этой степной разноплеменной стихии. Деятельные, духовные даже тонкие разнообразные в культуре (в курганах найдены предметы, исполненные в «зверином стиле», имеются даже изображение львоподобных существ) и в то же время кровавожестокие, - они где торговлей, а где огнем и мечом широко несли свои идеи народам. Карта европейского континента значительно изменила свой облик после потоков арийских, индоиранских праславян, праскифов - венедов и антов. Кстати, легенда о волчице, вскормившей человеческого ребенка, давно бытовала у скифов и была, по всей видимости, занесена в Рим тем же Энеем. И о викингах-

норманнах - варягах, осевших на территории Скандинавии. Это северный, «продвинутый» вариант все тех же праскифое с их буйной, прямо-таки степной кочевой активностью на море - плыть в неизведанное, открывать, завоевывать. Вот и ищет сейчас Тур Хейрдал следы пребывания своих пращуров где-то в районе Азова, а археолог Леопольд Красницкий находит следы варяжских набегов в середине Руси, южнее Орла ...

Попав в Оливию, Одиссей должен пройти через все. Для него новый скифский мир находится на грани этого и того, потустороннего мира. Какие же испытания ждут героя, что ему предстоит? Новый мир для Одиссея, попавшего в Скифию, это и земной каменный пояс Урала как пояс верховного бога, сброшенный им при сотворении мира. Это и золотые реки, текущие в золотые озера. А в бытовом плане это и мухоморы, конопля, из которых скифы готовят священные напитки - сому, сурью...

Что интересно, Данте с героями своей «Божественной комедии» прошел по кругам «ада» и «рая». Однако, когда в 1816 году появился перевод зороастрийской «Книги Арфа-Вираза», все с удивлением увидели сходство с ней великого итальянца. Благочестивый Арфа-Вираз, путешествуя через рай и ад, познал немало о вознаграждениях праведников и наказании грешных за содеянное на земле. Конечно, сочинение Данте оригинально, однако «известно, что европейская средневековая литература заимствовала многие образы и сюжеты арабской литературы, а через нее также иранской и индийской (Г.М. Бонгард - Левин, Э.А. Грантовский. От Скифии до Индии.- М.: Мысль, 1974.- С.107).

Не то ли же самое поджидает в Скифии и Одиссея? Выделив некую духовность скифов, сконцентрируемся на Христианстве. Известно, что скифы совершали многолетние походы на юг, в Переднюю Азию. Они доходили до Египта подолгу стояли в тех землях, распространяя свой менталитет. А тут еще и прямое дыхание на тех же греков с Востока, из страны ариев, с индоиранским происхождением или влиянием. Восточные волны индоиранских, арийских племен, накрывая одна другую, катятся по векам. Подтвердим факт, что после Троянской войны - по Вергилию - герой разгромленной Трои Эней (Веней -венед; венеды и анты - арийских, индоиранских корней) отплывает в Италию и основывает Рим. Затем уже сам римский языческий мир утопает в роскоши и разврате. И из «варварских недр», из той же Передней Азии, приходит идея спасения мира. Эта идея, вызрев где-то в недрах, воплощается затем в образе Спасителя, богочеловека Иисуса Христа.

Известно, идея Человека, бессмертия души не только царей, но и простых смертных всегда жила в сознании именно индоиранских, арийских племен. И далее, когда христианский мир раскололся на Западную Священную Римскую империю (с центром в Риме) и Восточную (с центром во втором Риме - Константинополе - Царьграде) и Запад стал католическим, а Восток - византийским, православным, очередная волна с Востока накрывает эту самую Византию. Выходцы из той же Средней Азии турки - сельджуки захватывают Константинополь - Царьград, превратив его в Стамбул. К тому времени Русь уже православна, ею в 988 году н.э. принято Христианство. И позже уже Москва после Киева объявляет себя «четвертым Римом», а «пятому не бывать». Так, идеи греческой, византийской веры из скифских, праславянских истоков, отлифовавшись, возвращаются к прежним своим историческим недрам.

И куда же девались скифы? А куда и обычно все степняки. Сменили название, исчезли, растворились в степи. По натиском новой арийской, индоиранской волны - сарматов скифы частично «нырнули» под крышу праславян. Вспомним, до того у степных кочевых племен вождями были два брата Славен и Скиф; один двинулся на Север, основал город Славен, ныне Новгород Великий, эти праарийцы ставшие затем земледельцами, праславянами, и есть наши предки. А другой брат Скиф спустился южнее, к морю, в причерноморские степи. Так вот, когда подступила новая индоиранская волна - сарматы, вполне вероятно, что одна часть скифов ушла под праславян, забыв прежние распри, под натиском нового, более жесткого врага. Другая же часть, в основном «царские скифы», двинула по проторенной дорожке через Кавказ, опять-таки в Переднюю Азию, до Египта, иные так и застряли в пути, зажатые узкими кавказскими ущельями, приняв имя «аланы» (ныне осетины), в русских летописях - «ясыги».

Вот такой была палитра степи без четких международных границ. Тут все катилось вслед за скармливаемым скоту ковылем на скрипучих скифских телегах, сбитых медными гвоздями: и царства, и семьи, и пракультура, и прарелигия. И ехали скифы, куда вела их судьба, на сколько хватало сил, передвигались, гоня перед собой стада, покоряя племена и народы. А позади в той же причерноморской степи вырастали курганы. Ходили скифы невесть куда и в восточном направлении. Возможно, именно перед ними маячили и Молочное море, и золотые реки, стекающие в золотые озера. В самом деле, возможно, они одолевали и существовавший некогда Берингов перешеек и попадали на Север Америки. И уже в качестве североиндейских племен эти выходцы из серединной Азии насадили на центрально-

американских ацтеков и майю. Ведь еще по той же иранской «Авесте» и тем же индийским «Ведам» было известно, что земля круглая, что существуют семь больших островов - материков (если учесть, что Америк две - Северная и Южная). А мы все говорим, что это Колумб открыл Новый Свет. Возможно, не случайно европейские мореплаватели средневековья, в поисках Индии, отправлялись именно на Запад, за Атлантику, а не на Восток. Вполне возможно, в скифско - арийской прапамяти, в их северо-шаманском полусознании брезжили именно американские - аляскинские и ацтековские «эльдорадо», которых можно было достичь, лишь пройдя через холод и мраки той же полночной Чукотки.

«Черную дыру» на Млечном Пути открываем, хватает ресурсов у человечества, а вот с Индией, как и со Скифией, никак не разберемся. Однако скифам хорошо было известно, что прежде, чем достигнуть священной горы Хары, Белого острова, гиперборейского «рая», где все народы, все люди могут быть бы счастливы на «блаженной земле», надо только пройти через мраки полярной пустыни, где падают «белые перья» птиц и лежат снегами по самое горло. А счастье у каждого по-прежнему лишь в надеждах.

* * *

И все-таки неотступна мысль: действительно, откуда хоть взялись они - эти арии? Не вечно же были они на этом «замке» Азии и Европы? О том, что до поледенения на Севере было тепло, говорит тот факт, что на Шпицбергене, в Воркуте добывают каменный уголь, а на Соловках растут водоросли, как где-то значительно южнее - на балтийском побережье или в районе Посъета на Дальнем Востоке. Известно, что львы в скифские времена обитали на Северном Причерноморье, а «слоны» - такое привычное слово для нас («слоняться», «прислоняться»)-указывают на наши непривычные,индоиранские корни.

И, в самом деле, арии эти из некогда ушедшей на дно Атлантиды, до сих пор интригуют нас былым своим существованием. Что-то происходит с планетой - подвижка земной коры? То Атлантида соединялась с Индостаном, была единым материком. То восточный берег Южной Америки, как бы разделяясь с Африкой, повторяет ее западные очертания. То там, где в Евразии некогда была суша, теперь плещется Черное море, а где сейчас Западно-Сибирская низменность - простирались бело-молочные воды Северного океана. Дно Байкала опускается на семь миллиметров в год, а берега Атлантики отдаляются друг от друга на один сантиметр. Мо-

жет, дело даже не в процессах тектонического характера, а в результате столкновения с небесным гигантом перекосило ось планеты?

А если эти рослые, светлоголовые воины не переходили Берингов перешеек, не появлялись на конях своих перед жителями Центральной Америки, так отчего же, увидев на конях колумбовых конкистадоров, ацтеки и майя падали ниц перед ними, как перед божествами, известными им по преданиям? Двигаясь волна за волной, наши праотцы конно и на веслах, покоряя, обошли весь тогдашний видимый да и невидимый мир. Так как же преодолевали они огромные расстояния? Что же степняки летели по воздуху? В некоторых случаях и «по воздуху», который был для арийских, индоиранских народов, родной стихией. Иные исследователи склонны предположить, что арии могли быть и небесного, внеземного, космического происхождения, занесенными из другие миров. Кстати, слово «арии» выводится из «воздуха» (аег - при редуцировании - аг, как и aedes - храм превращается в ades - ад). Нам по-иному хотелось бы отметить эту «воздушность» ариев, а именно, как «всепроеходимость», способность преодолевать расстояния, пространство, препятствия, в том числе и по воздуху. Степь скифы проезжали на телегах, а когда возникали водные рубежи - реки, степняки способны были перенести свои телеги с помощью воздушных змеев. Установлено, что в Египте таким способом тогда уже поднимали на пирамиды пятитонные блоки. А скифы, как известно, в своих походах на юг доходили и до Египта.

В связи с этим возникает такая мысль. Если арийские народы, кочуя по суше, способны были переносить подобным образом свои «корабли степи» - телеги через водные препятствия, то, почему бы, наоборот, когда часть ариев превратилась в «морской народ» (норманны - викинги - варяги) им, переходя реки, не перетаскивать было свои суда с помощью тех же «воздушных змеев», одолевая через «сухие» участки, так называемые «волоки»? Например, «на пути из варягов в греки» - из системы Волги в систему Днепра, в районе реки Ловать. А рек на кочевом пути скифов было более чем достаточно (Дон, Днепр, Днестр, Дунай). О том, что они были освоены народами именно арийского, индоиранского происхождения говорят сами их названия («дон» - «река» по-скифски, неотъемлемая часть названия каждой реки).

Когда циклон Полифем вопрошает, кто же это его ослепил, Одиссей отвечает: «Никто». Страшен великан, одноглаз, с одним, «третьим глазом» во лбу, как и в мифах ариев получудовища, что охраняли подступы к «краю». Для Одиссея же «краем» всегда оставалась родная Итака, земле которой, возвратясь из второго плавания, и мечтал он достойно быть преданным.

А кони, вся эта кентавриада, люди сросшиеся с конями, словно песни аэдовы, как несли, так и несут по земле и по небу, невозможно остановить. Ибо дух, переходя границы времени, вечен. Все на Земле по-прежнему вращается вокруг Полярной Звезды, и три звезды Большой Медведицы гонятся за четырьмя. И пращурьы наши, Гомер это знали. Как теперь знаем и мы.

Звезды сияют для всех.

От автора.

«ВЕЛЕСОВА КНИГА»
(языческая летопись)

*«... уж трижды Русь
погибающая вставала».*

Надпись на дощечке
из «Велесовой книги».

В августе 1919г. судьба занесла Али Изенбекова в Великий Бурлюк, имение дворян Задонских, находившееся в южной России, в 14 км от уездного городка Волчанска Курской губернии. Книжки валялись прямо на полу. Под ногами Изенбекова что-то скрипнуло: нагнувшись, он рассмотрел на полу деревянные дощечки, написанные неизвестными знаками. Одни из них были изъедены червями, сколоты, стерты, другие были в хорошем состоянии, но все они выглядели старыми. Изенбеков понял, что нашел что-то ценное.

Дощечки были приблизительно одного размера. В длину - 38 см, в ширину - 22, в толщину - 6-10 см.

Часть дощечек была скреплена как книга, а другая - как календарь. На дощечке были нанесены прямые параллельные линии, строго под которыми были размещены буквы, как в санскрипте или хинди. Письмена вдавлены в древесину острым стилем и во вдавленные места втерта краска, затем все было покрыто чем-то вроде лака. Буквы были плотно прижаты друг к другу, без интервала. Такая манера письма называется «сплошняком» и вполне свойственна кириллическому письму Руси конца IX-XVII в.в.

С.Я.Парамонов (Лесной) в 1957 г. дал «дощечкам» условное название «Велесовой книги». Одна из дощечек была посвящена Велесу, и он полагал, что вся языческая летопись написана жрецами Велеса.

Все происходит в степях Причерноморья.

Вся летопись - сплошной вопль к единению Руси.

Само понятие Руси гораздо шире, это не только Киевская Русь, корни Руси уводят на запад, к Карпатским горам.

Карпатской прародиной индоевропейских народов гордятся прежние и современные европейские ученые.

... Прожили 500 лет, а затем перешли на Днепр. Есть указания на то, что в Карпатах русы назывались «карпами». До сих пор как напоминание о прошлом живут здесь русины.

... Авторы «Влесовой книги» было трое, они рисуют русов как скотоводов, живших по всей степи от Карпат до Волги. То была Скифия, ныне юг России, Украина, Белоруссия.

... Главное богатство «Влесовой книги» не легендарная история, а легендарная мифология о язычестве древних славян. Ценны свидетельства о трех основных субстанциях мира: Явь, Навь и Правь. «Явь» - это видимый, реальный мир, «Навь» - это мир нематериальный, потусторонний, мир мертвецов. «Правь» - это истина или законы бога Сварога.

Бог назывался также Триглав. Триглав - это единый бог, но в трех лицах: Сварог, Перун, Свентовид. Идея Троицы, родившаяся в недрах арийских народов, имела своего аналога в христианстве.

Вместе с тем древние русы поклонялись всем силам природы, бог для них был всюду. Свет, тепло, молния, дождь, родник, река, ветер, дуб, дававший им пищу, плодородие земли - все это было проявлением бога и вместе с этим самим Богом.

Русичи жили в природе, считали себя ее частицей, растворялись в ней. Это была солнечная, живая, реалистическая религия.

Святые идеи восточнославянского братства вдохновляли создателей «Влесовой книги». Ради нее и создали они особое письмо, особую эту дощатую книгу.

Ю.Бегунов.

Академик.

* * *

Легенда совпадает с легендой. Видимо, летописец опирался на одну из Влесовых книг, хранившихся в монастырской библиотеке.

совых книг, хранившихся в монастырской библиотеке.

«Лета 3113 (2578 до н.э.) великий князь Словен поставиша град и именоваша его по имени своем Словенск, иже ныне зовется Великий Новгород. И с того ново-пришельцы скифы начаша именоваться словяня...» (Из Мазуринской летописи).

«Словен с братом Скифом, имея войны многие на востоце идоша к западу, многие земли о Черном мори и на Дунае себе покориша ...» (Из Иоакимовской летописи).

Здесь же говорится, что потомками Славена были новгородские князья. Видно, Иоаким не случайно буквально цитирует Велесову книгу. Он - первый новгородский епископ, вместе с Добрыней и Путятой крестил Новгород. Он - культурный и грамотный человек, византийский грек, учившийся в академии, разбиравший там рукописи греческих, языческих философов и поэтов. Только он и мог спасти Велесову книгу во время устроенного Добрыней погрома, собрать священные дощечки из разоренных ведических храмов, образующих епископскую библиотеку.

Бус Кресеня.

(Александр Асов).

ГОМЕРОВСКАЯ ТРОЯ

(27 веков спустя)

«Троянова Тропа» (Большой Евразийский Круг (БЕАК)) - это громада, поистине циклопическое сооружение. И не просто Леонарда Михайловича Золотарева как автора этой «египетской пирамиды», скорее он является соавтором многих произведений, переведенных, воссозданных и введенных им в этот круг (в частности «Одиссея» Гомера, «Велесова книга» - поэма на древних деревянных дощечках, «Слово о полку Игореве» Боянова или неизвестного автора).

А весь Большой Евразийский Круг выглядит сейчас так.

Книга первая. «Одиссея» Гомера (в переводе Л.Золотарева), «Белая Скифия» («Трояда») - Л.Золотарева.

Книга вторая. «Кентавриада» Л.Золотарева, «Велесова книга» (о двух «исходах» нашего пранарода из Индии в Европу, в частности, от Балхаша до Дуная, от Дуная до Днепра, Киева).

Книга третья. «Слово о полку Игореве», трилогия «Русь Христианская» (драма «Половецкие ночи», трагедии «Княгиня Ольга», «Владимирская горка»).

Сюда же, в «Троянову Тропу», можно включить и произведения, созданные несколько ранее, как бы переведенные с библейского «языка» на современный светский поэтический язык. Это «Заповеди жития», «Заповеди блаженств», поэмы, созданные на основе «Песни песней Соломона», «Екклесиаста» и «Псалтиря» из «Ветхого Завета», на библейские сюжеты, книга о генотипе русского народа.

Особая роль в создании Большого Евразийского Круга принадлежит «Одиссее» Гомера. Именно «Одиссея», а затем ее продолжение «Белая Скифия», естественно входящая в гомеровскую «Троицу», замыкая Круг, и создают своеобразное «золотое кольцо», придают этому «кольцу» особый смысл во времени и пространстве.

А замыкание «кольца - круга» началось с того, что автор написал текст к «Гимну России» и повез его в Москву. Естественно, ничего, кроме нескольких слов, лучшие из которых, как сам он считает, «мудрость народная», из текста не было взято. Однако поездка эта дала возможность встретиться с одним столичным профессором, знакомым по давним временам. И состоялся примерно такой диалог.

Профессор. Ну, чем теперь занимаешься?

Автор. Да вот «Слово о полку Игореве» перевел с древнерусского.

Профессор. А «Одиссею»?

Автор. А что «Одиссею»?

Приехал автор в Орел и крепко задумался. Заглянул кое-куда: «Илиаду» переводили, совершенствовали поколения, а «Одиссею» публиковали все в классицистическом переводе Жуковского. Даже Белинский считал, что в таком виде «Одиссею» о «детстве человечества» читать возможно лишь детям.

И вот, имея уже опыт перевода с французского, древнерусского («Антологии французской поэзии», воссоздании некоторых произведений из древнего эпоса), Л.М.Золотарев заглянул и в этот таинственный уголок. И поразился. И вдохновился.

Новая «Одиссея» - это поэтическое переложение поэмы с прежнего перевода. Автор нового перевода, греческого не знает, тем более древнегреческого. Однако теорией перевода допускается поэтическое переложение. Тем более, если перевод делает переводимый текст более современным, вводит произведение в круг литературы, культуры следующего поколения.

Какое же значение раскрывает новый перевод «Одиссеи», какие ретроспективы и перспективы видятся переводчику? При чтении научного трактата, в личных контактах с его автором возникает следующее. Действительно, поэт Н. Заболоцкий, работая со «Словом о полку Игореве», выделял в переводе такие качества, как «точ-

ность и естественность». Для сравнения берем текст любой из 24 песен «Одиссеи» в переводе В.А.Жуковского и новый текст Л.М.Золотарева и видим, что стилистика нового текста современна, лексика и синтаксис обладают теми же качествами «точности и естественности», ясности и простоты, а смысл - пронизательностью и глубиной. Именно такой перевод - переложение дает нам возможность «прозреть» с точки зрения современности, оценить глубину внутреннего «зрения» слепого Гомера.

Аэд имел перед собой тысячелетний опыт Запада и особенно Востока и воплощал все это в своей этике и эстетике. 27 веков назад Гомер создал свою «Одиссею» героическую поэму, в которой мы видим ныне модель двухпланового произведения. То есть художественно воплощенный объективный мир, существующий реально, и мир мифологический, фантастический, ирреальный (гиганты-циклопы, острова сирен, Аид - подземное «царство мертвых», особый мир интуиции, предчувствий, предощущений и т.д.). Какая творческая смелость, раскованность духа! Вот для чего каждому поколению нужны переводы не только современных произведений с других языков, но, оказывается, еще и переводы своих, русских, древних, исторически значимых произведений, чтобы лучше ценить самих себя, свое время в сравнении с прошлым.

Совершенно естественно у автора перевода возникает мысль о необходимости продолжения «Одиссеи». Слепой «провидец» Тиресий, или двойник Гомера, на желание Одиссея быть достойно похороненным, в земле родимой Итаки отвечает, что для этого ему следует совершить новое странствие (скажем, по-современному - «паломничество» у христиан, «хадж» у мусульман), которое закончится, когда человек, встретившийся на пути Одиссею, примет весло в его руках за лопату. Лопата как инструмент труда, как орудие для погребения. Выделим особо, что Гомеровы поэмы - героический эпос, и Одиссей как царь Итаки, как эпический герой совершает свое странствие на Север Причерноморья, не столько исходя из личных побуждений, сколько руководствуясь стремлением принести пользу своему народу, всей Итаке, на то он и герой эпический, «богоравный», облеченный доверием демоса.

Итак, на Северное Причерноморье обращено внимание Одиссея. Вот цитаты из «Мифов древних славян» (Саратов: Надежда, 1993. -С.209, 215, 301, 302, 242).

1. «Мифы подчеркивают связь богини Лато (позднее Лето) с северными народами и обязывают нас рассмотреть сопоставительно культ греческой Лато и славяно-балтийской Лады».

2. «Мать Лада, богиня плодородия, выступает в паре со своей дочерью Лелей, точно так же, как Лато с дочерью Артемидой, богиней плодородия».
3. «Гиперборейцы ежегодно посылают дары в делосские храмы детей Лато - Аполлона и Артемиды».

«Гиперборейцы» - нарицательное обозначение народов «самых северных».

«В гомеровское время и вплоть до Геродота северным пределом ойкумены являлся балтийский (южный) берег континента». «Геродот писал о том, что гиперборейцы заворачивали свои дары далеким южным божествам в пшеничную солому, - а это говорит о племенах, обитавших в зоне земледелия, в которую входило южное побережье Балтики и Северного моря».

4. Геродот свидетельствует «о сложной системе хода передачи даров от балто-славянских северных земель к священному островку (Делос) в Эгейском море».
5. «В ранних античных представлениях о северных землях не было ясной согласованности... Поэтому Гекатей Милетский растянул пространство Скифии от Ирана до Кельтики».
6. «Часть Скифии (и притом наиболее знакомая грекам по хлебной торговле) была заселена праславянскими племенами пахарей-земледельцев, земли которых доходили до границ Кельтики и Южной Прибалтики».
7. «Древние славяне верили в единого небесного Бога - Вседержителя, но называли его разными именами: Сварогом, Перуном, Свентовитом - и, наконец, Триглавом, то есть - Троицей. Они составляют дохристианскую Троицу. «Велесова книга» говорит о «величайшей тайне» триединства Перуна, Сворога и Свентовита».
8. ««Скифы»... по пути к Карпатам сталкиваются с «готами» у Черного моря. Видимо, под «готами» следует понимать киммерийцев».

Не отсюда ли Киммерийский Боспор - «провал», Аид - «царство мертвых» там, где Керченский пролив?

9. «Праславяне ушли из «прародины», чтобы попасть в земной рай. Возможно, стремление переселиться в то место, где никто не умирает, туда, куда уходят предки после смерти, и было причиной исхода из Семиречья».

И «рай» этот у скифов, у праславян - Ирия, в устье Дуная. Не сюда ли провидец Тиресий отсылает Одиссея, если тот, совершив убийство молодых ахеев, в конце пути хочет быть достойно погребенным в родимой земле? Заметим, по Л.М.Золотареву Одиссей, даже встретив Ирию-рай в Скифии, все-таки возвращается

в Итаку, на родимую землю. Ибо его как эпического героя, озабоченного не столько собственной судьбой, сколько судьбой всего своего народа, к возвращению в Элладу подталкивает еще и стремление передать ахеянам важную весть о том, что, если у греков бессмертием обладают лишь боги - олимпийцы, то за Понтом Эвксинским у скифов, праславян попадают в «рай», то есть в «бессмертие», даже простые «смертные».

10. «В середине второго тысячелетия до н.э. в Сирии жили т.н. «митанийские арии», которые много общих черт в религии, в культуре имели с ариями ведийскими, появившимися затем в Индии. Главой пантеона митанийских ариев был Индра. У соседей-иранцев, судя по всему, Индра был демоном. Арии появлялись в Сирии и позже - в VIII веке до н.э. (как раз в гомеровские времена). Тогда они пришли сюда из Северного Причерноморья, куда их вытеснили из Средней Азии саки и массагеты. Таким образом, эта дощечка (из «Велесовой книги») повествует одновременно о «нескольких волнах миграции древних ариев».

А мы скажем так: Одиссей знал, куда плыть, - в Северное Причерноморье. Оттуда в Грецию, на остров Делос, с Севера шли потоком не только хлеб, но и идеи от ариев - скифов, праславян индоиранского происхождения. А что же с Востока? Волна за волной идут арии в Ассирию, Сирию; а через малозийский берег и на Элладу. Автор «Белой Скифии» («Трояды»), вероятно, недаром говорит о прочитанной им в 70-е годы прошлого, теперь уже XX века статье одного ученого богослова в журнале «Наука и религия», где содержатся сведения о том, что родовые корни Иисуса Христа находятся где-то на Востоке, предки его пришли из района Ассирии.

И у нас мелькнула такая мысль. Если Гомер любит «играть в слова», то не лишними, очевидно, будут такие цепочки: «митанийские арии» - Митанна - Итанна - Итака - мита - мида - Мидия - Мидия и Гиркана - государства на севере Ирана - страны ариев, где существовал культ Индры - культ демонов для ариев южных, северный оккультизм, «черная магия». И по сей день у мусульман Ирана и Ирака как наследные ветви прошлого известны секты суннитов и шиитов.

Такое «золотое кольцо», в предчувствии Христианства, и замыкается «Одиссеей». И вот уже, через 27 веков эту идею Гомера как бы «прозревает» автор современного перевода героической поэмы. Так что же все-таки главное в Христианстве? Конечно, идея бессмертия души. А душа, по Гомеру, - это тени, похожие на «летучие мыши» в Аиде - «царстве мертвых», в том же Фессалийском Боспоре. В продолжении гомеровской поэмы у Л.М.Золотарева (по «Велесовой книге») Аид у скифов, праславян существует в Киммерийском (Керченском) Боспоре. Однако «те-

ни мертвых», покидая этот мир, по дороге в «рай» долго еще добираются до устья Дуная, куда, пройдя испытания Севером Скифии, и попадает, в конце концов, Одиссей, ищущий (по Тиресию) утешения души, «рая» земного обетованного.

11. «Хорсунь» (Херсонес, Херсон, Коразнь) - древнегреческая колония в Крыму на территории современного Севастополя. В «Велесовой книге» утверждается, что основана колония была праславянами. Возможно, здесь некогда было поселение «тавроскифов» (так называли греческих славян римские авторы). Одиссей, согласно поэме Гомера (IX-VIII века до н.э.), заходит в Балаклавскую бухту и там обнаруживает город тавролестригонов (заметим, как играет в слова Гомер). Согласно данным истории, этот город основан около 422 года до н.э. выходцами из Гераклеи Понтийской и с острова Делос. Просуществовал город до XII века н.э., был разрушен татарами-монголами».

Отметим тот факт, что здесь крестился Великий Князь Владимир, который затем крестил Киевскую Русь (Скуфь Киевскую).

12. «Афродита в одних мифах представлялась как дочь Зевса, а в других - как дочь Урана. Эрот оказывался сыном то Крона, то Арея, то Гермеса. Геката могла быть дочерью Зевса и Геры, а в других мифах - дочерью Титана и Астерии. Даже Одиссей иногда оказывался сыном не Лаэрта, а Сизифа и т.д.».

Вот так! Родство богов и то менялось, очевидно, по необходимости, ну а тем более оно может меняться у «богоравных», у таких, как Одиссей. Как известно, отец у Одиссея - Лаэрт, но почему же Одиссей оказывается иногда Сизифидом? Согласно слепому «провидцу» Тиресию, отсылающему Одиссея в новые странствия, даже после его победоносного похода на Троянскую войну, царю Итаки не суждено быть достойно похороненным в родимой земле. Выходит, изменение имени отца с Лаэрта на Сизифа означает, что Одиссей, подобно Сизифу, катил камень в гору зря, работал на войне впустую. Поневоле напрашивается мысль, подтверждающая «прозрение» автора современного перевода «Одиссеи» о необходимости продолжения второй поэмы Гомера. Действительно, Одиссею надо еще постранствовать, искупая «вину» перед ахеянами. То есть снова катить камень в гору. Третья поэма полной «одиссеи» царя Итаки «прозревается» еще и как дипломатическая миссия, посредничество в укреплении торговых, политических контактов с Северным Причерноморьем - со скифами, праславянами, с понтийско-причерноморскими греками.

Действительно, у греков-ахеян только боги находятся на Олимпе, для остальных же после смерти, и особенно «грешным», предназначен Анд, подземное «царство мертвых». В продолжении «Одиссеи» царь Итаки в Киммерийском Боспо-

ре («царстве мертвых») пытается разглядеть тень своего отца. Однако у скифов праславян «ад» и «рай» разделены. У скифов, праславян душа умершего долго блуждает в поисках «рая», пока не попадает в Ирию. Так, чтобы попасть в «рай», душе надо немало потрудиться, постранствовать. Это же предрекает Одиссею и слепой провидец Тиресий. Легенда о всеобщем переселении скифов с Семиречья, чтобы всем сразу попасть в «рай земной», говорит о своеобразной демократичности духовных идей скифов, праславян Северного Причерноморья - народов арийского, индоиранского происхождения.

Некоторыми исследователями арийцы считаются еще более ранними «выходцами» из некогда затопленной Атлантиды. Возможно, их то Гомер и изображает в виде гигантов - одноглазых циклопов. И что получается? С одной стороны, циклопы, людоеды, демоны - очевидное влияние «митанийских ариев», а с другой - возможное влияние ведической ветви, где «рай» для «смертных» допускается в небесах - в районе Ирии, то есть в пределах Скифии.

Итак, по всей вероятности, возвращаясь из Скифии, Одиссей везет в свою Итаку возможность не только улучшения торговли, но и духовную идею, одну из важнейших в прозреваемом Христианстве идею Ирии, места на небе не только для богов, но и для «смертных».

И еще. О влиянии Гомера на литературу. Когда автор «Белой Скифии» определял срок нового странствия Одиссея, то он, по его словам, вспомнил Александра Дюма. «Одиссея» - это как бы «Двадцать лет спустя», а «Белая Скифия»? У Дюма есть еще и «Десять лет спустя». Во столько лет, очевидно, и автор «Белой Скифии», как бы «чувствуя» по-гомеровски, как и Дюма, определяет новое странствие Одиссея, выделяя тройственность в духовно-божественной системе скифов, праславян как предощущаемую необходимость третьей поэмы. И вообще тройственность у этих народов, о чем было уже сказано несколько выше, выражается в том, что главный Бог у них - Триглав, Троица, а в Троице Сварог - Бог отец, Перун - Бог сын, Свентовит - святой дух.

Наконец, особо хочется отметить музыкальность нового перевода «Одиссеи». Это выражается уже в самом песенном замысле третьей поэмы героического цикла. С первых песен «Белая Скифия» Л.М.Золотарева представляется в виде сложной криптограммы - ромба, состоящего из двух треугольников: один - острием вверх, другой - острием вниз. Воссоединяясь, треугольники как бы слиты «подопшвами». Эти криптограммы - символы. Внутри них круг - Солнце, а внутри круга - Крест (вертикаль и горизонталь).

«Ромб», состоящий из верхнего - скифского треугольника и нижнего - итакийского, символизирует новое странствие Одиссея в Северное Причерноморье, в Белую Скифию и возвращение в родную Итаку. И вот этот «ромб» переполнен, как выражается автор, «скифской песней». Это музыкальный ключ к поэме, записанный на кассету с магнитной лентой. Через «машину времени» нам предоставлена возможность слышать Одиссея, а Одиссею возможность слышать нас, наши песни, нашу эпоху - рубеж второго и третьего тысячелетия. Автор «Белой Скифии», словно аэд Гомер и песнепевец Боян, продолжая их историческую традицию, наполняет «ромб» собственным голосом, словами и музыкой своих впечатлений, привлекая лучшее, на его взгляд, из современной музыкальной культуры. Музыка - это звук, протяженный во времени. Вон куда «протянулась» эта переключка: оттуда и сюда к нам через 27 столетий - от старой к новой эре, от язычества к Христианству.

Слово написанное - ближе живописи, глазу; слово звучащее принадлежит духу, душе, телу, вибрации. Звуки проникают, перенастраивают организм, заставляя его звучать, гармонично, симфонически. Это хорошо чувствовали древние эллины - аэды и рапсоды, древнерусские песнепевцы. Как видим, это старый жанр соединения слова с музыкой, он был уже, и лишь понят и пере-выражен автором «Белой Скифии». Жанр обновлен, он нов в своих современных нюансах, недаром части целого в «Илиаде» и «Одиссее» называются песнями.

Интересен интернациональный состав в «музыкальном ромбе». Колоритна палитра оркестра Поля Мориа. Своеобразна, божественна музыка Чарли Чаплина. Именно свою фантазию на его песню, свои слова и использует автор в этом «музыкальном ромбе». На наш взгляд, настроение новой героической поэмы адекватно передается французским поэтом Альфредом де Мюссе (перевод А.М.Арго) в сонете «Г-же Менессье», которая положила на музыку его стихи.

Блажен, сударыня, и может возгордиться
Тот, чьи мечтания, тот, чей певучий стих,
Хоть на короткий день, хоть на кратчайший миг,
Сумеют с вашими мечтами породниться.

Тогда его напев, что в тишине возрос,
Придет, как пилигрим, к порогу ваших грез
И станет молчалив и полн благоговенья
Пред радужным дворцам, в котором спят виденья.

Он отзвучал давно, людьми он позабыт,
Но с ваших алых губ он сызнава взлетит
Певуньей птицею под свод старинных башен.

Уж если он порог заветный перейдет,
Он будет вашими устами разукрашен,
Улыбкой вашей расцветет.

Автор «Белой Скифии» («Трояды») Л.М.Золотарев утверждает, что у Гомера существует три ареала патриотизма: родина малая - Итака, родина великая - Восток и Запад, Европа и Азия, а родина всего человечества - Небо, магические сочетания звезд, где «звезды сияют для всех».

И.Л.Золотарев.
Кандидат филологических наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Авдиев В.И. История Древнего Востока. - М., 1953.-744 с.
2. Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избранные статьи.- М.: Современник, 1982.-462 с.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. - М., 1965.
4. Библиотека Мировой литературы для детей. Европейский эпос античности и средних веков. Гомер. «Илиада», «Одиссея».-М.: Детская литература, 1984.-306с.
5. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии.- М.: Мысль, 1974.-324 с.
6. Гобарев В.М. Предыстория Руси //Под ред. В.А. Золотарева.- Ч. I, II. - М.: Менеджер, 1994.- 329 с., 682с.
7. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий.- Нижний Новгород: Русский купец и Братья славяне, 1996.-506с.
8. Древняя Греция //Под ред. Утченко С.Л.- М.: Просвещение, 1974.-270с.
9. Заблоцкий Н. Избранное. Статьи и заметки. -М.:Худ. лит.,1972. -С.269-290.
- 10.Историки античности. Древняя Греция. - Т. I. - М.: Правда, 1989.- 404с.
- 11.Карамзин Н.М. История государства Российского. - Т. I-II.- М., 1903г.
- 12.Кедров К.А. Поэтический космос.- М.: Сов. писатель, 1989.
- 13.Кун Н.А. - Легенды и мифы древней Греции.- М.: Просвещение, 1975.-459с.
- 14.Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. -Л.: Просвещение, 1972. -270с.
- 15.Мифы древних славян. Велесова книга. //Сост. А.И.Баженова, В.И. Вардухин.- Саратов: Надежда, 1993г.- 320с.
- 16.Мифологический словарь //Сост. Ботвинник М.Н., Коган М.А. и др.- Л.: 1959.- 226с.
- 17.Парандовский Я. Мифология.- Ч. I. -М.: Детская литература, 1971. -271с.
- 18.Рыбаков Б.А. Язычество древних славян.- М., 1981.
- 19.Русское колдовство. Сборник.- Спб: издательство «ВИАН», издательство «Литера», 1997.- 464с.
- 20.Русский народ. Обычай, обряды, суеверия и поэзия //Сост. М. Забылина в 4-х частях.-М.: издание книгопродавца М. Березина, 1880.- 607с.
- 21.Соловьев С.М. История России с древних времен.- Т.1-2, М.: Мысль, 1988.- 798с.
- 22.Всемирная история.- Т.3.- М., 1957.-880с.
- 23.Уоллейс Роберт. Мир Леонардо.- М.: «Терра», 1997.-192с.
- 24.Эткинд Е. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. - Л.: Наука, 1973. -247с.

Содержание

О.Н.Осмоловский. Предисловие	2
Космический Ключ. От автора	4
От Гомера до Бояна	4
Эпос. «Гомеровский вопрос»	5
«Одиссея» - венец язычества, принадлежащая всем	6
Аполлоновско-Дионисийский талант Гомера	8
Оракулы. Прорицающие сквозь магическое	10
Централизация власти. Шаги к абсолюту	12
Гомеровские реминисценции	14
Два индоевропейских «исхода». Первый «исход» - Се- миреченский	18
Второй «исход» - Карпатский	20
Динамика степи. Метаморфозы народов	21
«Да, скифы мы». Рерих в квадрате	23
«Слово о полку Игореве»	27
После переложения «Одиссеи», перед созданием «Белой Скифии» («Трояды»)	33
Мое открытие Трои	36
«Призыв к единению»	38
Большой Евразийский Круг (БЕАК)	38
Периоды через 1200 лет	39
Факты за кадром	43
Художественная стилистика Гомера	44
Постскриптум	46
Звезды сияют для всех	50
Ю.Бегунов, академик. «Велесова книга» (предисловие)	57
Бус Кресеня. Публикации	
И.Л. Золотарев. Гомеровская Троя (27 веков спустя)	59
Список литературы	68

Белая Скифия

(продолжение «Одиссеи» Гомера)

Музыкальный ключ к Белоскифскому Ромбу

А ромб - это графически два треугольника как бы «подошвами» вместе; верхний, северный, Белая Скифия с венцом где-то у Белого Орла, Янтарного Моря, в землях гиперборейских, и нижний - южный, острием в саму Итаку.

Как Генрих Шлиман открыл Трою, так и я открываю то, что гомеровских героических поэм должно быть три, трое, - кроме «Илиады» и «Одиссеи», еще одна поэма - «Белая Скифия». Ибо после убийства молодых ахейян, чтобы достойно быть похороненным в земле родимой Итаки, по словам слепого провидца Тиресия, Одиссею нужно было отправиться в новое плавание, чтобы встретить на пути человека, который бы весло в его - Одиссеевых руках принял бы за лопату.

И куда именно? Конечно, на Север, в Белую Скифию, откуда идут в Грецию хлеб, золото и рабы.

* * *

Итак, Одиссей отправляется в новое плавание на Север, за Понт, Эвксинский - Черное море с думой о Золотом руне где-то в Колхиде, о Прометее, прикованном к скале где-то в Кавказских горах, о мудреце Диогене в районе Синопа.

Мелодия. Это вслед Одиссею летит журавлиная грусть женского хора как голос родимой Итаки.

Бежит корабль. С Одиссеем два его спутника - слуги Евмей и Филойтий. И вот ветер исчез, парус повис, как бы зазвенел, воздух остекленел. Судно движется только на веслах. Как у провидца Тиресия, от усилия возникают сразу

Одиссей, как и тогда, когда, возвращаясь с войны, убежал от объятий любвеобильной Калипсо, плывет опять-таки на плоту, собранном из обломков. Итак, Одиссея ждут новые сирены, Сциллы и Харибды. Испытания.

2. Распевная мелодия «Белая Скифия» (песня Одиссея).

Тема Бегущего Корабля.

Вперед, вперед! Надейся лишь на себя! Ныне куда слабее надежда на покровительство Афины - светскокой дочери Зевса - олимпийца. Дети колебателя земли Посейдона - одноглазые циклопы швыряют с берега скалы. Сам Посейдон, раздувая щеки, поднимает шторм. Как щепку, носит Одиссеево судно. Вне времени и пространства мимо проходит военный корабль - римская галера. Оттуда несется «Песня 6-го легиона» (2 куплета). Воодушеваясь, Одиссей поет вместе с ними.

Римская галера исчезает на небе, корабль Одиссея идет ко дну. Вместо Колхиды Одиссей оказывается в Киммерийском Боспоре (где-то у Керчи). Здесь у скифов-праславян помещается Аид - «царство мертвых». Едва не погибнув, Одиссей не переступает, однако, черты. Поразительно: в проломе, с последней ступеньки, тянет руки к нему Лаэрт - его отец!

«Как, ты уже умер?! - вспыхивает все в Одиссее. - Ты же был хорошим царем! И почему ты в аду Киммерийском, а не в нашем, Фесалийском?»

Подобно летучим мышам, налетают керы - души умерших, они безумствуют, нагоняют страхи. Придя в чувство, Одиссей видит себя на земле распростертым - руки крест на крест. Скорбь перебивает в нем страхи и ужасы - отец! Спасшиеся с ним слуги - с трудом отрывают его от земли. Душа Одиссея изнемогает от боли (песня «Боль»). Какое-то время Одиссей лежит без сознания. Его пробуждают прекрасные звуки. Одиссей приподнимается, приходит в себя: Чудесным образом возникает перед ним высокий, золотисто-солнечный берег, где, благодаря опять-таки «машине времени», где-то в тумане маячат остатки египетской пирамиды, провидится греческое поселение - это район Херсона и песня о греческих ученых, людях в белых длиннополых одеждах «В роще Платона».

А дальше - пусть в глубь материка, в Скифию. Только там, откуда идет хлеб к Понту Эвксинскому, может встретиться человек, который весло в руках Одиссея примет за лопату. Смерть отца, боль по нему, тоска по Итаке, по дому, по Пенелопе, прощание с морем, неизвестность. Страхи, тоска.

Следует песня «Одиночество в ночи» (грезы Одиссея).

4. И далее гитара. Все та же тема родимой Итаки.

Одиссей, размышляя: «Какая необъятность! Земли в степи столько, оказывается, сколько в Итаке моря!»

* * *

Одиссей держит путь на Север. Вот и скифские курганы. К подножью одного из них он прилег. Первый сон Одиссея. Перед ним - царский дворец, царица скифская Несмеяна. Только что она проводила царя. Пыль, пыль, пыль - она еще тянется по степи. Изгибаясь на Восток - по будущему Белоскифскому Ромбу. Одиссею и отсюда видится: там перед скифским войском большая вода - Ра, что ли, Итиль, Волга-река, которую царские скифы преодолевают изобретательно, с помощью воздушных змеев.

А вот долетает оттуда песня Царя Всех Скифов «Золотые табуны». Одиссей задумывается над истинным смыслом слов царя Мадея, который говорит, что гонит «золотые свои табуны» на Закат, в то время как сам движется на Восток.

5. И так «Золотые табуны» (песня Царя Всех Скифов Мадея).

6. И тут Романтическая гитара. «У скифского кургана» (дуэт Несмеяны и Одиссея).

Преодолевая вспыхнувшее чувство, Одиссей отправляется еще глубже степь, по Ромбу. В степи он встречает отставшего Конного Скифа. Тот держит на канате Воздушного Змея, на другом конце каната телега. Одиссей садится в телегу. Порыв ветра и Одиссей взмывает вместе с телегой ввысь, под самые облака.

И приходит ночь. Возникает Луна.

«При Луне, в небесах» (второй сон Одиссея про князя Колаксара - героя сколотского, праславянского). Разыгрываются фантазии, в Одиссее возникают музыкально-поэтические образы..

7. Ветер прекращается, телега падает в травы. Застава. Викинги, княжеское око. Дружина князя Колаксара, насмерть перед степью стоящая.

8. Итак, «Змиев вал» (хор викингов)

«- И это тоже Скифия?

- Мы - сколоты, праславяне, Белая Скифия. Хлеб растим на земле».

«Песня 6-го Легиона» (3,4-й строфы).

9. Одиссея на коне возвращают на прежнее место - к Евмею и Филойтию. И опять в душе возникает тема моря, Итаки, Быстробегущего Корабля. А там, за спиной, степь уж гремит от копыт и телег! Это хитрый Мадай сделал в степи новый, истинный поворот на Закат! А путь Одиссея лежит на Север. Леса, реки и снова леса, поселения. И поля золотые. Осень. У слияния синих речек Одиссей видит Огромный Дуб, а на Дубе том - гнездо, из гнезда слетает Белый Орел. Тут и встречается Одиссею Молодой Скиф, который несет что-то на плече. И от радости жизни поет.

Итак, «Весло, похожее на лопату» (песня Молодого Скифа).

10. А в душе - родная Итака. Так холодно в этих местах, что иные, чтобы не замерзнуть, еще и натираются жиром. И, когда хозяин предлагает ему разделить ложе с его женой, Одиссей решает бежать. И вот все втроем греки выходят в ночь.

«Два огненных весла» (Одиссеева песня о Северном Сиянии)

До сих пор еще жив поселок этот сколотский. Край земли где-то на севере, в Норвегии, у Киркенеса.

Это и есть венец Красоты! Высоко-то как, арктический холод! Вот парит Белый Орел, которого они видели еще осенью на слиянии речек. Теперь он несет на крылах весну, пробуждение. И снова «машинка времени». Эта земля - какой она будет? Санкт-Петербург, дворцы, 19-20 века.

12. Итак «Белый Орел» («Как упоительны в России вечера»).

И тут же возникает Романтическая гитара. «Аранхуэзский концерт».

Как же эта мелодия сообразуется со всей этой Белой Скифией! Острие Белоскифского Ромба! Крыша мира! Воля, свобода! Красоте как просторно!

«Янтарный Берег. Сосны на дюнах» (песня Плачущей Сосны).

13. И далее музыкальные образы, возникающие при виде этих умиротворенных пространств. Снова тема Быстробегущего Корабля.

Как-то само собой от Янтарного Берега - путь Одиссеев поворачивает обратно на юг, на южное море, на родную Итаку. Все неотступнее другой оборот мысли: встретить человека, который бы лопату в его - Одиссеевых руках принял бы теперь за весло. И этот самый путь с Севера на Юг, по которому идут и будут идти варяги - викинги, станет путем «из варяг в греки». И в памяти возникает опять-таки песня, с которой Одиссей отправлялся в это путешествие.

Итак, «Белая Скифия» (песня Одиссея).

14. И снова тема Быстробегущего Корабля, тема родимой Итаки.

Еще шире распаивается перед Одиссеем степь белоскифская, где на торной дороге встречается ему славянский песнепевец Боян. Как и Тиресий, он тоже слеп, и что - тоже прорицатель?

- И почему с Востока идут и идут племена сюда, в Ирий, к устью Днестра? - возложь персты свои на вещие струны, изрек он Одиссею и сам же ответил: - А потому что именно тут у нас рай земной.

И рай этот у праславян-сколотов - скифов

Не для царей лишь, поверьте,

Но и смертные люди-герои

Тут обретают бессмертье!

«Живущие на облаках» (Одиссеевы впечатления от легенды песнепевца Бояна. Одиссеевы впечатления от мелодий песнепевца Бояна).

15. Мелодия Янтарного Берега.

«Так, так. Ну и кто же сам Боян? - думалось Одиссею. - Аварское или славянское имя? Бо - бог, Ян - Иоан, Иван - из простых смертных, да? Ставший Богом за подвиг слова своего духотворного, как и некогда Свентовид за подвиг свой ратный ставший то же самое Богом - сыном Триглава в той святой еще дохристианской, языческой Троице.

Так царь я или не царь? Грек или не грек? Что-то пою я с Бояновых песен!»

16. «И почему хоть Скифия эта Белая? - преследовала мысль Одиссея. И отвечалось самому же себе: -А потому что, сам же видел прошлой зимой, в снегах она была вся белая-белая. И вот весна уже - роща березовая вся зеленым полыхнула, а стволы все равно белые-белые. И еще! - размышлялось Одиссею под впечатлением Бояновой легенды о «рае» скифо-праславянском. -От чистоты помыслов.»

И так хотелось ему домой, в родную Итаку, так хотелось встретить человека, который лопату теперь уже принял бы за весло. А дорога вела по Белой Скифии к Ирию - этому скифо-праславянскому раю.

17. Все та же тема родимой Итаки.

А вот и южное море, основание верхнего треугольника. Устье Днестра, после него где-то здесь будет Одесса. Но главное, Ирий тут - рай скифо-праславянский. Одиссей готов сидеть на этом берегу, сколько угодно, чтобы встретить под соловьями этими дух Белого Орла из XIX века. Именно сюда, по его завету, привезут героя, тайно отравленного врагами. А встречает Одиссей древнеримского поэта Овидия.

«Ахиллесова пята» (песня Одиссея об Одессе).

18. Одиссей стоит на высоком, крутом берегу Понта Эвксинского. Одесса (наоборот) - иссега - «воды достаточно». Из письма императору джока Ришелье. Где-то там по берегу, в дымке, Ольвия - греческое поселение, через которую идет торговля Греции с Белой Скифией.

«Ольвия голубоглазая» (хор Сынов Ослепленных Рабов)

Именно сюда, в Ольвию, к молодой - гречанке тайно стал наведываться Царь Всех Скифов Мадай, Царские скифы убили его и с почестями похоронили в кургане.

Ночь. Серебряная луна. Корабль у берега. Одиссей дремлет у закрытых ворот. Третий сон Одиссея.

«Степная змея» (второй дуэт Несмеяны и Одиссея).

Вдали силуэты скифских курганов, у берега - опущенные паруса.

И тут же «Богатырские курганы» (вторая песня Царя Всех Скифов Мадея и с ним Скифский Хор).

19. Гитара. Тема родимой Итаки. Тень Несмеяны приближается к воротам Ольвии. Одиссей, приподнимаясь: явь это или не явь? Порывается за тенью, Евмей и Филойтий силой удерживают его. Появляется Молодой Грек, несущий на плече что-то.

«Лопата, похожая на весло» (песня Молодого Грека).

20. И следом мелодия. Гитара, Армик. Тема Бегущего Корабля.

Домой скорее, домой, в родную Итаку! И вот уже Змеинный - единственный остров в Понте Эвксинском - Черном море. Ветры швыряют обрывки слов о греческом герое Ахиллесе. Одиссей сходит на берег, чтобы вникнуть в легенду ветров.

«Белая рубаха, алая серьга» (песня о Змеином острове).

21. И далее все та же мелодия. Гитара. Тема родимой Итаки. Боль по утратам - по отцу, Несмеяне, скорбь по прожитому и пережитому. Одиссей смежает ресницы.

Четвертый сон Одиссея. И снится ему второй базилевс, оставленный на «хозяйстве». Так было, так будет - два императора в Византийской Империи - Константин Багрянородный и Лакапин. Два царя и в Итаке. Какое прозреньё! Второй базилевс! Это он устроил все с женихами и женой его Пенелопой, пока Одиссей ходил на Трои, метался по морям, островам!

22. Итак, «К отцу отцов» (нашему человеку - моление Одиссея).

23. Мелодия. Тема родимой Итаки.

А корабль бежит на юг, все на юг. Этот «купец» везет зерно белоскифское, которое вскормило немало греческих мудрецов - таких, как Аристотель, Евклид, Платон с его академией.

24. И вот уже снова перед Одиссеем эта знакомая грусть женского хора. Мелодия совсем близкой тут, любимой Итаки. Одиссей ступает, наконец, на родной берег!

«Возвращение» (песня Одиссея).

Слова Леонарда Золотарева. Фантазия на музыку Чарли Чаплина.

В конце Одиссей (глядя прямо перед собой): «Оказывается, даже во сне мы в Итаке тут плаваем, а в Скифии Белой - летают, ходят прямо по облакам».

Оркестры Поля Мориа, Гленна Миллера, Рихарда Клайдермана, Бенна Гудмена, Президентский оркестр России с Николаем Басковым, группы Ивана Кучина, «Белый Орел» и я с ними (кассеты прилагаются).

24 декабря 2001г.

г.Орел, Россия

К Белоскифскому Ромбу

Белая Скифия

(песня Одиссея)

На плоту, на плоту, как во сне наяву,
Одиссей, очарованный мифами,
Наудачу морями плыву я, плыву
В свою Белую, Белую Скифию.

Золотое руно, Золотое руно.
На плоту моем трое, нас трое –
Слово, музыка и оно, и оно –
Сердце, золотом налитое.

Вот и остров сирен, зазовут и убьют.
Жизнь, не так уж она и простая.
Золотое руно все стригут и стригут,
А оно все опять отрастает.

Золотое мое, Золотое руно –
Слово, музыка и Одиссея.
Все стригут и стригут, а они все равно
Золотее все, золотее.

На волне, на волне я, качаясь, плыву.
Все страшней острова, все чудесней.
Переплыть бы сирен, а уж там заживу,
Переполненный скифскою песней.

Песня 6-го легиона.

Пусть я погиб по Ахероном
И кровь моя досталась псам,
Орел 6-го легиона (2 раза)
Как прежде вьется к небесам.

Как прежде, храбр он и беспечен
И, как всегда, неустрашим.
Пусть век солдата быстротечен (2 раза),
Но вечен Рим, но вечен Рим.

Под ассирийским знойным небом,
В сирийских гордых городах
Шагов солдатских грохот мерный (2 раза)
Заставить дрогнуть дух врага.

Мозоли, кровь и пот не в тягость,
На раны плюнь - не до того!
Нам дал приказ Тиберий Август (2 раза),
Мы должны выполнить его.

Сожжен в песках Ерусалима,
В водах Ефрата закален,
Во славу кесаря и Рима (2 раза)
Шестой шагает легион.

В роще Платона

(сонет)

Из античной юности звенящей
До седых теперешних веков
Тихой рощей, мысль плодоносящей,
Все ведет Платон учеников.

Все идут они, те Корифеи,
Мимо соблазнительных олив,
Но одно местечко тут для феи –
Женщине любимой – припасли.

Вот как! И уж рощею Платона,
Тихой Академией его
К Истине та скифская мадонна

Вывела слепца не одного.
Внутреннее зрение дала
Корифейка, светоч, дочь Орла.

Одиночество в ночи
(грёзы Одиссея)

Ночь течет во мне,
И звезды с весел падают на звезды.
Наклонясь, я разбиваю их рукой.
Я иду по ним, прямо по ним, по звездам,
На тот манящий берег,
На тот пьянящий берег, где, как во сне,
Я вижу тебя далеко.

Моя лодка, мое одиночество
В этой глубокой ночи.
Как я боюсь потерять тебя
В этой пучине, в этой стихии звезд отраженных,
О, приблизься ко мне!
О, не молчи!

Руку мне протяни,
К груди меня притяни –
В пламя свечи,
В самое пламя свечи.
Два одиночества,
Сразу два одиночества исчезнут
В этой глубокой, в этой глубокой ночи.

Кружится моя лодка, падают звезды с весел -
В пламя свечи, к ней я подберу ключи, не огорчи.
Весла оставим на берегу,
Мы их в объятия бросим -
В водовороты ночи. В водоворотах ночи
Губы твои горячи,
О, не молчи, не молчи.
Губы, губы твои горячи!

Золотые табуны
(песня Царя скифов)

По степи, по серебру ковылей –
Табуны пылят, мы уходим в набег.
Вдруг река – широка и дика! И Воздушный Змей
Тянет в небо тучи скифских телег.

Я – Орел, я – царь птиц, лечу высоко.
Я – Орел, я – царь скифов, гляжу далеко.
И парю, и парю я для всех для нас,
Чтобы скифский народ не угас,
Чтобы скифский народ не угас.

А телеги уже за рекой – мне подать рукой,
В небесах косяками парят.
Как птицы! Как парусные корабли!
Я – Орел, я – царь скифов! И народы мои царят
Тем, что гонят за Солнцем туда, на закат,
Золотые свои табуны.
До ночи, до бледно-зеленой Луны,
До самого края Земли!
И нет поворота назад.

У скифского кургана

(дуэт Несмеяны и Одиссея)

- Увидела, узнала, полюбила.
Царица, а дрожу перед тобой.
Вернется царь, что ждет меня – могила?
Возьми меня, возьми меня с собой!

- Прошел я через Сциллу и Харибду,
Пролил по Пенелопе море слез.
И вот тону я, погибаю, гибну
В твоём бездонном золоте волос.

- Так улыбнемся вместе, Несмеяна!
Мой Одиссей, ответим на любовь!
Соединим у скифского кургана
С одесской кровью греческую кровь.
Стоим одни у скифского кургана.

При Луне, в небесах

(второй сон Одиссея про князя Колоксара - героя сколотского, праславянского)

На телеге лечу

При Луне, в облаках.

Там внизу - реки, броды, селенья.

Покровительница моя! Богиня Афина,

Зевесова дочь!

Не меня ты несешь на руках, -

Колоксара, его поколение!

Чуча-чуча, чуча-чуча!

Князь в телеге, редкий случай.

На воздушном Змее лечу,

Всадник травит канат,

По степени дерзко скачет,

Колоксар по монетке вниз,

По кровинке и рад -

За бессмертие, не иначе.

Эй, на кляче там! Чуча!

Прибавь дерзости, героя не мучай!

На Воздушном Змее -

Я и сколот - славянский герой

Где-то в начале Веры

Сплю и вижу телегу -

С парусом перед собой

Такие-то у царя Итаки

Химеры.

Покровительница! Афина Паллада!

Нам бессмертья не надо!

А может, вращаясь в этом кругу,
Всю лицемерию и лгу?
Покровительница моя! Богиня Афина!
Зевесова дочь!
И меня ты несешь на руках,
И народ мой, и мое поколение,
Обездоленное поколение.

Змиев вал
(хор викингов)

Слышите? Это шаги, шаги.
Скрипы телег. Огненный полоз с Востока.
Если б не мы тут, и Рим бы спалили враги.
Викинги мы, застава тут, княжее око.

Змиев вал – от моря до моря.
Ни обойти нас, ни конем обегать.
Роем мы ров свой, будем же продолжать
Ляжем первыми в него, кефара уж отпеваает героев.

А это слышите? Детские голоса.
Змиевы игры. Что же вы дремлете, боги?!
Ворон вещает! Смертная полоса,
Не дождемся подмоги.
Воины, вои! Ляжем под белые стяги!
Кровью умоем! Умоемся сами, варяги!

Весло, похожее на лопату
(песня Молодого Скифа)

Я – скиф, по свету белому мотался.
Иду домой, из странствий возвратясь.
Несу весло, с каким не расставался,
Как с посохом своим Великий Князь.

На синем море плавал и рыбачил,
Приобретал другое ремесло.
Моя лопата там, - а как иначе? –
И превратилась, видите, в весло.

Приду домой, воткну весло за хату –
Перед окошком, в тучный чернозем.
И превращу весло опять в лопату,
На славу мы, скифяне, заживем.

И зашумят сады и огороды,
Хлеб в закрома, за море потечет.
А как опять захочется свободы,
Рвану на Юг, как всякий скифский сброд!

С лопатой вдруг опять уйду из дома,
А возвращусь опять-таки с веслом.
Как воля, так весло нам, царство грома.
А как лопата – тишина и дом.

Два огненных весла
(Одиссеева песня о Северном Сиянии)

Темным ликом своим из южных, знойных земель,
Сгущая краски, продляю я
Долгую эту полярную ночь.
До костей пронзило, кажется. Морозы, как хмель.
Солнце выпито, заодно и Луна - его несвободная дочь.
О Северное Сияние! Восхитись на полнеба, мраки иззолоти!
Сделай лицо мое перистым, белым.
Душу только, гляди, с тьмой не сплоти,
Не выпей всю до дна, черной не сделай.
Два весла крест на крест, иней и покаяние, -
Воедино свел их так я - Одиссей многоумный!
Да и воткнул в снег - божий перст под сияние.
Огненные! Будут прочитаны руна!
Золотые прочитаны руна!
Что означает одно из них - вертикальная жуть?
А другое, менее жуткое, - по горизонту стелется?
Боги! Высокие шорохи! Дайте счастья хоть сколько-нибудь.
Ты - Звезда Полярная, Первая и вся ты, наша Большая Медведица!
Господи, обогрей, соверши! Сподобь нас на все, что, лякуя, ни делаем!
Видишь, люди с лопатой тут, с коровой вокруг Столба.
И это вот весло твое - Пространство Свободное, Белое,
А то, над ним, - Белое Время Раба.

«Белый Орел»
(исполнительская группа)

Как упоительны в России вечера
(современная песня)

Как упоительны в России вечера!
Любовь, шампанское, закаты, переулки.
Ах, лето красное! Забавы и прогулки.
Как упоительны в России вечера!

Балы, красавицы, лакеи, юнкера!
И вальсы Шуберта, и хруст французской булки.
Любовь, шампанское, закаты, переулки.
Как упоительны в России вечера!

Как упоительны в России вечера!
В закатном блеске пламенеет снова лето.
И только небо в голубых глазах поэта.
Как упоительны в России вечера!

Пускай все сон, пускай любовь - игра!
Ну что тебе мои порывы и объятья?
На том и этом свете буду вспоминать,
Как упоительны в России вечера.

Янтарный берег

(песня Плачущей Сосны)

Берег Янтарный, Холодное Море.
Красоте такой, видно, не зря
Плачут сосны, встречая зори,
Слезы розовы, как заря.

Плачу и я – сестра их на дуне.
- Отчего? – спросишь ты, Одиссей.
- Оттого что даже в июне
Как прикована я к песчаной косе.

А море штормит, в волны бросает
Слезы каменные слегда.
Кто-то рушит, а кто-то спасает
Все оплаканное века.

В Христиании и Париже
Камень с мушкой ценится, что ль.
Эта мушка в темнице рыжей –
Несвобода моя и боль.

А море штормит, в волны бросает
Слезы каменные слегда.
Все оплаканное воскресает,
Все оплачется за века.

Так, особо в денек лучезарный,
В этих дюнах и я всплакну,
В море вольное, Берег Янтарный,
Отпусти хоть меня одну!

Живущие на облаках

(Одиссеевы впечатления от легенды песнепевца Бояна)

Пряди солнечны твои,
По облакам идущий!
Ты – герой,
Ты бессмертен,
Боги принимают тебя –
Не имеющий, неимущий.

Держат, солнечного, облака,
Купает солнечная река.
Щедрой рукой раздавая дожди,
Сам ничего не жди.

Ирий – рай земной в облаках.
Соверши свой подвиг, герой!
И я тебя отнесу туда на руках –
В рай земной!

Пряди солнечны твои,
На облаках живущий!
Ты – герой,
Ты бессмертен,
Боги благословляют тебя,
Ничего от других не ждущий.

Ахиллесова пята
(песня Одиссея)

Я встретил Овидия, убитого горем,
В Одессе да с видом на горморвокзал.
- Гляди, - он сказал, - Одиссево море.
- Одесское море, - Утесов сказал.

Убитого горем азда я встретил,
Из Древнего Рима был этот Назон.
Он первым был ссыльным поэтом, заметим,
Как все корифеи тут с давних времен.

Однако и в Ирии этой несладко.
Овидиев рай, как вокзал для двоих.
Узрел я Ахилла, убитого в пятку,
И понял тщету притязаний своих.

Пята Ахиллесова - слабость поэта.
Любовь его к Риму, свободы огни.
С Овидеем дружат зимою и летом,
А как погибать, так поэты одни.

Когда выслали убитого горем
Из Рима в Одессу, где горморвокзал,
- Воды там, - сказали, - так целое море.
- Да горькая что-то, - Утесов сказал.

Ольвия голубоглазая

(хор Сынов Ослепленных Рабов)

Мы - Сыны Ослепленных Рабов.

Как снег на голову, пали на пяди эти -

Не разбитая ваза.

И Ольвия белая сделалась вдруг голубой,

Вернее, белоскифской, голубоглазой.

Наша родина тут, откуда отцы.

Скифянки - матери наши, из сумасбродных.

Пока мужа их в Египет ходили - такие концы!

От рабов нас рожали - свободных.

Мы - сыны нескопленных отцов.

Убежали из Скифия, к синему морю.

Волю - вольным! Свободу - свободным, в волчьем степи в лицо,

Несвободным - история, история.

Наша родина тут, откуда отцы.

Помогите же нам, гречанки!

Соберите на битву. Весть примчали гонцы:

«Возвращается царь на тачанке!»

Мы - Сыны Ослепленных Рабов!

Не разбита еще бесценная наша звероскифская ваза!

Позовите к себе на совет да любовь,

И, увидите, Ольвия снова станет собой -

Васильковой, голубоглазой.

Степная Змея

(второй дуэт Несмеяны и Одиссея)

- К тебе я стремился, к тебе я стремлюсь, улыбнусь,
Царица Всех Скифов, Несмеяна моя!
И ты улыбайся, блистай, извивайся,
Как в кольцах на солнце Степная Змея!
- Тебя я любила, тебя я любила, люблю
О мой Одиссей! Мы с тобою наедине.
Но царь мой вернулся, сказал: «Погублю!»
И вот я в кургане - на ложе, на дне.
- Моя Несмеяна! Не верю...
- Не верь.
- ... что мне о тебе эта ночь говорит.
Как воеет волчица...
- Прожорливый зверь.
- ...что сердце со мной, Несмеяна, творит!
Лежишь, дорогая, сама не своя.
И губы прохладны, дрожит кисея.
Царь в золоте рядом. Меч, кубок и яд.
Лицом на Восток, головой на Закат.
- Лежу не дыша, уплывает душа...
Та ночь у кургана была хороша...

Богатырские Курганы

(вторая песня Царя Всех Скифов Мадея и с ним Скифский Хор)

А вот и мы - победители, царские скифы!

Неостановимы, неотвратимы, как смерть.

Всех вас тут перебьем!

Раскlopем, как грифы!

Если вы сами не догадались еще

Умереть.

Нам, что ли, вы, молодые грифята,

Перед войском стоя, вопите из дыма:

«Не пустим! Не пустим! Не пустим!

Не пропустим через себя!»

Ветры мертвые воют уже над вами, живыми,

Ваши чубы ржаные, сколотские теребя.

А Курганы-то Богатырские наши!

Насыпали их мы,

В них покоятся наши цари!

Походите по степи, повоюйте, поешьте каши,

Вот тогда и увидим,

Что вы за богатыри!

Долго мы кровь чужую со своею мешали.

В шрамах все, иссеченные, - всюду лежим.

В дом свой добро несли, рабов отовсюду гнали

И сделали полной чашей...

- Режим!

Кровью наполнили вы свои чаши...

- Я - царь! И, как должно царю,

Это я вам говорю:

- Походите, повоюйте, постоитте - с наше, с наше!

Верьте царю!

Лопата, похожая на весло

(песня Молодого Грека)

Я – грек, по Белой Скифии мотался.
Плыву домой, из странствий возвратясь.
Везу лопату, с ней не расставался,
Как с посохом своим Великий Князь.

За синим морем торговал, горбачил,
Приобретал другое ремесло.
И вот в лопату, – ну а как иначе? –
И превратилось то мое весло.

Вернусь в родную греческую хату,
Воткну лопату в землю за окном,
И превращу я в дерево лопату,
На славу мы в Итаке заживем.

И зашумят сады и огороды,
Хлеб скифский хлынет изобильно к нам.
А как опять захочется свободы,
Рвану на Север, к скифским берегам.

С веслом, с веслом опять уйду из дома,
А возвращусь с лопатою и рад.
Как воля, так и весло нам, царство грома,
А как лопата – тишина и сад.

Белая рубаха, алая серьга
(песня о Змеином острове)

Белая рубаха, алая серьга!
А пядь Ахиллесова серая.
Пыль дорог. Уязвима нога -
Левая. Левая. Левая.

Красотой, однако, Ахиллес обладал!
Носил в ухе капельку алую.
Как и после князь Святослав!
В белой рубахе своей кого ни бивал -
За Русь Белую, Большую и Малую.

Боже, богиня Афина! Что же ты у того берега
Проглядела его, благородная?
Вот ихватила в пятку его, как и князя Олега,
Эта змея подколодная.

Вот и остров Змеинный - земля шалая,
В Понте пока единственный, диевский.
Ахиллес - это сережка в ухе, рубинчик, кровинка алая!
Герой греческий, а породы праславянской,
Докиевской.

К отцу отцов - нашему человеку.

(моления Одиссея)

Господи! Отец отцов! Продли мой век!

Хоть на капельку, боже!

Дай доглядеть на себя, что я за человек,

Да и ты тоже.

Столько себе не намолко,

Сколько Итаке, боже!

Дай семь футов под килем моему кораблю,

Да и тебе тоже.

Господи! Зевс наш греческий,

Самый великий, боже!

Дай увидеть мне дым отеческий!

Да и тебя тоже!

Дай к Олимпу твоему причаститься,

Не оттолкни меня, боже.

Дай, бог, с грехами не опуститься,

Да и в подвиге тоже.

Господи! Окаянный век!

Люди какие! И все же

За веру в них молится наш человек

И за себя тоже.

За себя молится ваш человек

И за другого тоже.

Видишь, отец!

Как истерзан, заморожен курганом - печальником грек!

Оволховали дороги.

Святым кабы был наш человек,

На свете жили бы только боги,

Одни только боги, только боги, боги!

Сын мой, мой. Телемах!

Сын мой, Телемах!

Сын!

Возвращение

(песня Одиссея «Это моя песня»).

Слова Леонарда Золотарева и
Фантазия на музыку Чарли Чаплина

Это моя весна,
Навеселе красные маки.
Я вернулся домой,
Я иду по земле родимой Итаки.

Кто скажет,
Что на плече я несу?
Кто скажет мне,
Кем я слыву?
Если это весло, то я у корабля на носу.
Все плыву, плыву.

А если это лопата,
Копай себе под камнем,
Под которым все твои предки.
А из миртовой лопаты весна мне
Распускает уже целый лес –
Зеленые ветки, цветут зеленые ветки.

Тихо, тихо падает снег,
Я несу на плече этот лес –
Лопата моя знаменитая!
Троя буйствует вся в цвету,
Троя царствует одна у всех.
И круги за кругами,
Снеги за снегами –
Тихо падает, падает снег.

Это все Белая,
Белая, Белая Скифия!
И круги за кругами,
Снеги за снегами -
Тихо падает, падает снег.
Это все Белая, Белая, Белая Скифия!

Великая псковитянка

(трагедия из трилогии о Крещении Руси)

Музыкально-драматический ключ

«Великая псковитянка» входит в состав трилогии о Крещении Руси (драма «Половецкие ночи», трагедии «Великая псковитянка», «Владимирская горка»).

* * *

Кто хоть раз побывал в Храме Христа Спасителя на Москве, размышляя о судьбах Отечества и своего народа, тот еще не раз придет к своему «святому» в трудную для себя и для всех нас минуту. Да и просто как не прийти сюда в трудную минуту, не коснуться душою души? Для меня лично таким «своим» человеком в храме является Великая Княгиня Ольга.

Портрет княгини во весь рост находится слева при входе в нижнюю храмину, справа, напротив, – ее внук Великий Князь Владимир. Оба причислены к ликам святым за Крещение Руси. Оба и жизнедействуют в этой трилогии. Драматургия семьи княгини Ольги реально выявлена и романтически усилена в художественном изображении. Хотя и сама судьба родового клана княгини достаточно драматична.

Впервые мы сталкиваемся с упоминанием о ней в русском национальном эпосе «Слово о полку Игореве». Там княгиня выступает под именем Ярославны, которая, получив тяжелые вести о своем муже – князе Игоре, отправившемся в половецкие степи, готова кукушкой-зигзицей лететь на свою прародину – на Дунай, омочить в его водах свой брововый рукав, оплакать своего супруга – князя. В трагедии «Великая псковитянка» роль княгини – государыни усиливается: и за мужа отомстить, и дань собрать с удельных княжеств, и Русь защитить от степи, не дать в обиду. А еще как главе рода в узел связать всех и каждого, не дать ослабеть, захиреть. Вот задача-то! Чего стоит одна из них: Киев отстоять перед печенегами!

А сын Святослав ушел воевать на Дунай, пожелав возвратиться на земли задунайские, откуда мы некогда и пришли, сели на Киев. Известно по «Велесовой книге», что во втором описанном тут исходе мы шли оттуда через Карпаты 1200 лет. Таков период «колебания» степи, когда народы снимаются с места и идут за Солнцем. Так вот, княгиня Ольга предчувствует натиск степи, необходимость выстоять и победить. А еще надо создать импульс для движения Руси в будущее. После отмщения древлянам, убившим ее супруга – князя Игоря, после сожжения города их Искоростеня, княгиня Ольга как бы «прозревает», понимая, что так далее быть не может. Не кровью, не силой дань с Руси собирать надо, не, так сказать, «продразвертка» нужна, а «продialog» – более щадящая, дальновидная политика по сплочению русских людей, всех удельных княжеств перед неумолимой степной угрозой. Русью управ-лять надо! И княгиней разработана новая, так сказать, экономическая политика. А при ней нужна общая вера, и какая же – она их трех (мусульманство у степи, иудейская религия у хазаров и христианство в Царьграде – Константинополе) будет выбрана ею? И Княгиня Ольга выбирает Православие – Греческую Веру.

Трагедия, драматургия семьи романтически акцентирована автором. Знаю, не все совпадает по времени, порой членов Ольгиного клана отделяют годы жизни, но ольговичи связаны в узел, чтобы решить художественно-драматические задачи. Так, например, князь Владимир молод, чтобы участвовать в семейном противостоянии отцу – воителю, поддерживая «бабку» в ее выборе судьбы Руси – Христианства. Однако в Крещении своего народа он сыграет затем решающую роль. Впрочем, как и вообще в нашей истории, как и Крещеная Русь в истории всех народов Европы. Такая параллель легко возникает в памяти, – скажем, те же «Три мушкетера» Александра Дюма. Хроника одного ученого из Лиона так и осталась бы исторической хроникой, если бы суховатых, констатирующих страниц не коснулась огненная рука писателя. Хронику овеяло дыхание вымысла, изумительного художественного таланта. Возникли, засверкали характеры, сцены: и «подвески королевы», и конная скачка друзей-мушкетеров к кораблю у берега – к лорду

Букингемскому во имя спасения чести несчастной королевы. Да и каковы сами-то мушкетеры в их прекрасном, доблестном порыве?... Боже, сколько всего! А все, чтобы читатели всех времен и народов взяли за книгу и замерли над страницей... «Над вымыслом слезами обольюсь...»

И вот что пишет мастер исторической интриги сам А.С.Пушкин по этому поводу, исторически судьбоносному для нашего народа, как и народов Европы. Вот оно – письмо А.С.Пушкина П.Я.Чаадаеву от 19 октября 1836г. Из Петербурга в Москву (писано на французском языке).

«Благодарю за брошюру, которую вы мне прислали. Я с удовольствием перечел ее, хотя очень удивился, что она переведена и напечатана. Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что схизма (разделение церквей) отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие, татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т.п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языках? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в

единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой беспечной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся с Ипатьевском монастыре, – как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который есть одна целая история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? И (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю и далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, как литератора меня раздражают, как человека с предрассудками – я оскорблен, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, таков, какой нам бог дал.

Вышло предлинное письмо. Поспориw с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь, что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является домом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши религиозные исторические воззрения вам не повредили... Наконец мне досадно, что я не был подле вас, когда вы передали вашу рукопись журналистам. Я нигде не бываю и не могу вам сказать, производит ли статья впечатление. Надеюсь, что ее не будут раздувать. Читали

ли вы 3-й № «Современника»? Статья «Вольтер» и «Джон Теннер» - мои, «Козловский стал бы моим провидением, если бы захотел раз навсегда сделаться литератором. Прощайте, мой друг. Если увидите Орлова и Раевского, передайте им поклон. Что говорят они о вашем письме, они столь непосредственные христиане?»).

(А.С.Пушкин. –Соб. соч. –Т.10. –М., Худ. лит. –1978. –287-288с.).

Какова широта мышления, Пушкин мыслит масштабно, применительно к вселенским, онтологическим законам, каждая строка полна мысли об Отечестве, о его древних и даже древнейших истоках. Многое просто просится сюда к нам, в сегодняшнее время. Нельзя не отметить критического отношения пушкинского гения к некоторым явлениям. Однако в нашей трилогии, в частности, в трагедии «Великая посковитянка» речь идет об истоках нашей веры, когда ее еще не коснулось никакое разочарование. Речь идет о причислении нас как народа к европейской цивилизации. Однако, как и в Ольгину эпоху, так и в последующие эпохи речь шла и идет о нас, россах, расположенных географически на соответствующих пространствах и всегда как о народе колебательного, ритмичного порядка. То больше в нас Азии, то больше Европы, и когда чего больше в нас? Вот пример. Еще один русский князь, а именно Александр Невский, несколько позже княгини Ольги (в 13в. н.э.) тоже был причислен церковью к лику святых. Чего стоит тот факт, что он, этот князь, отправясь к Батыю за «ярлыком» на княжение, многое взял на себя, он сумел-таки убедить владыку степи не включать русских в свое войско. А ведь все под-обное делали - от Александра Македонского, персидского царя Дарий до Наполеона. И представим себе, если бы русские дружины были включены в состав монгольских туменов, что было с нашим обликом, какой была бы Европа?

* * *

В Космос целимся, к Марсу спутники посылаем, ищем иные цивилизации. А свою можем и проморгать. Кроме «черной дыры» в космосе, на планете существуют еще две главных опасности.

Одна – для всего человечества. Черное море может взорваться и отравить все человечество. Как в свое время и Атлантида, у берегов Центральной Америки.

Другая – для нас, русских, русской нации, государства Российского. Восток сплоченный, со стороны Китая, может поглотить Россию. Как в свое время Византию – турки. Это внешняя опасность. А внутренняя – в нас самих, в наших «язвах» – следах разложения, воспринятых от Византии (а через нее и Древнего Рима). Коррупция, надменность и лень.

- Так это будет через сотни лет! – кричит жена с кухни. – А мне сейчас нужно суп варить.

- Да, - говорю, – Взрыв может быть и через тысячи... Когда был последний Всемирный Потоп на месте Черного моря? Вот отсчитай после того еще пять тысяч лет и жди.

Есть люди, которые видят лужу уже перед носом. А есть, которые видят ее далеко-далеко, и обходят ее.

Итак, Черное море – белый пароход. Звезда полярная – горькая звезда, сменяющая цивилизации.

Итак, трилогия о Крещении Руси («Великая псковитянка»).

Пролог

Храм Спаса вновь как замер у Кремля.

Неопалимы купина, реликты.

Да вечна будет Русская земля!

Да святы будут, духотворны лики!

Вхожу, смятенный, в нижние врата.

Бреду, дивясь, средь византийских куш.

Тут моя Вера, таинства креста,

Тут я тысячелетен, всемогущ.

Глаза в глаза! Глядят в меня святые!
Стою и беседую – о чем?
Есть попросить кого теперь о вые –
О маленьком, греховеньком своем.

И о большом, великом – о России.
Да вот они – «околки» с небеси:
Княгине Ольга слева – очи сини,
А князь Владимир – справа очи си...

Синь в очи, песню от меня!
Ого! Какие люди в Голливуде!
Коня мне, братие, полцарства за коня!
В червоном чепраке по самы груди.

И что же, что не сходятся года,
Герой всегда с героями сойдется.
И пусть сюжет сражается, куется!
Трагична Русь, княгине жить всегда.

Стрела ли, яд ли, - версия не та.
Ну и читайте хроники сухие!
А тут уже иная красота,
Несет флегас нас в новые стихи.

История! Терпи смещение вех.
Русь Древняя! Сердцами золотыми
Разновеликим не пророчь успех,
Богами поверяй гармонию над ними...

Так я прошел, протек под низкой аркой –
Княгиня Ольга слева, справа князь Владимир.
А впереди алтарь – Приамов, царский,
В какой храм Спаса ныне обрядили.

Сияй, княгиня, мать моя, звезда!
Я буду приходить к тебе всегда!
Мой человек, свой человек,
Пока наш не окончен век.

Стрелы небо темнят, степь напирает. В предчувствии грядущих междоусобиц, нашествия несметных кочевых полчищ Киевская княгиня – государыня Ольга решает крестить Русь, а прежде креститься сама.

Действие первое.

Итак, X-й век. Киев. Высокий берег Днепра. Аскольдова могила. У могилы воеводы – Свенельд и Асмуд.

Свенельд. Ты звал меня, кормилец князя,
Княжат потешник, баловень судьбы?...

Асмуд (оглядчиво). Да звал.
Не знаешь разве:
Убит наш князь!

Свенельд (так и садясь на могилу).
Откуда знаешь?!
Принесла сорока на хвосте.

Асмуд. Под утро был гонец.

Свенельд (с горечью).
Без князя Русь... мать без догляда...

Асмуд. Садись хоть завтра с Ольгой рядом!

Свенельд берет гусли (задумчиво перебирая струны).

«Голубоглазая, о Русь – Русколань!
Пришел к тебе я из варяжских краев
Кладешь на плечи мне ты свою горящую длань,
И реки любви наполняют меня до краев.
Я – редкая птица, лечу к середине Днепра.
Крещен был я тут – на крутом берегу.
Пороги твои охраняю, сестра,
Держу Змиев вал и степь пропустить не могу.
Путь в греки от нас – и варяги сюда
И снова из греков отсюда варяги.
И все города, города, города.
Все косточки русские белые, наги!
Все лодьи да лодьи, все брызги в грозу.
Все весла в Царьград, родословную метя.
Предвижу – идет брат на брата, как мурза на мурзу.
Предвижу – холмы по Руси, лихолетья.
И степь бесновата. А Рим подловат.
Я вижу их близко – «ромейские знаки».
И все на кровищи, а кто виноват,
Что в поле опять урожайные злаки?
О Днепр мой Славутич! О Русь – Русколань!»

Асмуд (опять же оглядчиво).

Так будем брать мы власть?

Свенельд (показывает на могилы).

Послушай. С чем вылез ты!

Ведь и у них глаза и уши

Киев. Площадь перед гридницей. Народ на площади. На Красном крыльце
Великая Ольга. С ней внуки сына ее Святослава - Ярополк и Олег.

Молодой Дружинник

Они уж тут. Древляне уж приплыли.

Их двадцать именитейших с тех пор.

От князя Мала.

Голоса из толпы. Убили князя Игоря, убили!

А тут послов прислали свататься, позоррр!

Княгиня Ольга (вниз на берег).

Скажите им: зовет, мол, вас княгиня.

Пусть сядут в ладья для великой чести,

Вы понесете лодьи на руках.

Она же (сюда народу).

А мы их встретим с почестями, встретим!

Показывается процессия.

Гости древлянские (важничая и кривляясь).

Пешком найдем, а на возах сидим!

Вот на конях каких мы в Киев едем!

Княгиня Ольга (зловеще, внукам).

Запомните! Смотрите им в глаза!

Не только князя нам они убили -

Еще и деда вашего,

Супруга моего...

Народ примолкает, насторожась.

Княгиня Ольга (набирая голосу, перстом указывает на яму, выкопанную за гридницей).

Туда несите!

Крики людей. Постой, постой, княгиношка!

Княгиня Ольга. Бросайте!

Да в лодьях прямо! В яму их!

Вопли из ямы, стenanья.

Прости, прости, мы русские же люди!

Княгиня Ольга (жестко в яму, на всю площадь).

А вы? Вы пожалели мужа моего?!

А был он тоже русский, даже князь,
Сын Рюрика!

Молодой дружинник (озорно, с яростью).

Вот сука! Скольких мужиков,
Мечей каких двуручных загубила!

Отдельные голоса из толпы.

Все видит степь, что за Днестром, -
И нашу кровь, и нашу рознь.

Киев. Великокняжеские палаты. В опочивальне княгиня Ольга в ночной полотняной рубахе. В углу языческие идолы Перун и Велес. Большим деревянным гребнем ключница Малуша расчесывает княгине распущенную русую косу.

Малуша (подхалимски, а то ли восхищенно).

До пят коса - что перед ней и реки.

Княгиня Ольга. Чеши-чеши! Чего тебе еще.

Малуша. Днепр, да и только, солнцем позлащен...

Княгиня Ольга. За Киевом Днепр эго выгнуло.

Как русло выпятил туда,

Где печенеги, степь.

Малуша (перевязывая косу алой лентой).

Все степь да степь, чуть что, на языке,

Не бабий разговор.

Княгиня Ольга. А я теперь не баба,

Как муж был Малом погребен -

Твоим отцом...

Престол держу

По рубежу...

Стук в дверь. Появляется князь Святослав. Он при мече, в кольчуге и шлеме.

Княгиня Ольга. Опять в поход собрался, на ночь глядя?

Куда? Ах, в южный край?

А я с детьми твоими тут -

Престол твой, Киев охраняй.

Князь Святослав. «Иду на вы!» - уже послал я грекам,

Болгарам белым, за Дунай...

Княгиня Ольга. Что говоришь ты! Что уши мои слышат!

Так ты уходишь земли воевать?

Подает знак Малуше (подталкивая деревянных Перуна и Велеса).

Неси отсюда, чтобы не глядели,

Не слушали нас, идола...

Нервно рассказывает по опочивальне.

Отца твоего, а мужа моего -

Владетеля всего и Господина

В ловушку заманили - самого!

Когда была с ним малая дружина...

Ты - сын, тебя вершить и мечь!

Князь Святослав. Не прав отец был, жаден, -

Князь Игорь! Мало все ему.

Ходил ведь на Царьград, будь он не ладен,

Числом поменьше... Это я к тому,

Чтобы делиться взятою добычей

Не с тысячью, а с сотнею всего.

Княгиня Ольга. Ты говоришь, сын княжий, как не князь -

Простой дружинник или воевода.

Не князь ведет дружины, в войны влазя,

Дружины водят князя, как невзгода.

Обращаясь к деревянным идолам Перуну и Велесу.

Живу, вы видите, за двух,

Так поддержите, дух мой, дух!

Пауза. Крики ужаса где-то. Все затихает. И снова шумит лес.

Свенельд. Ух, кажется, прикончили послов.
И этих. Холм уж насыпают.

Княгиня Ольга. Эй, воеводы! Сумасброды!!
А ведь на вас лежит дружина...

Асмуд (выходя из лесу).
Я подряжался Святославу,
А не на гусях (показывая на Свенельда)
Ладить строй.

Свенельд. Кормилец! Ты из Ярополка
Сделал волка

Асмуд (горделиво). Вот я такого и люблю!

Княгиня Ольга (рассмеявшись).
Ну будет, будет вам!
Заслуги обоих воевод ценю.

Показывая на Перуна и Велеса.
А то глядят!..
Меды пивали наши деды,
Да не пропили нашу Русь.
Вот чаша вам - хмельные меды
И пейте, я иду ложусь.
И вы чтоб встали мне чуть свет!

Обращаясь к Перуну.
Искоростень чтоб взяли, дед!

Утро. Княгиня выходит из шатра.

Княгиня Ольга. Там - Асмуд, тут - Свенельд,
Готовы вроде к битве. Однако что-то врут.
Свенельд крещен был в Цареграде,
А Асмуд нет, язычник... как все мы тут...
Махни платком и - Русь напололам...
Перекрещусь на всякий случай,

Чего мне стоит?

Поворачивает Перуна затылком к себе, украдкой целует иконку.

Свенельд мне дал. Ишь, с бородой - кудель,

Бог христианский... Как свирель,

Как лель - в лесу, запел, аж зазвенело в ухе!

Ну, воеводы, в бой! Пока мы в духе.

Нервничая, ходит по поляне.

Княгиня Ольга. Все лето бьемся - не возьмем никак

Древлянский этот мерзкий городишко!

Я, кажется, придумала такое,

Вмиг искрой станет весь Искоростень!

Пусть платят дань. И то не дань, а смех:

Три голубя с жилья, три воробья с застрех.

Пауза. Появляются воеводы Свенельд и Асмуд.

Свенельд (радостно).

Собрали дань! Как ты и говорила.

Асмуд. По три цыпенка с крыши, с рыла.

Княгиня Ольга. На лапки паклю да в огонь смолу!

Пустите птах!...

Пауза. Все смотрят, как горит Искоростень.

Свенельд Народ несчастный, бедные народы!

Князья, все делят власть, а эти им

Горбачь на хлебной полосе,

Так нет еще и жарить взяли моды...

Княгиня Ольга. Не каркай! Слышит враг - искоростенцы.

Раннее утро, заря занимается. Великокняжеский шатер.

Свенельд (пробуждая всех гуслиями).

«Расплетает косу розовое небо.

Кони золотые брызнули с небес.

В колеснице с ветром пролететь и мне бы,

Гривой сизокрылой опуститься в лес.
Сядет в колесницу мать княгиня Ольга,
Воронье разгонит Ольгина серьга.
Мчится словно месяц, плачет от восторга,
Опустив корове люльку на рога.
Рог один - высокий, а другой рог - сладкий.
Тот - Олег, а этот, младший, - Ярополк.
Бабка из коляски - прячутся от бабки,
Внуки - под коляску бабушка не волк»...

Княгиня Ольга (выходя из шатра, сладко потягиваясь).

Спасибо тебе, славный воевода!
И без меча сразить меня сумел...
Ну что там, как там ихняя свобода.
Везут ли дань в наш княжеский удел?
В мой Вышегород - рядовое вено?

Стража вводит пленных древлян. Понурившись, стоят они перед Великой княгиней.

Княгиня Ольга. Что - жалко стало своего добришка?
Ту вашу дань смела б хвостом мышка.
А Киев стой за вас тут перед степью.
А Князь Великий рви за вас пупок.
А мы, мол, проживем за вашей крепью...
А я вам, баба, сдерживай Восток.

Искростенцы (переминаясь).

А где же Мал - наш князь, куда пропал?

Стражник. Был бы велик, когда бы не был мал.

Все уходит. Княгиня остается одна. Вечерний лес. Мелькает тень.

Иль это показалось мне?
Вот только ветка эта закачалась, -
С чего?..

Перун, Велес! Да не стучите лбами!

Трясут губами!

Там же, у великокняжеского шатра. Вечерняя зорька.

Княгиня Ольга (морщась).

Как всполохи от искр Искростеня

Мозги нам истомили изнутри!

Как сразу загорелся город -

Все кто куда за тын! И вскоре

Мы всех их и перехватили.

Кого в рабы дружинникам отдали,

Кому дань тяжкую назначили платить.

А все ж тоски мне не перемогнуть:

«А что как на Руси так будет дале?

Ни Игорь сам, ни мы мечом и силой

Не сделали пока Руси счастливой».

Княгиня проводит ладонью по захватанным деревянным бокам Перуна и Велеса.

Княгиня Ольга (с упреком).

Холодные, а ведь кругом огонь!

Молчите, прикусили языки?

В ладонь мою, в ладонь

Хоть плюньте, дураки!

Что делать с Русью, деды?

Как по полудню дважды не ходить?

Как все это в одно схватить,

Ну как мне одолеть все наши беды?!

К княгине подбегает прыткий такой мужичонка.

Княгиня Ольга. Как там у Новгорода с данью?

Явствуй внятно.

Первый доносчик. Да по две вши на пироге.

Княгиня Ольга. Эге!

Иди. Понятно.

Входит тонкий такой, верстовой мужик.

Второй доносчик. Чаво, княгиня?

Княгиня Ольга. А ничаво. Как с данью по Луге, по Мсте-т^о, длинный?

Второй доносчик. Воруют все напропалую.

Княгиня Ольга (в сердцах).

Да кто хоть, прямо говори!

Второй доносчик. Да тиуны твои. Гнилуто

Сеть сымут со двери.

Княгиня Ольга. Иди гуляй, поменьше ври.

Подзывает воевод Свенельда и Асмуда.

Княгиня Ольга. Ну что в дружинах?

Все пьете, праздники у вас,

На гуслиях радуете нас?

Оба воеводы (радостно).

Да рать на отдыхе.

Княгиня Ольга. Пора бы, кум,

И протрезветь, напрячь свой ум.

А то ведь рать боса...

Оба воеводы. ... да кабы, кабы...

Княгиня Ольга (твердо).

И все измучены от дум.

Да, кум?

А лучше сами, вам скажу,

Сходили б дальше, за межу.

Довольно Русью шебуршить

Да тут, оружием блистая.

Дела фискальные вершить.

Теперь задача нам такая:
По всей Руси, по областям -
По Новгородским, Псковским землям,
По всем дымам, погостам, семьям.
Чтоб тут сегодня, завтра - там.
Переодетые - идите,
Скачите конно, рысью мчите,
Орлами по небу летите,
Несите слово по местам,
Что перемены ждут их, местных, -
Сама княгиня едет к ним,
Чьи справедливости известны,
Доволен будет каждый дым.
За дань теперь не воевать,
Мы будем Русью у-прав-лять!

Княгиня остается одна. Горит костерок. Где-то фыркают кони, гулко ухаёт филин. Сумеречно в лесу.

Княгиня Ольга (шевели тлеющие угли).

А где-то сын в стране болгар.
Поближе к грекам, к власти царской,
Подальше к нам, холодной став.
Прибился к блеску двух империй,
К их образованности, но ...
Нас не пускают в те же двери,
Откуда выперли давно.

Глухой погост на Псковской земле. Сани вверх оглоблямя. Семь Агафонов приехали - семь звезд Малой Медведицы. Из избы выходит Великая Княгиня, за ней - священник Григорий.

Княгиня Ольга. Как хорошо нам в стороне родной!
Давным-давно не видывали снега.
Да, где-то зрели мы тебя, отец мой,
В Искоростени?

Отец Григорий. На все ступени
Порядок по Руси установила.
Уста́вы и уроки всем дала,
Без меры дань оброком заменила,
Погосты, перевесища ввела.

Княгиня Ольга. Постой, отец!

Отец Григорий. Великая, из Пскова,
Псковитянка! Изборск, на что древней,
И тот пред Псковом много тише...
Погосты и становица, ловища -
На тыщи лет, на тыщи...

Княгиня Ольга (смеясь):

Хватил куда, - на тыщи!
А тут бы зиму провести у крова,
Дружины наши было б чем кормить...

Отец Григорий (показывая на церковку).

Давно стоит. Века тому назад
Какие-то ее воздвигли гости.
Погост потом... Кровит, снега горят...
Запла бы.
Варяги ходят к нам.

Княгиня Ольга. Уже была. Уж отнесла иконы.

Проходят люди, кланяются.

Княгиня Ольга.

А завтра надо в капище пойти.
Сказать, чтоб в лес дорогу проторили.

Забыли Перуна...

Отец Григорий. Так кровь на нем.

Княгиня Ольга (смеясь).

Не может быть.

Княгиня сходит с саней, оглядываясь.

А, вот и капище! Другие идолы и боги -

А не один Перун, Велес.

Знавала многих,

А вот таких впервые вижу, лес!

Отец Григорий. Ну да, по греческим храминам

Христос, наш бог, один для всех.

Княгиня Ольга. Вот кровь и пролита за тыном,

Зря обагрила белый снег.

Княгиня начинает метаться.

Уж пятый год, а все так живо!

А-а-а-а!.. аа-аа!....

Молодой Дружинник (появляясь).

Чего тебе, великая моя?

Княгиня Ольга. Мне страшно...

Вот тут, в душе,

Вот тут болит...

Берет руку Молодого Дружинника, кладет себе на грудь.

И снова Киев. Высокий берег Днепра. Аскольдова могила.

* * *

Княгиня Ольга. Все тянет, тянет, все к тому же месту!

Как в омут, как в воронку на Днестре!

Обращаясь к Малуше.

Не видишь ничего?

Малуша.

Чего?

Княжна Ольга. Да тень тут... мужа моего...
Идет по блику, по Днепру навроде -
Мой Игорь...

Малуша. Уж ты не заболела ли, княгиня?

Княгиня Ольга. Одна-одна в дому, в таком домине.
Иди, дай постою еще...

Малуша уходит.

Княгиня Ольга (вздыхая).

Дочь князя Мала, а пока верна.
Держу державу княжью...
Какую ж веру выбирать из трех -
У печенегов (Магомет их бог)?
Иль у хазар с их верой иудейской?
Иль греческую..? Аскольд, чего молчишь?..

Возникает тень Печенежского посла. В руках его сабля, похожая на полу-
месяц.

Княгиня Ольга. Да знаем-знаем, в Персиях бывали.
Узорчья в храминах их видали -
Вот человека в тех узорах нет.

Появляется тень Хазарского посла. В руках его шестиконечная звезда.

Княгиня Ольга (оживясь).

Какой же смысл
Звезды в твоей руке?

Хазарский посол. Пока в моей не вымокнешь реке,
Не скроет волоокою покров.

Княгиня Ольга. Ты все сказал, желая угодить!
Но ничего про человека снова.

Оба посла исчезают.

Княгиня Ольга (оставаясь одна).

Ушел посол
Свой пить рассол...
Какая ж вера овладела мною?

Отец Григорий (появляясь).

Ты вся дрожишь!

Княгиня Ольга.

Ну что тебе до этого, старик!
Ты тем немножко и велик,
Что на Христа похож твой лик,
Как сам Христос - на Человека.

Действие второе.

Царьград. Гавань Суд. Великокняжий корабль. На палубе - воеводы
Свенельд и Асмуд.

Свенельд. Центр Византии, веры православной,
Империя всегреческой оплот!
Олег ходил, прибил тут щит свой славный.
Для нас врата заржавели, и вот...

Асмуд (тяжко). На рейде мы какую уж неделю!
Цепь на вратах, испытывают Русь.
В Царьграде я, а нет, не дотянусь
До купола Софии...
И как княгиня терпит? Лежит внизу,
В опочивальне,
В постель к себе младенца затащила.
Так любит, как и князя не любила.

Оба переходят к другому борту.

Свенельд. Вот берег, вот она - Святая Мама.
Где пил Олег и Игорь жег костры.

Асмуд. А как зовут-то гавань - Суд!
Кого хоть судят греки?
Трон Рюриков варягами крепят.
Нашла к кому идти княгиня.
Поднимем якорь и прощай, Царьград!

Мимо проходит Молодой Дружинник.

Асмуд. Эй, Претич, ты куда? Назад!

Молодой Дружинник. Княгиня приказала.

Свенельд. Зачем?

Молодой Дружинник. Велела спать мне у ее двери.

Опочивальня на корабле. Княгиня в раздумьях.

Княгиня Ольга. Уж день какой стою перед Царьградом!
 Дают цари подумать, постоять.
 Стерпеть, осилить, выдюжить - все надо!
 Все одолеем - всяку супостать.
 Дружины ропщут. Ведомы князья
 Варягами, вот ненасытны глотки!

Обращаясь к деревянному Перуну в углу.

 Молчишь? То можно-то нельзя.
 То жертву дай, а то глухой и кроткий.
 На ж, на тебе, дурной старик!
 Бьет идола наотмашь по лицу, швыряет на пол.
 Кричи иль не кричи!

Садится на постель! Вздыхает тяжело.

 И сын ушел, и Боги отказались.
 И Русь шатает, зорит изнутри.
 Заслуг, глядишь, ведь у иного с палец,
 А требы дай ему на целых три.

 А где возьмешь, кого еще ограбишь?
 У смердов, что ли, чтобы воям дать?

И эти смерды ну тебя ругать,

А ночь толочь - с утра, бишь.

Все лясы точат, договоры рвут.

Увел смутьянов сын мой за Дунай,

Но нет покоя, как-то там и тут?

Сыны воюют, а курганы нам...

Погосты, перевозки и ловища.

Оброки и уставы на Руси -

А все никак, в кармане ветер свищет!

То глад, то клад, - все на себе носи.

Вот Византия - куст, на что похож!

Цветет все, все накормлено, все живо.

Входит Малуша - ключница с большим деревянным гребнем.

Княгиня Ольга. Что сын твой там - Владимир, не больной?

Я что-то плохо видела во сне.

Раздается стук в дверь.

- Кто там?

Входит Молодой Дружинник.

Княгиня Ольга. А, Претич!... Так ты ложись в кровать,

А я на пол, к стене.

Перекрестив Ольгу, Малуша уходит, уносит светильник.

Там же, в гавани. На палубе - княгиня Ольга и отец Григорий.

* * *

Княгиня Ольга. Опять мне было в эту ночь виденье.

Какой-то призрак бледный приходил.

Едва не задушил.

Отец Григорий. Кого?

Княгиня Ольга. Ну не меня же.

Не знал заране, кто ляжет

В мою постель.

Отец Григорий. Тебе бы, мать, креститься,
И все пройдет - виденья, страхи.

Княгиня Ольга. Все твои охи, ахи? (всматриваясь в даль).
Царево судно? Не за мной ли?
За мной посланцы, наконец! ...
А ты иди, иди, отец...
Царево судно! Бьют в набат!
Цари зовут к себе в Царьград!

Царьград. Императорский дворец, Юстинианова храма. Императоры,
цари Византии - Константин Багрянородный, Роман Лакапин и Патри-
арх Полиевкт. Принимают Великую княгиню со свитой.

Княгиня Ольга (оглядывая).

Ого, огромна как храма!
Кто где - особо все стоят.
На троне - император. Константина
Все зрят, косятся друг на друга.
А лента на ином, как на коне подпруга.
И я стою средь разных образин,
Со мной слуга всего один.
Стою! А ведь и мы государи...
Ну что ж, дают - бери.
Так и стою!
Вот и присели.
Попроше стол, где я.
Но ничего, мы терпим, что же дальше?
Приятны плясунов телодвиженья.
А мы сидим. И в сердце нашем жоженья.
Как будто гречки пересели, каша.

Послы мои, купцы отдельно -
В других палатах, я одна. И вот
Дарятся деньги - лестницы длинные,
Кому и что по чину, от щедрот.
А мне потом - особенна, мол, ты!
Сам царь пятьсот мне выдал золотых!...
С семьей сидели после.
Пили, ели.

Наутро. Там же, в гавани, на палубе Ольгиного корабля.

Княгиня Ольга. Не помню, как сюда перенесли.
Неужто в кубок что-то положили?

Свенельд (подойдя).

Так пели все вы! С вашего напева
Мне до сих пор не очень по себе...
Подайте гусли! Сам спою - свою (вздыхая)

Византийская лирическая.

«Еще не вечер, но над Византией
Жар-птица потеряла перья дней.
И моря медь, и шпильи золотые,
И тень уж над мудрою Софией,

И месяц узкий режется над ней.

А Мама Правая, нас вынеси отсюда.

А Мама Левая, - не дай в тоске пропасть.

А по Руси - убей хоть, что там будет!

Ну дай, ну дай им что-нибудь украсть.

А Русь моя, Днепром перерезаясь,
Все так же будет бысть, как и была.
Сады цветут. А завтра будет завязь -
По белому кровь алая легла.

И море Черное, как море черемное.

А море Русское - кровит его поток.
Еще Царьград тут, золото земное,
А уж на купол целится Восток.
София Мудрая, София - дочь Византа,
В византских водах на тебя молюсь,
А где-то печенеги, алманты
И снеги-снеги, в белом-белом Русь!»

И тишина. Волны плещутся о корабль.

Княгиня Ольга. Они - те знатные гречанки -
Перед царями пали ниц.
Не таковы мы, псковитянки!
Я выгораживалась. С лиц
Слетали ихние улыбки,
Когда кивала им слегка -
На расстоянии платка.
Убраться, что ли, восвоюсь?
Но пусть обратно нам неясен.
«Зачем ходили на Царьград?» -
Уж на Почайне говорят.

Княгине Ольга (опечалась, жестковато).

А ну его - языческий народ!
Готовый кровью жертвовать и дале!
Одно меня тревожит и гнетет:
Ведь не увидят то, что мы вдали.
Софии мудрой лики, красоту,
Когда душа летит куда-то в небо.
Под купола, за купола и мне бы!
И нам бы в Киев - их Софию ту!

Какое чудо сотворили Боги!
 Какою песней вызвончило храм!
 Каким станем мы, войдя в чертоги,
 Во человека превращаясь там.
 Княгиня подает знак - отец Григорий приближается.
 Княгиня Ольга. Ты в черном, почему?
 Отец Григорий. Так белый - цвет печали
 Княгиня Ольга. А все же в белом, кажется, видали
 Тебя у капищ мы. Да, где-то у Велеса.
 Где скотий бог, в середине леса.
 Ты кто - кудесник?
 Отец Григорий. Я - отец Григорий.
 Княгиня Ольга. Не стой столбом... двоится облик твой...
 Отец Григорий. Где скотий бог, там жертвы, кровь и горе.
 В ничтожестве там человек любой.
 А я служу Христу во человеце.
 Княгиня Ольга. А - в черном! Церковь радостна твоя.
 Вся в ризах - в золотах, святая.
 Вся в Солнце - есть чем обогреться.
 Вон патриарх - в каких одеждах!
 Ослепнешь, глянь - и тьма на веждах!
 Отец Григорий. Он - Патриарх! Ему так надо.
 Они - святители, отцы.
 А мы ведем вас под венцы
 Душою света; сердце радо
 Тебя вести с собою, мать,
 Где все светло и благодать...

Княгиня Ольга.

Иди, чернец, своих ищи!
Князьям единый нужен щит,
А Игорь укрепить хотел все силой...
И вот Олегов договор
С царями греческими, с людом,
С боярством - с Солнцем, а не с блудом.
Не с дьяволом (какой позор!),
А с Богом, и - на все лета.
Доколе мир земной стоит,
Ненарушим союз щита
И стрел... Да защитит
Он Русь и греческий народ,
Союз торговли и свобод!

Княгиня достает фолиант, обтянутый кожей.

Княгиня Ольга. На греческом, однако.
Цифирь да титлы, рябь в глазах.
Пергамент ветх, но как живое.
Перевели мне, помню... ох и ах...
Свободно ходим на судах.
Свободно возят гости, вои
Меха и ткани, воск и мед...
Свободен Днепр... святая Мама...
Судить вору на месте прямо...
В какой любви Царьград живет.
Да с греком Рось узнает пусть
Иных времен иной народ...
Вот Хартия! На греческом.
Перевести и - наизусть...

Модой Дружинник (подбегая).

Княгиня, мать! Вон парус, барк!

Сюда - гляди - сам Патриарх!

Царьград. Босфор, воды залива. Стечение народа на берегу. Все ждут Крещения Правительницы Русской земли. Голос глашатая, следом толмач, повторяя: - Читаю Великую Хартию, заключенную Византией с князем Олегом:

«А гости носят печати серебряные, а послы - золотые... Да приходят с грамотой, в которой засвидетельствовано их мирное намерение... Грек украдет что-нибудь у Русского или Русский у Грека, да будут строго наказаны»...

Голоса в толпе. Лодья великокняжеская!... Княгиня Ольга!....

Голоса в толпе (с другого берега). Патриарх Полиевит!... Отец всех православных!...

С лодей бросают доски на берег, раскатывают ковер. В белом одеянии ступает на землю Ольга.

Патриарх (подавая руку ей). Встречаем не Великую Княгиню,

Но брат встречает близкую сестру.

Княгиня Ольга Ведем с собой под вашу берегиню
Всю Рось!... Люд православный,
(В пояс кланяется народу) видим на миру
Мы церковь Христианскую в лице
Главы ее - святого Патриарха
(В пояс кланяется Полиевкту).

Патриарх под руку ведет Великую Княгиню. Останавливаются лицом к силуэту храма Софии, парящей над Царьградом.

Патриарх. Мудра София, Бог еще мудрей.
Вселенную всю сотворил творец.

Княгиня Ольга. Скажи, а кто еще хитрей?
Откуда сам он взялся, наконец?

Патриарх (в сторону). Спроси чего-нибудь попроще.

Княгиня Ольга (Патриарху). Отец, не велики ль мои грехи,
Чтоб Бог меня решил крестить?
А может, мне и погодить?
Сначала смердов, от сохи?

Патриарх. Христос сказал: в единственном лице
И я, и мой Отец в Отце.
Сын Человеческий, сын Божий
Хлеб преломил. - и самого
Узрел он Иисуса тоже.
«Я есмь, - сказал, - тот путь из дня»...

Обращаясь к народу.

Сестра моя - Великая княгиня,
Язычица, погрязшая в грехе,
Вся перед вами - в истинной картине...
И стадо ее тут, при пастухе.
Целую Крест, Христовой кровью мытый,
Креститься хочет в чистоте сих вод.

Толпа гудит, голоса.

Встань и иди! Встань и иди!

Патриарх. Она идет - невеста под венец.
Но что сказал апостолам Христос,
Когда крестить доверил как отец,
Что он сказал, скажите - что-о-с?!

Голоса из толпы. Не жди! Не жди!

Встань и иди! Встань и иди!

Патриарх. А то сказал своим ученикам: «Идите, идите, научи-
те все народы, крестя во имя Отца, и Сына, и Свято-
го Духа... я с вами до скончания века. Аминь».

Толпа (в едином порыве). Аминь! Аминь!

Княгиня Ольга. Аминь.

За руку Патриарх вводит Великую Княгиню в византийские воды. Княгиня Ольга трижды целует Крест Святой.

Голос из толпы. Не убий!... Возлюби ближнего, аки самого себя!...

Отец Григорий (княгине). Я теперь твой духовник,

Твой духовный наставник.

Снова залив. Ольгин корабль. Великая Княгиня - на палубе.

Княгиня Ольга (рассуждая сама с собой).

Светило солнце, а не жарко,

И широка была купель...

И вот обращена в их веру.

Чтоб их царям, империи служить...

Ни про Олегов договор,

Ни подтвержденья его ради -

Ни звука. Как будто с давних пор

Ни прибывала Русь щита в Царьграде.

Воеводы шушукаются в сторонке.

Асмуд. Я не крещен! и не хочу креститься.

Свенельд. А я крещен.

Асмуд. И как могло случиться?

Свенельд. Ржут где-то кони!

Асмуд. Да там, на этой Маме.

На том пустынном, одиноком мысе...

Свенельд. А что?

Асмуд. Зажжем костры до самой выси...

Так вот, я разговаривал с дружиной.

Всем надоело тут сидеть без денег,

Они хотят оставить нас тут насовсем.

А сами ночью темною на берег -

Все побережье да на нем проверить.

Все поселенья, что ни дом, -

На дне как будто золотом...

Свенельд. А как же мы? Как Ольга?

Асмуд. Наша рать

По их законам не крестилась.

Свенельд (в сторону). Совсем сбесились!

Княгиня Ольга (задумчиво, потирая на пальце золотое кольцо).

Сияй, сияй, мое кольцо - подарок Константина!..

Софию у себя поставим

И крест освятим, золотом зажжем.

Потомки наши, библию листая,

И нашим залобуются крестом.

О Боже!

Как мы одни держали невподьем

Такое вено на плече своем -

Всю степь, что ныне нас тревожит...

Багрянородный! Понимаю все,

Я тоже кровь великую предвижу...

И совсем другим, бодрым тоном, ликуя - по кораблям:

Сегодня праздник! Разрешаю берег!

Сойдем на землю, разожжем костры!

Разрозненные голоса (радостно). На Маму, на Святую Маму!

Княгиня Ольга. Спускайте лодьи! Кубки собирайте!

(Свенельду). И гусли не забудьте, поиграйте...

Берите топоры и казаны!

Да подтяните, соколы, штаны!

Костры на мысе Святая Мама. Княгиня Ольга, воеводы, дружинники -
все вокруг большого черного казана.

Асмуд (разливая по чашам).

Когда бы посчитать всех тех коней,
 Какие в наш казан вошли кониной,
 Что за табун - считай до край дней!
 Что за орда на табуне - лавина!

Горят костры. Княгиня смотрит вдаль.
 Голоса у костра. А не считай. А то, как все сочтешь,
 Так ужаснешься, да еще помрешь.

Голоса на берегу. Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна - до донца.
 Отец Григорий. Ну и за что сегодня каждый пьет?
 Асмуд (смеясь). А за что и весь народ -
 За воевод!..

Княгиня Ольга (подходя к ним).
 За всех, кого здесь нет. А были!
 За воинов, за росичей, чьи косточки лежат
 По всей земле от края и до края.

Асмуд. О ком уже все режé говорят.
 Свенельд. А мы их помним...

Княгиня Ольга. Помним! Всех выпавших из строя.
 Свенельд. А мы поем их...

Все хором. ... каждого героя!

Голоса с берега, от моря.
 Где тут россы - Ольговы дети гуляют?
 Где пьет - гуляет всякая бось?
 И отдыхают от битв герои?

И голоса им отсюда, от костров.
 Вот мы где - россы, дети Ольговы!
 Вот где пьет - гуляет всякая бось,
 Славная наша дружина!!

И голоса с берега. Это корабль пришел, судно пришло из Руси! При-
 нимайте вести с Родины!

Идут и идут люди с прибывшего корабля (кланяясь в пояс).

Низкий поклон тебе, Великая наша Княгиня!

И всем вам, Русские люди!

От всей, всей, всей нашей Русской земли!

И прорезая Время, как бы через века, - туда отсюда и оттуда сюда, грянув катится берегом Святой Мамы, это мужские, женские голоса. Женщины прибыли на корабле.

Свенельд (тихонько, как бы про себя).

Распрягайте, хлопцы, коней

Тай лягайте спочивать!

А я пиду в сад зеленый,

В сад криниченьку копать!

Отец Григорий. У, язычники! Тризну справляете,

А икона за пазухой.

Княгиня (воздев руки к небу).

Звезда к звезде во мириадах ночи,

Как зеркало души наоборот.

Хоть Вера принята, а что-то я не очень

Отражена в мерцаньи черных вод.

Я - христинка! Будет христианской,

Под Богом будет Русская земля!

И мы уж не с болотины древлянской,

А тут в миру мы все его семья.

Поднимем якорь и опустим весла.

И где-то ночью, в непогодь и мрак,

Уйдем домой, в свой край родной и росный,

Где некрещеный друг, крещеный - враг.

Лети, корабль! Домой к себе - на Север!

А впереди, впереди

За морем Русь!
В нее мы верили и верим!
Правь, парус белый! Гнитесь, весла!
Встань и иди! Встань и иди!
Бросай, Свенельд, военные ремесла!
Пусть гусли кормят, гусли грают пусть!

Свинельд (перебирая струны).

«О Русь моя! Днепром перерезаясь,
Перемахнула степь, пережила.
Сады цветут, а завтра будет завязь,
По белому кровь алая легла.
Еще не вечер, алое на синем,
На Росском море розова коса.
А на виски ложатся снег да иней.
И свет в окне, и чутки голоса.

Звезда Полярная на степью!
Вонзив со мной на острце свое
Святую Русь в ее великолепии,
Во всем живом бессмертии ее».

Княгиня Ольга

Не расслабляйся, рось! В лобой поре
Не предавайся лени слишком, неге.
Нас могут встретить даже на Днепре -
У устья, на порогах печенеги.
Пойдем домой отсюда через Крым,
Так мы скорей увидим отчий дом.

Действие третье.

Киев. Высокий берег Днепра. Акольдова могила. Княгиня наедине с собой.

Княгиня Ольга (в сторону).

Явись, Аскольд! С тобой мы, христиане.

Поговорим. А ты, Дир, погоди...

Как в двери - мы вломились в блеск одной из двух империй -

Княгиней Ольгой, а Еленой вышли.

По-христиански я теперь Елена,

Но живо имя прежнее мое.

Проходят мимо тени Аскольда и Дира. Княгиня опять остается одна.

К Христу бы прихотить Святослава.

Но сын - в отца. И, более того,

Главу вскружила воинская слава,

А от Богов не хочет ничего.

Княгиня ломает ветку с куста, отгоняет комаров.

Ушел кумир, кумирня же пуста.

И кто займет божественное место?

Есть внук Владимир, мать его - невеста.

Одна из двух - и Сына, и Христа.

Малушин сын, Владимир этот - внук,

Его лишь и вожу в храм Илию.

Лишь этот, может быть, воспрянет вдруг

Да и кумирню вычистит свою.

Возникает новая тень. Княгине замирает от страха: «Ты, Игорь! Тут и зачем?!»

Сын бродит где-то по полдневым странам -
Наш Святослав. А я за вас сиди.
А степь, как прежде, зла и неустанна.
Встань и иди, встань и иди!

Княгиня переходит в собственные покои. Появляется Феофан - великокняжский иконописец, богомаз.

Княгиня Ольга. На чем закончили урок?

Феофан. ... что мы читаем между строк
И между красками рисуем.
А всем порой и невдомек,
Как мир устроен, как жесток.
Садись, святая, ближе к трону.
Снимаем полотно. Свечу!
Перенесем тебя в икону...
Тсс!... Тсс!...

Княгиня Ольга. Я молчу, молчу.

Феофан. Спугнешь бодливого котенка,
И не получится иконка.

Богомаз растирает краски. Продолжает начатую работу. Княгиня Ольга заглядывает в холст.

Феофан. Не на день пишем - на века.
Ну что ж, что не похожа рожка,
Была б искусница рука...
Ты говори мне, говори,
Что у тебя болит в груди.

Княгиня Ольга. За сына боль, за Святослава...
О чем, старик, тебе твержу...
Сижу вот. Сын один - Держава...
Как сердцем, сердцем по ножу...

Феофан (оглядывая и любуясь работой).

Вот-вот, вот-вот, владыка трона,

На ком - корона.

Поплачь, поплачь, о русская мадонна!

Быстро-быстро бегая кистью.

Очисться, сердце, материнством!

Душа, глазами укрепись!

Нет совершенства за единством,

Хоть и под Богом наша жизнь...

Княгиня Ольга (вздыхая).

Зову, зову сюда - не едет.

Дай, мать, по странам похожу.

Вокруг столба дай покружу.

Сейчас в Болгарии, в соседях.

А я на троне тут сиди -

С его наследными сынами.

На степь голодную гляди,

И только Бог со мной да с нами.

Когда бы не было Его,

Уже испили бы всего.

Феофан резко встает, отходит к окну.

Княгиня Ольга (вздрагнув).

Что - я не то тебе сказала?

Феофан.

Да нет, не так ложится свет

Врешь - и не то уж из овала,

Уж не святая смотрит вслед.

Княгиня Ольга (сладенько).

А кто же, старец мой, а кто же?

Феофан. А тот, кто на тебя похож.
Но, потеряв души свеченье,
Плывет все дальше по теченью
В лице подобьем всяких рож.
Ты, мать моя, и людям врешь?

Пауза.

Княгиня Ольга (тихонько).

Как мать - не вру. Вру как княгиня.
Они и рады слышать ложь...

Феофан. Ну и забила в душу клинья.

Княгиня Ольга. Гореть-то, может быть, и мне,
Однако истина - в огне!

Утро. Великокняжьи палаты. Княгиня в тронном зале со своими близкими, тайными советниками.

Княгиня Ольга (доверительно).

Известно стало мне, княгине вашей,
Степь сдвинулась и скоро будет тут.
У крепостных стен изопьем мы чашу,
Наш разговор со степью будет крут!
Германские послы придут скоро,
Туда гонца мы втайне посылали.
Льнет император Отгон Первый к ворам,
А мы-то в нем союзника искали...
Гляди того, их Отгон иль Отгон -
С хазарами на нас да с двух сторон!...

Приближенные (встревожась).

К хазарам ехали,
А к нам сюда попали?

Княгиня Ольга (сурово).

У стен видали печенега -
Мохната шапка, волчья сыть.
Нам к Святославу, не иначе,
Слать спешно верного гонца.
Всю Русь скликать! В набаты бить!
В погостах, в храмах и с ловицей
Сходись, народ! Сбегайся, выть!...
Вчера один был, завтра - тыщи...

Киев. Городской вал. Княгиня смотрит за Днепр.

Княгиня Ольга (тревожно).

Пришла в движенье степь.
В союзе печенеги со узами
Погнали угров. Вчера весь день
Телеги плыли мимо, мимо.
Все дальше, дальше на закат.
Мы дали утвердиться печенегам.
Два века на порогах - по Днепру
Держали. То нам союзники, а то,
Как и на днях, мгновенно налетели
И скрылись, пыль столбом.
Персидская одежда, лица зверски,
Бросаются по рекам и плывут
Не в лодьях, а на кожаных мешках...
Мы сами виноваты, что вскормили,
Совместно выступая против греков.
Давали печенегам аманатов-заложников
В знак верности своей,
Чтоб греки утрашились, закричали:
«А море вновь покрылось кораблями
И росскими, и всякими другими!»

И вот они у стен. А тут еще недаром
Столбом пыль также под хазаром.
И Киев наш в кольце...
Я чувствую себя, как при конце...

Княгиня ходит по валу. Резко останавливается.

Княгиня Ольга (Молодому Дружиннику).

Мне Асмуда сюда, на этот вал!
И шлем, и меч двуручный, и кольчугу.

Появляется Асмуд.

Асмуд (с готовностью звякнув мечом).

Княгиня Ольга. Их силы велики.

Готовь гонца - Свенельда Святославу.
Пусть поспешит! А то, воюя где-то,
Пьет Святослав с чужой реки,
А мы тут, мы добро свое теряем.
Его мы чад тут бдим и охраняем.
Не окривел бы вовсе княжий глаз.
Не поспешит - не выстоим в сей раз!
Тут мы под степь и ляжем...

Приближенные при оружии, в кольчугах, сплочены вокруг Великой
Княгини.

Княгиня Ольга (Асмуду).

Расставь по валу, каждого на место.
Чтоб мышь не прошмыгнула мимо них.
А отроков - в детинец. Будем честно
Стоять одни, а биться за двоих!

Асмуд (спеша с вала к Великой Княгине).

Они пошли! Вон первая волна!

Молодой Дружинник (с другого вала).

Идут на нас! И сразу три волны!

Ольга надевает шлем, берет в руки меч.

Княгиня Ольга. Пусть подойдут! Встречайте первый ряд!

Ко всем дружинникам (взволнованно).

Вы все мои любимые сыны!

Сыны родимой матери Руси!

В ров с вала - в степи бой переноси!

Бей печенега! лица уж видны.

Бросайте камни, лейте вар от края!

Волна сошла, за ней грядет другая...

На перекрещенных мечях проносят смертельного раненого Асмуда.

Асмуд (приподнимаясь).

Вал неприступен! Печенеги биты!

Все три волны... ров до краев как раз...

Услышь меня, пока мы не убиты.

Всю жизнь любил... да не любили нас...

Княгиня Ольга (положив его голову себе на колени).

Молчи, герой! Побереги-ка силы.

Ты нужен нам, ты нужен всей Руси!

Как ты любим и как же ты красив!

Ты самый наш любимый и красивый!

Открой глаза! Постой, не уходи!

Мне будет страшно без тебя тут, слышишь?

И завтра бой, и что там впереди?

А как же Русь!.. Ты еще дышишь, дышишь?...

Лежат кругом на витязе ведь витязь.

Вставайте, духи, вы теперь сразитесь!...

Утро. Багровая тарелка Солнца выкатывается из-за Днепра. На вал выходит Великая Княгиня. За ней неотступно следует Молодой Дружинник.

Княгиня Ольга (озирая окрест).

Я опоздала, нет уж никого.

Молодой Дружинник.

Да кто, кого!

Княгиня Ольга. Скончался Асмуд.

Держала на руках его -

Героя, брата своего, -

Соколик ясный.

Обессиленно садится на щит.

Теперь одна на всем валу -

И князь, и мать, и воевода.

Поднимаясь решительно.

А ну сюда мой крест, мой стяг!

День будет жаркий, на костях!

Солнце уже высоко. Шум битвы то надвигается, то откатывается.

Княгиня Ольга (Молодому Дружиннику).

Вот, Претяч, меч тебе! Бери и булаву!

Командуй тут - по центру на валу!

А я туда - в засадный, во главу.

Ударю сзади, окажусь в тылу...

Надвигает шлем на брови.

Коня мне, моего коня!

И стяг мой рядом, крест на стяге!

Не поминайте и меня

Вы лихом... где-нибудь в овраге...

Молодой Дружинник (восхищенно).

Вот тетка! Ни словечка мимо!

С таким Русь непобедима!

Багряная тарелка Солнца клонится к закату. Княгиня Ольга (с перевязанной рукой, подавая пить раненому печенегу).

И куда вы только, печенеги, претесь!..
Встань и иди! Поди скажи своим,
Что, мол, покуда на Руси такие люди,
Мы будем тут всегда, мы бить вас будем!..
Довольно, степь! Костьми и так покрылась.
Уж коршунье над бранью вьет круги.
Чем больше б, степь, ты на себя трудилась,
Тем меньше были б босы вы, наги...
Поди скажи, усатый печенег!
Сойдете вы, как прошлогодний снег!

Княгиня приподнимает другого раненого.

Княгиня Ольга (изум..ясь).

А, это ты тут, старый богомаз?

Сказала же, сиди в своем детинце.

Ты, кажется, к тому ж еще и грек?

А греки твои что не шлют гостинцы?

Богомаз

На что мне жизнь, когда ее нет людям?

С кого, скажите, дух изображать?

Прогоним степь, обиды позабудем -

Тебя такой и нарисую, мать.

Я видел все: кровь голубя, смерть женщин!

Я меч держал, и Богом был увенчан!

Княгиня Ольга.

Живи, старик! Рисуй свои картины!

Придумывая людям и Богам.

Не ври хоть ты. Немногие мужчины

Задумчивы: «А что я передам?»

Умру я завтра. Может, все погибнем.

Скажу сейчас, как на духу. Душа

Одна, одна, себя во всем верша,

Тем, может быть, и хороша,

Что не дает нам пасть и ныне,
Уязвлена, оскорблена, - богиня!
Любила я - и нас, видать, любили.
Детей ждала - и внуков дождалась.
И вспомнят нас, коль внуки не забыли.
Им косточка моя передалась.
Наш Феофан, ты старый человек,
А молодо как (!) на краю изрек.

Великая Княгиня на валу, наедине с собой. Убитые и раненные унесены.

Княгиня Ольга.

«Какая тишь и как сияют звезды!
Как высоко Луна вознесена!
Их сколько там, над полем битвы, розных,
Тут и твоя единственна, одна.
Как ты была, София, благородной!
О, как они под сводами там пели!
И плакал Константин Багрянородный,
Тебя воспринявшая из купели.
Конец уж близок, я готова к смерти,
Но не отдам им город на битье.
Аскольд и Дир! Вам ад, а мне отмерьте
До Пскова расстояние мое.
Расставьтесь все - от роса до варяга,
Крещение и некрещеные!
Язычники мои прощенье,
Дружины, схороненные у стяга!
Все войско мое су-ме-речное,
Все воины да Русь вознесшие,
Все русичи мои сердечные,
Варяги все мои воскре-воскресшие...
Прошел свет Игорь по моей судьбе,

И я, мой князь, и я иду к тебе.

Появляется Молодой Дружинник.

Княгиня Ольга (вздвогнув).

И кто там, Претич? Тени на лугу?

Там тени, да? Не печенеги?

А кто пирует у костра?..

Свеча горит, но по-иному,

Тень так похожа на меня,

Мое лицо к чужому дому

Перетекает из огня.

И то ль она, а то ли я -

С иконы смотрит Илия

Княгиня (как бы отряхивая с себя наваждения).

Подите прочь в глухую ночь,

Все эти умершие тени!

Хочу их бледность превозмочь -

Страх погребальный, сброд видений...

Не все с войны придут домой,

Однако снова грянет бой.

Там же, те же. И отец Григорий, богомаз Феофан.

Княгиня Ольга (к отцу Григорию).

Ну что Свенельд, свое он сделал?

И Святослав сюда идет?

Но почему под стягом белым

Все за Днестром стоит и ждет?

А ворог тут, и мы в кольце.

А сын молчит, чего он хочет?

Дух буен, знаю, страхи в ключья,

Повеселимся ж при конце!

Ольга переводит взгляд на Феофана (тот с повязкой на голове).

Кому-то надо переплыть,
Чтоб доказать ему, всем им:
«Не приняв своды христианские,
Творите норовы поганские!»

Молодому Дружиннику.

Так вот, про это все забудь.
Скажи-ка Рю-ри-ковичу!
Мол, если к нам отрезал путь -
Сдадимся... все, мой сын... молчу...

Молодой Дружинник.

Пойду, как печенег, с уздечкой.
Переплыву Славутич справа,
Мол, я ищу коня за речкой...

Княгиня Ольга. Ну что ж, иди! Есть что сказать.

Пускай подумает, держава.
Держал обиды, сколько мог,
А дольше некуда держать.

Все смотрят с вала на середину Днепра.

Отец Григорий. Уж переплыл! К своим прошел!

Богомаз. А вот и Святославовы челны!

Отец Григорий. И печенеги в три волны

Уходят...

Приносят неживого Молодого Дружинника.

Княгиня Ольга (бросаясь и нему).

Ты, Петрич, отрок, сын мой? Сын?!

Не умирай... Он умер, Боги!..

А тот - другой,

Когда на вал сюда ногой, -

Меня не будет уж... как многих...

Что будет с Русью?...

Бросается к опасному краю вала.

Отец Григорий (следом за ней).

Не сметь, не сметь!!

Но две стрелы уже впиваются в грудь Великой Княгини. Стрелы отравлены, княгиня тут же умирает.

Княгиня Ольга (шепчет последние слова едва слышно).

Похороните на валу...

Не надо тризны...

Отец Григорий (поднимаясь с колен и отирая слезы).

Скорби же Русь! Святая дочь твоя.

Ушла!

Богомаз.

Зачем, отец? Зачем?

Отец Григорий.

Чтоб Сын остался тут,

Нам нужен князь. Без князя

Уж больно много всякой мрази!

Чтоб Святослав тут правил, на Днепре,

Не бегал за Дунай, в чужие земли,

Ушла Княгиня не в своей поре.

Еще б ей жить! Да скорбны будут семьи!

Туча печаль! Руси скорбь велика».

Ночь. Костер на городском валу. У свежесыпанного холмика сам князь Святослав, дружина Святослава, мирные жители Киева. По языческому обычаю наполняются кубки.

Первый воин (поднимая кубок и обращаясь к мирным жителям).

Мы мчались к вам, не видя дня и ночи.

Мы удила теряли на скаку.

Мирные жители.

Не удила вы потеряли. Впрочем,

Зарубится вам это на веку...

Чего же там вы, за рекой, торчали?

Не сразу перешли на правый бок?

Второй Воин.

Да Святослава ждали.

А князь как зацепился за порог.

Появляется воевода Свенельд. Берет в руки гусли (ударяя по струнам).

«Любил я великое сердце ее,

Любил я великие думы ее,

Любил я великие годы ее.

Ушла и теперь одинокою идет

По звездному небу, по бело-молочной реке.

Кукушкой - зигзицей хотела лететь на Дунай,

Большую Медведицей стала,

Полярной Звездой.

Вокруг нее крутится ковш золотой,

В ковше золотом - великое сердце ее,

В ковше золотом - великие думы ее,

В ковше золотом - великая слава ее»...

Первый Воин.

Какие чувства высекает слово!

Жители Киева.

Свенельд! Не говори, не пой, молчи,

Ты скажешь все молчанием о ней.

Она врата нам на небо открыла.

Она в ладью с собой нас позвала,

Она людей в нас обоготворила,

Святою Мамой нашею была...

Первый Воин.

Святая Мама - берег у Царыграда!

Свенельд (затевая потихоньку)

Распрягайте, хлопцы, коней

Тай лягайте спочивать...

Подхватывает Кубанский казачий хор - сначала «Марусю», переходит на «Есаула», «Пчелочку златую».

Богомаз (обращаясь к хольмику).

Вот, мать! Как у Руси, в тебе - одно начало.

Что за тобой - увидится потом.

Занавес.

В музыкальной стихии спектакля участвовали Московский камерный хор под руководством Минина (Литургия Иоанна Златоуста - С.В.Рахманинов), Кубанский казачий хор, Романтическая гитара и я с ними, Песни в трагедии - песни моей души.

8.03.1999г.

г.Орел, Россия.

Песнь о России

Россия великая, Русь изначальная,
Ширь евразийская, веший полет.
Тебе, моя Родина, песнь величальная,
Тебя мое сердце поет и поет.

Свято храни себя, Родина славная!
Всех собирай под двуглавым орлом!
Мудрость народная, сила державная, -
Стой на века, наш отеческий дом!

Прошли мы сквозь грозные годы, ненастья,
А сколько дорог нам пройти предстоит.
Но к Солнцу, но к Миру, к Свободе и счастью
Нас чистое, смелое сердце стремится.

Свято храни себя, Родина славная!
Всех собирай под двуглавым орлом!
Мудрость народная, сила державная, -
Стой на века, наш отеческий дом!

Сияй, золотись куполами, любимая,
Россия могучая, матушка Русь!
Моя неделимая, неодолимая, -
Гордился тобою всегда и горжусь!

Свято храни себя, Родина славная!
Всех собирай под двуглавым орлом!
Мудрость народная, сила державная, -
Стой на века, наш отеческий дом!

Песнь про подлодку

Памяти экипажа погибшего
атомохода "Курск"

Пепел подлодки стучит в мое сердце,
Павшие листья летят в облака.
В северном море, - а некуда деться, -
Ком шелестящий сжимает рука.

Павшие листья, - а некуда деться,
В Курских местах уж отпел соловей.
В северном море лежит мое сердце.
Стуки все глуше, а звуки живей.

Как на ладони по линиям жизни,
Пепел подлодки стучит и стучит.
Русские мальчики - дети Отчизны.
Лист, зацепясь, одиноко висит.

В северном море не обогреться.
В зыбях крутых коченеет страна.
Где-то на дне там лежит мое сердце.
Павшие листья уносит волна.

Одинокая дача

(Песня из электрички. Песня Василия из моего романа в стихах
"Арсений Чигринев")

Дача моя, дача, ты- моя удача.
Солнце закатилось в топотах коня...
Отшумела молодость, старость обознача.
Только и осталась ты, дача у меня.

Выхожу я из дому, мчусь на электричке
Из большого города, мрака этажей.
Воля моя, волошка! Степь зажгу от спички,
Выгоню да самогончки - своейской, посвежей.

Русь гуляет прежняя! Русь страдает, окает!
Русь гуляет, матушка! Годы за спиной.
Воля моя, волошка! Дача одинокая!
Степь моя раздольная, ветерок хмельной.

СЕРЕЖКИНЫ БЕРЕЗКИ

(рассказы для детей)

БАБУШКИНО СОЛНЦЕ

Тень да тень -

Целый день.

Что тебе, синичка,

Птичка - невеличка?

Песенка, как лесенка:

Тиу-тиу, тень да тень,

На сугробе полутень,

Под сугробом спрятан пень.

Как начнет ворочаться,

Птичкам кушать хочется.

«Тиу-тиу, пинь да пень,

Я не ела целый день.

Поиграю в ладушки,

Помогу-ка бабушке.

Тиу-тиу, пинь да пень,

Отряхну-ка всю сирень,

Обогрею ей плетень.

Бабушка, хорошая,

Покорми нас крошками.

Тиу-тиу, тень да тень.

Пиу-пиу, пень да пень.

И в мороз поется

Птичьему народцу.

Оттого что бабушка

Испекла сладушка,

Надавала внучечку:

«Угости голубчиков».

От блинков горяченьких

Песенке тепло.

И морозец прячется где-то за село.

И текут сосулечки

И ручеек по улочке.

И висит вверху один -

Самый пышный, самый жаркий,

Самый круглый, главный блин.

Чистит птичка перышко,

Машет им в оконце:

«БАБУШКА, ХОРОШАЯ,

ИСПЕКЛА НАМ СОЛНЦЕ!»

КОЛЬКА-ЧЕМПИОН

Кольке всего шесть лет. Но он уже человек. Недавно в ордер, когда Смирновым давали квартиру, вписали и его, Кольку.

Здорово живется ему в большом новом доме. Во весь двор огромный каток. А народу на нем — тьма. Особенно полно после четырех, когда кончают смену рабочие из соседнего общежития. Как защелкают клюшки, как замелькают на льду красные, синие, зеленые шапочки.

Дядя Андрей из соседней квартиры тоже любит кататься. Коньки у него чудные какие-то — длиннющие, наверное, с метр. И острые, как бритва. А ботинки — во! С корыто. Сам дядя Андрей говорит, что номер у него «сорок последний, растоптанный».

Дядя Андрей катается поздно вечером, когда на катке уже мало народу. Ложась спать, Колька видит внизу, за окном, под электрическими столбами, быструю черную тень. Говорят, дядя Андрей — чемпион, и он тре-ни-ру-ет-ся.

Кольке тоже хочется стать чемпионом. А у него нет даже «снегурок». У отца лучше и не просить, неделями пропадает в командировках. Мать уходит в школу затемно и когда возвращается — на улице также темно. Бабушка говорит про нее, что она нервная. Лучше не надоедать маме, попадешь еще под горячую руку...

Всю ночь Колька мечется в постели, а утром вскакивает раньше всех. На лестничной площадке замечает приоткрытую дверь, а в коридорчике за дверью... коньки. Те самые — длиннющие, острые. Только наденешь их — и понесут в тридевятое царство, в тридцатое государство, за синее море, за высокие горы.

«Я же на полчаса, — переминается с ноги на ногу Колька, — возьму и назад. И никто не заметит... Я ж на полчаса...»

Он хватается ботинки за длинные языки и, перепры-

гивая порожки, слетает во двор. На каток. Не разува-
ясь, всовывает свои подшитые валенки прямо в ботин-
ки и утопает в них. Зашнуровывает почти у колен.
Первый шаг и — носом. Он старается не плакать, но
слезы выступают сами собой. Когда он поднимает го-
лову — над ним дядя Андрей.

Дядя Андрей подхватывает Кольку за воротник, ста-
вит на ноги и — хохочет. Да так сильно и заразитель-
но, что где-то на четвертом этаже открывается форточ-
ка и чей-то голос встревоженно спрашивает:

— Что такое!..

— Ну вот что, чемпион, — говорит, отдышавшись
от смеха, дядя Андрей. — Коньки эти не подходят тебе,
велики, покатаешься — отнесешь на место, а завтра я
достану тебе «снегурки». Идет?

— Идет, — шепчет обрадованный «чемпион» и ути-
рает слезы.

«ДУХАНЧИКИ»

Алька знает Африку еще с прошлого лета. А теперь он
старше ровно на год и, конечно, во сто раз умнее. Потому
что с папой они прочитали сто книжек про Африку. Про
доктора Айболита, про страшного Бармалея, про доброго
шоколадного мальчика Фикки, который никогда не ви-
дел шоколада, и про птичек, которые улетают на зиму в
Африку. Стоит папе взять газету в руки и сказать слово
«Африка» — Алька вот он, читай всю газету. Алька знает
всего-то две буквы — «А» и «Ф». Стоит Альке увидеть их
где-либо рядом, он тут же тянет это свое сокровище папе.
И читают они газеты, журналы, даже самые толстые книж-
ки, где есть это слово — «Африка».

А сегодня папа пришел с работы красивый и радос-
тный. Положил перед Алькой кулек, а в кулке — зо-
лотые шары.

— Вот, — сказал, отдуваясь, папа. — Купил. Апель-
сины из Марокко.

Алька был равнодушен. Пап даже обиделся.

— Африканские, — быстро поправился пап. — Это тебе от доброго твоего шоколадного мальчика Фикки.

Алька взял золотой шар, повертел в руках, посмотрел снова на папу.

— Вот, — сказал, торжествуя, пап и надорвал кожуру. Запахло сильно и вкусно.

— Духанчики, удивился Алька. — Папа, это духанчики! — затормошил он папин рукав.

После первой же дольки, захлебываясь от сладкого сока, Алька всплеснул руками и запел во все горло:

— Да здравствует, милая Африка!

Ура, ура! И рада, и счастлива вся детвора!

Через полчаса кулек похудел. Алька подошел к папе, попросил тихо-тихо:

— Папа, купи мне шоколадку. Серебряную. Со сливками.

— Ну, хорошо, хорошо. Завтра куплю, — сказал папа сердито, оттого что даже сейчас Алька помнит о какой-то там шоколадке.

— Нет, не завтра, а сегодня, сегодня! — захныкал Алька.

— Ну, хорошо, — сказал пап и вернулся после работы домой с шоколадкой.

А когда пап засел за свои чертежи, Алька вышел во двор, пролез сквозь дырку в заборе, подобрался к голубятне дяди Матвея. Голуби с шумом взлетели, а в сарае закудахтали куры. На крыльце показалась соседка тетка Настасья. Закричала звонче, чем куры, схватила Альку и притащила к папе.

— Гляди, — уперев руки в бока, грозно сказала тетка Настасья. — Сменщик-то твой... весь в тебя чужих кур гонять!

— Я не кур, — для приличия всхлипнул Алька. — Я к голубю... привязать шоколадку...

Папа посмотрел на Альку внимательно, взял за пле-

чи, и пошли они к калитке — такие похожие, светло-головые.

— Тьфу! — плюнула с досады тетка Настасья. — Подрос шкода на мою шею.

А папа привел Альку домой, поставил перед собой и сурово спросил:

— А зачем ты, Алька, хотел привязать к голубю шоколадку?

Алька смотрел на него, не мигая, не опуская глаз:

— А помнишь, папа, мы читали про птичек, которые улетают в Африку, к доброму шоколадному мальчику Фикки? Помнишь, ты сам говорил: на хорошее давать сдачи только хорошим?

— Помню, — смущенно ответил папа, — Но... понимаешь... улетают в Африку осенью, а сейчас только май. Давай мы лучше напишем доброму шоколадному мальчику Фикки письмо. Оно долетит до него быстрее, чем птица.

Весь вечер Алька с папой сочиняли письмо. А когда вложили его в конверт, Алька взял оранжевый карандаш и вывел на нем вместо адреса две оранжевые буквы — «А» и «Ф». Совсем близко друг к другу. И сбоку нарисовал огромный оранжевый шар.

КНИЖКИНЫ ВИТАМИНЫ

Когда-то я подарил Гошке азбуку. Большую чудесную азбуку с огромными буквами. И все мечтал, когда научу Гошку складывать из них не просто домики и заборчики...

А теперь Гошка сам складывает слова. Слева направо и справа налево. Но книжки сам читать почему-то не хочет. Ждет, чтоб читала мама. Вот и сейчас я положил перед ним новую книжку, а Гошка тянет к окну. Там черемуха, там чирикают воробьи.

— Мама пришла! — кричит он.

Мама в дверях. Идет, на ходу припевает:

— Козлятушки, ребятушки, ваша мама пришла, молочка принесла.

И достает из волшебницы-сумки клубнику, черешню, смородину. Замечает на столе раскрытую книжку, видит кислого Гошку и говорит укоризненно:

— Опять ты, папа, ребенка мучаешь?

И сажает надутого Гошку за маленький столик, ставит перед ним яркую чашку с клубникой, черешней, смородиной.

— Ешь, милый, ешь витаминчики.

— А зачем в ягодках витаминчики? — интересуется Гоша.

— Чтобы их ели дети.

— А зачем их едят дети?

Мама смотрит на чересчур уж серьезного Гоку, и ей становится очень смешно.

— А чтоб они, — смеется мама, — были веселыми, как Буратино.

— Как Буратино? — удивляется Гошка.

— Чтобы они были добрыми, как Айболит.

— Как Айболит? — просияв, улыбается Гошка.

— Чтобы они были большими и сильными, как дядя Степа.

— Как дядя Степа, ура! — вскакивает из-за стола Гошка.

Через пять минут ягоды съедены, и Гошка живо усаживается в кресло, оживает, когда же он станет большим и сильным, и добрым, и смелым. Но время идет, а большим он почему-то не делается. Сильным — тоже. А веселым? Эх, чем больше сидишь, тем становится все скучнее. А когда мама ушла до самого вечера к бабушке, так и вовсе сделалось грустно.

— Что, Гошка, плохо? — говорю я ему. — Плохо без мамы? И витаминчики не помогают?

— Не помогают, — вздыхает Гошка.

И вдруг меня осеняет.

— И не помогут! — говорю я решительно. — Пото-

му что... потому что мама забыла про волшебную книжку. В книжке тоже, брат, витаминчики. Да что ягоды без этой вот книжки! А чтоб кушать книжкины витаминчики, надо сначала научиться читать...

— А зачем кушать книжкины витаминчики?

— А чтоб ты был веселым, как Буратино.

— Как Буратино? — смотрит недоверчиво Гошка.

— Чтоб ты добрым был, как Айболит. Большим и сильным, как дядя Степа.

— Как дядя Степа? — просияв, улыбается Гошка.

— Да, самым умным, самым честным, самым сильным и самым веселым. Если кушать не только ягоды, но и книжкины витаминчики.

— А ты уже умный? — спрашивает, прищурившись, Гошка. — Ты веселый? Ты сильный?

— Не знаю... Но все равно, кто больше ест таких витаминчиков, тот умнее других, и сильнее, и добрей. Он может раздвинуть тучи, и тогда светит солнце. Может стать капитаном... Вот какие они, эти книжкины витамины.

Теперь Гошка сам часто бежит ко мне со своей книжкой, просит послушать, как он читает. Мама лишь удивляется. Мама не знает, что Гошка хочет раздвигать тучи, хочет в море, очень хочет стать капитаном.

О ТОМ, КАК ПОДРОСЛА РУБАШКА

На ночь мама искупала Лешика. Одеда в чистенькую рубашечку. Передала папе:

— Вот тебе, папа, твое сокровище. Сегодня суббота, разрешается Лешiku посмотреть телевизор.

— Но ведь передача не детская, — возразил папа.

— Нет, детская, детская! — захолопал в ладоши Лешик и побежал усаживаться на диване.

— А почему там в телевизоре дядя в погонах? — спросил он через минуту.

— Потому что дядя — солдат, — ответил Лешик папа.

— А почему он стоит с ружьем?

— Потому что охраняет нашу границу.

— А почему он охраняет нашу границу?

— А потому что потому, — отвернулся папа и зашелестел свежей газетой.

Папа читал, мама гладила. И было тихо-тихо. Никто по комнате не ездил на тракторе, не летал в самолете, не стрелял во врагов...

— А где же Лешик? — заметила мама.

— Да, действительно, — сказал папа.

Лешика нашли в спальне. Он добровольно стоял в углу, возле игрушек, куда ставили его иногда папа и мама.

— Что ты, Лешик? — спросила ласково мама. — Почему ты в углу?

Лешик потоптался на месте, поднял голову, посмотрел ясным и искренним взглядом.

— Потому что я охраняю границу.

— А почему ты охраняешь границу? — приняла его игру мама.

— Потому что я солдат.

— А почему ты солдат?

— А потому что потому, — отвернулся Лешик и поправил на плече свой игрушечный автомат.

— Э-э, — покачал головой папа, — так, малыш, с мамой не разговаривают. Какой же ты, выходит, солдат.

Лешик потрогал погоны, погоны были на месте. Подпоясался ремешком и... заметил, что рубашка, его любимая зеленая рубашка с погончиками, стала короткой, выскакивает из штанишек. «Вот видите, — смотрел Лешик на маму и папу, — я уже не малыш. Только какой же я в самом деле солдат в такой вот рубашке?» — «Конечно, — соглашались пап и мама, — с формой у тебя непорядок».

— Завтра я куплю тебе другую, новую рубашку, — наконец, сказала вслух мама.

— Не хочу другую, хочу эту... с погонами. Хочу, чтоб она стала большой. Хочу стоять на границе...

— Ну, хватит, — остановил Лешика папа. — Тебе, я вижу, пора спать.

И едва Лешик задышал в кроватке глубоко и спокойно, как мама взялась за рубашку. Достала зеленые нитки, отыскала зеленый клочок. Вертела его так и этак. Папа помогал маме советами, честно сидел допоздна.

А утром, как только проснулся, Лешик протянул к стульчику руку, нащупал рубашку и сразу надел ее.

— Смотрите! — закричал на всю комнату Лешик. — Рубашка моя подросла!

— Неужели подросла? — прибежав, удивились папа и мама.

— Да, подросла, — закивал светлым чубчиком Лешик. — Гляньте, с края какая яркая, какая зеленая.

— Это новая форма такая, — вздохнула мама. — Солдатская-пресолдатская.

— Солдатская-пресолдатская! — запрыгал от радости Лешик.

Теперь, когда к Лешику приходит Сережа, Лешик не всегда сломя голову летит с ним во двор. Он стоит с автоматом у ящика, в котором игрушки. Очень важный и очень серьезный.

— Почему ты в углу — наказали? — ехидничает Сережка.

Лешик смотрит на него свысока:

— Потому что — видишь погоны? Лешик — солдат.

— А почему ты стоишь с автоматом?

— Потому что охраняю границу.

— А почему охраняешь границу?

Лешик с минуту молчит, размышляет. Потом трогает ящик:

— А потому что здесь все друзья мои — Буратино, пудель Артемон, железная дорога, молоток и автобус.

ВОЛШЕБНЫЙ БИНОКЛЬ

Папа купил Димке бинокль. Все мальчишки за Димкой гурьбой. Димка дал посмотреть в бинокль Тосику Белкину. Тосик поморщился:

— Фи, не настоящий! Нет даже стекол. Все в нем не интересно.

— А вот интересно! — вспыхнул Димка. — Он волшебный. Только, папа говорит, в него надо уметь смотреть... Айда! — повел он мальчишек за огороды.

Трещали кузнечики, шевелилась трава.

— Давайте, — сказал Димка, — по очереди. — И первому подал бинокль Веньке Веснушкину. Смотрел-смотрел Венька...

— Что ты видишь? — спросил его Гринька Любимцев.

— Огород.

— А на огороде?

— Морковку... А еще бабку Лукьяниху, она полет морковку.

— Дай-ка мне, — протянул руку Димка. — И я вижу бабку Лукьяниху... На лице, гляди, сколько морщинок. И еще бабушкины руки трясутся...

— Теперь ты, — сказал Димка и подал бинокль Гриньке Любимцеву. Смотрел-смотрел Гринька...

— Что ты видишь? — спросил его Венька.

— Речку.

— А на речке?

— Волны. А еще белый корабль, а над ним андреевский флаг.

— Дай-ка мне, — протянул руку Димка и приставил глаза к биноклю. — Вижу, вижу белый корабль, а над ним андреевский флаг!

Потом постоял, помолчал. Стал рассказывать тихо, таинственно, как папа:

— Далеко-далеко течет наша речка. А за речкой — соленое море, а за морем — красивая земля. И живут там ребята, папа говорит, — наши братья. Это они сши-

ли белому кораблю, который уходил к нам в страну, большой андреевский флаг.

— Пусть реет, — сказал тихий Венька.

— Пусть, — согласились мальчишки.

Трепали кузнечики, синела река. Все смотрели в бинокль. И видели небо. И тучки. И последний луч солнца. И первую звездочку. И еще слышали звонкие самолеты, которые летели охранять наши границы. И космические корабли, в которых сидели самые смелые люди.

— И я буду смелым! — сказал маленький Тосик, и никто в этот раз не засмеялся.

Домой Димка вернулся грязный и без бинокля.

— Где ты, сын, пропадал? — строго спросила мама.

— На огороде у бабки Лукьянихи. Пололи морковьку.

— А где твой бинокль?

— Я отдал его Тосику. Пусть поиграет, а то он хочет быть смелым, а у него же нет бинокля...

Вечером, уже в постели, Димка позвал к себе папу и, как всегда, попросил:

— Расскажи мне про зеленые звезды, про доброго папу Карло, про самых смелых людей. Или... почитай лучше новую книжку. А то завтра мальчишки спросят: что я вижу в бинокле? Что я, папа, им расскажу?

«ЛЮЛИ»

Ночью у Андрейки подпрыгнула температура, и мама не повела его в садик. Но сама на работу все же пошла. Андрейка поднялся с постели, прошлепал к окну: на улице падал снежок и было белым-бело. Соседский Витька катался на здоровеннейших лыжах. Андрейка соорудил этому Витке рожу и поплелся на кухню. На кухне полез в стол, отыскал банку с мукой, из которой мама пекла по праздникам коржи, и стал посыпать дорожку. Потом вытащил санки...

— Ах ты, горе мое невоспитанное! — неожиданно появившись в дверях, всплеснула руками мама.

— Я не горе, — ответил Андрейка, незаметно отряхивая штанишки, — я просто делаю снежную горку.

— Все равно невоспитанный. Что скажет папа, когда вернется из командировки?

Андрейка опустил голову: маме, конечно, виднее.

— Мы приготовим папе сюрприз, идет?

В свои четыре с половиной года Андрейка хорошо знал, что сюрприз означает подарок, а подарки он очень любил и сам.

— Приготовим? Па-а-пе? — протянул он чуть разочарованно.

— Ол-ля-ля! — подхватила мама Андрейку и закружила по комнате. — Мы выучим десять слов по-французски, мы удивим нашего папу...

Вечером начался первый урок.

— Это лё тапи, — показывала мама на стенку возле кровати.

— Никакие не «лё тапи», а вовсе мой коврик.

— По-русски, разумеется, коврик, а по-французски «лё тапи», ясно?

Ясно, конечно. Разве же переспоришь маму? Папа и тот иногда сдается. Андрейка морщился в размышлении: «Чудно как-то, коврик и — «лё тапи»...»

— А вот я у папы спрошу, — решительно заявил Андрейка.

— Не разговаривай! Повторяй за мной: мячик — ля баль, кровать — лё ли...

— Кровать — люли! — произнес уныло Андрейка.

— Да не люли, а лё...ли! — раздражаясь, сказала мама. — С чего это, скажи на милость, люли?

— Люли, — повторил вслед за мамой Андрейка и заплакал.

Наутро мама укутала его потеплее, сунула под мышку книжку с цветными картинками и оттащила к соседке.

— А-а, Андрюшенька пришел, — запела, засуетилась соседская — Витькина бабушка. — Сейчас, сейчас Витя покажет тебе ракету... Витька!!

Андрейка хотел ему, как и вчера, скорчить рожицу, но помешала бабушка. Андрейка протянул принесенную из дому книжку, попросил пожалобнее, как просил только маму, когда очень хотелось послушать про французского короля, у которого росли ослиные уши:

— Почитай, бабушка.

Бабушка долго всматривалась в написанное. Потом надела очки. Потом сняла их.

— Не вижу я что-то, внучек. Стара стала... Вот Витька этот мастак.

Витька важно взял у бабушки книжку, смерил Андрейку презрительным взглядом: он, Витька, как-никак ходил уже во второй. Витька взглянул на страницу. Наклонился пониже, растерянно перевел глаза на Андрейку.

— Ну, чего ты? — спросил Андрейка.

— Я сейчас, сейчас, — заторопился Витька. — Тут только буквы какие-то... кверху ногами.

— Переверни книжку, — посоветовала бабушка.

— А ну, дай, — протянул руку Андрейка и повел пальцем по строчке. — Люли... лю-ли...

— Батюшки свет! — ахнула Витькина бабушка. — Никак по-заграничному писано... Карапуз — и ведь читает, читает по-ихнему! Вот оно как в ученых-то семьях. А что это, милый, будет люли-то?

— Автомат, — не моргнув глазом, ответил Андрейка.

— Автома-ат?.. Глади-ка, — умилилась старушка и, повернувшись к Витьке, больно дернула его за ухо. — А ты, идол, только на шкоду!

Витька потрогал ухо: плакать, да еще при Андрейке, никуда не годилось.

— А у моего брата есть лыжи, — заметил он грустно.

— А у меня автомат.

— А у меня пушка, во! Она посильнее твоего автомата.

— А мой папа приедет из командировки и забросит твою пушку, ого-го куда, через крышу.

Папы у Витьки не было, и как-то обидно вдруг ста-

ло от этого Витьке, схватил он Андрейку зашиворот, и они покатались по полу.

Вечером пришла Андрейкина мать. Андрейка отвернулся к стене: он ждал ее, ждал вот уже два часа, и горло болело, и хотелось домой...

— Сын, — сказала усталая мама, — я не могла раньше.

Он не стал пить даже кефир, сидел на кровати своей в серой пижаме — маленький и несчастный.

— Ну, Андрейка, Андрей! — тормошила его мама. — Ну, давай, давай почитаю... А лучше закрепим пройденное. Так как по-французски «ковер»?

Андрейка молчал.

— Ты слышишь? Я спрашиваю! — голос ее сделался тверже. — Как будет «ковер»?

— Лё ковер, — уныло ответил Андрейка.

— Что я слышу! — схватила за голову мама. — Нет, вы только послушайте... Да легче слона научить, чем тебя.

Губы у Андрейки задергались, глаза налились слезами.

— Лё тапи, — сказал он. — И еще есть ля баль и люли.

А ночью ему мерещилась Африка, где ужасно большие слоны с ужасно большими ногами хотели затоптать и его, и маму, и Витьку...

А утром как продолжение сна Андрейка увидел папу.

— Ты? — облегченно вздохнул Андрейка и протянул руки.

Мама подошла к мужчинам, весело подмигнула Андрейке:

— А ну, что мы приготовили папе? Скажи нам, как будет «кровать»?

— Как же еще? Кровать, — схитрил большеглазый Андрейка.

Папа только пожал плечами. А когда мама вышла на кухню, Андрейка положил папе руки на плечи, сказал папе:

— А давай-ка лучше с тобою по-русски... Я песню новую выучил. — И запел хрипловатым баском:

— Три танкиста, три веселых друга —
Экипаж машины боевой...
И мой велосипед.

— А при чем тут велосипед? — спросил папа и лукаво прищурился. — Разве велосипеды боевыми бывают?

— Это просто песня такая, — ответил Андрейка. И наклонился, зашептал папе на ухо: — А правда, папа, — мама говорит, ля баль — это мяч, лё тапи — ковер, а кроватька — люли?

ПОДАРОК

Егорка скользнул в ворота парка и неожиданно в середине главной аллеи увидел елку. Кланяются земле мохнатые лапы, тенькают на ветру сверкающие шары. Чтобы лучше разглядеть их, Егорка приподнимается даже на цыпочки.

— Эй, берегись! — слышит он сзади предостерегающий крик.

И сани с детворой проносятся мимо под самой елкой.

— Выгружайсь! — командует возчик, и Егорка узнает в нем Петькиного отца.

— Амба! — хрипит простуженным голосом Петькин отец. — На этом граждане, катание закругляю.

— Ну, как же, — подступают родители, — дети мерзли... дети так ждали...

— Ждали! — сердится простуженный голос и тычет кнутовищем Егорку прямо в живот. — Вот это пузо, небось, пряниками набито, а моему мерину солома и та в праздник... Продрогли, говорю, верно, Васька?

Мерин Васька стоит, опустив крупную голову, едва не касаясь снега отвислой губой. Лишь изредка от взрывов смеха он дрожит местами мелкой дрожью, беспокойно прядет ушами. Егорка трогает Васькино брюхо, похожее на бочку из-под капусты, проталкивается впе-

ред, гладит Васькину челку. Васька подбирает губу, глядит таким благодарным, почти человеческим взглядом, что у Егорки щекочет в носу.

Целый день Егорка думает о Ваське. неужели Васька всю жизнь ест только солому? Неужели никогда-никогда не пробовал пряников — таких замечательных мятных пряников, которые мама иногда приносит Егорке после работы? И зимой, и летом возят на Ваське воду из речки и во рту у него железка...

Вечереет. Видит Егорка в окно: Петькин отец подъехал на Ваське к «Закусочной». И стоит Васька час, стоит два. Пороша ложится на сани, на рыжую гриву, а шея все ниже, губа касается снега.

— Егорушка! — вбегает в комнату счастливая мама. — Гости пришли!!

Гости — это детсадовские товарищи, соседи по дому: Никита, Петька и Леночка. Мама зажигает на елке огни, и все начинают прыгать-носиться, шуметь и скакать вокруг елки. Всем ужасно весело и хорошо. Потом мама и говорит:

— Сейчас, дети, дедушка Мороз принесет вам подарки.

И сама уходит на кухню, а оттуда с маминой сумкой и с кочергой вышагивает Дед Мороз. Но Егора не проведешь: это, конечно, мама. Просто переоделась в свой больничный халат да надела маску.

Мама раздает всем гостинцы в хрустящих пакетах. Сквозь прозрачные стенки пакета Егорке видны зефир и яблоко, его любимые мятные пряники. И снова вспоминает Егор бедного-бедного Ваську, который никогда в жизни не пробовал пряников.

После ухода гостей Егорка отчего-то расплакался и никак не хотел ложиться в постель. Согласился только после того, как мама сказала:

— Если будешь послушным, этой ночью Дед Мороз принесет тебе у-ди-ви-тельный подарок!

Лежит Егорка в постели и думает: «А какой хоть он, Дед Мороз? Наверно, большой, как Спиридон Ти-

мофеич... И добрый. Потому что вон сколько людей, и каждому нужен подарок...»

Егорка решает этой ночью не спать: подкараулить Деда Мороза, хоть одним глазком увидеть его, настоящего-то. Скрипнула дверь — мама! Егорка притворился спящим, даже зачмокал, как будто во сне, губами. С минуту мама смотрит на него, Егорке кажется даже, что она загадочно улыбается. Потом мама вносит что-то большое и серое, ставит рядом с кроватью. Сквозь ресницы Егорка успевает заметить, что это деревянный конь с белой гривой, который так понравился ему когда-то в универмаге.

Но радость вся пропадает, Егорка скучнеет, сделав открытие: оказывается, и не какие не Деды Морозы приносят в новогоднюю ночь подарки. А может, и вовсе нет Дедов Морозов?

Вздохнув, Егорка поворачивается к стене, хрустит пакетом с мятными пряниками. И опять вспоминается Егорке тот, живой мерин Васька. Бедный-бедный Васька! Никто не принесет в эту ночь никакого подарка, Васька так и не отведаст пряников... А Петькин отец заходит в столовую...

Егорка встает с постели. В доме все тихо. В сумерках ищет валенки, стягивает с вешалки шубу и шапку.

На дворе лунно и сказочно. С неба кто-то, словно с серебряной скатерти, стряхивает вниз тонкую пыль на новогодние крыши, на куст сирени, на будку Шарика, на Егоркины плечи.

Егорка крадется по улице. В тени домов чудятся ему ведьмы и лешие, жутко Егору! Подгибаются ноги, руки вцепились в хрустящий пакет. Вот и Петькин забор. А вот и сарай. Дверь приоткрыта. Васька, наверно, спит.

Собравшись с духом, Егорка ныряет в черную щель. Нащупывает кормушку, кладет на солому мятные пряники. Облегченно вздохнув, улыбается своим мыслям: «Пусть Васька завтра подумает, что ночью к нему приходил Дед Мороз».

У ЛУКОМОРЬЯ

Вечером папа сказал, что завтра они с Гошкой пойдут провожать русскую зиму. Гошка сейчас же побегал похвалиться соседскому Вовке, который был на год старше и потому дружил только с Костей. Вовка сидел в кресле с двумя пистолетами и не очень веселый.

— Я придумал игру такую — дуэль, — сказал он. — Я Пушкин, а бабушка не хочет Дантесом... Давай будем играть с тобой? На пистолет.

— Давай, — согласился Гошка и щелкнул курком.

— Я буду Пушкиным, — сказал Вовка, — а ты Дантесом.

— Не-ет... Я не буду Дантесом.

— А какой же ты Пушкин? — хитровато прищурился Вовка. — У тебя даже волосы не вьются.

Гошка потрогал свои прямые белесые волосы, однако упрямо покачал головой.

— Ну, ладно, — вздохнул кудрявый, многоволосый Вовка. — Будь Пушкиным, и я тебя... и... и...

Поднялись в руках пистолеты: бах-бах!

— Падай, Гошка! — закричал Вовка. — Ты же Пушкин, тебя застрелили!

— Нет, это ты падай.

— Но ведь я же Дантес, а ты Пушкин, и тебя застрелили.

— Не хочу падать, — сморщился Гошка, и губы его задрожали. — Не хочу, чтобы Пушкина застрелили...

Было тихо. Тикали бабушкины часы. Где-то далеко ехал трамвай. Гошка подошел к Вовке, опустил глаза, в которых стояли слезы, и сказал:

— Ладно, Вовка, я буду Дантесом. — А потом совсем тихо: — И давай мы лучше застрелим Дантеса...

Ночью Гошка спал плохо. А утром, едва, лишь проснулся, сразу к папе:

— Ну, поедем провожать русскую зиму?

А на улице было как в сказке. Под солнцем все искрилось и переливалось. С неба сыпались сухие морозные блестки.

Возле парка было много народу. Бегали тетеньки в ярких одеждах, играли гармошки. Рядами вытянулись самовары, попыхивали загнутыми трубками.

— Выпьем чаю с дымком? — подмигнул пап Гошке.

— Выпьем, — ответил Гошка.

— Съедем русских блинов?

Гошка живо начал снимать рукавички.

Крутились карусели, гремели оркестры, дяди лезли на столб за подарком. А папа с Гошкой нашли над обрывом беседку и смотрели далеко-далеко по заснеженной речке, словно прощались с зимой.

Потом купили у тети Снегурки книжку Пушкина. Прямо здесь и читали:

— У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.

А когда уходили домой, уже возле почтамта пап^а взял сынишку за локоть:

— Ну-ка, посмотри вон туда... Угадай, кто это?

— Пушкин! — Гошка даже подпрыгнул от радости и восторга.

На грузовике стоял дуб, обвитый златою цепью, а рядом сидел на скамейке сам Пушкин. Пил чай. Гошка подтащил папу поближе и, засмеявшись, позвал:

— Пушкин, а Пушкин!

Пушкин наклонил свою черную шляпу и улыбнулся, помахал, уезжая, белой перчаткой.

Едва добрались на трамвае домой, Гошка тут же к соседскому Вовке:

— А мы были у лукоморья, провожали русскую зиму, и я сам видел Пушкина, и он помахал мне перчаткой. Значит, Пушкин живой!

СЕРЕЖКИНЫ БЕРЕЗКИ

Ай да апрель, что за славный месяц апрель! То березки стояли скучные и по пояс в снегу, а то, словно дымом, покрылись коричневым, показали разутые ноги. Нам с Серезжкой все из окошка видать. «Только сухо ли там, за окошком?» — гадали мы. И обули калоши — и прямо из детского садика в лес.

— Папа, идем же туда, где Солнце, — оборачивается Серезжка и тянет меня по тропинке, за которой на ветках висит большой огненный шар.

— А зачем?

— Забыл? Там мы будем с тобой загорать.

Целую зиму мы с Серезжкой не были на любимой поляне. Целую зиму там гуляли колючие ветры и стужили березы...

Тонет нога в прошлогодней траве, чиркает снеговой водой.

— Слышишь, Сергей? Где-то скворушка.

Сергей вертит вязаной шапкой, водит веснушчатым носом, потом смотрит себе на ноги.

— Это ж калоши, — догадывается Серезжка, — мои новенькие калоши.

— Гляди, — и он трет одну о другую.

Скворец затрещал совсем близко.

— Эх ты, — смотрю я на Серезжку, — калоша! Со всем, брат, мы с тобой отвыкли от леса.

— Отвыкли, — вздыхает Серезжка и ведет зубцом расчески по сырой земле, приговаривает: — А это, папа, железная дорога.

А железный зубец от расчески прыг да в листья — отыщи-ка попробуй.

— Ничего-ничего, Сергей, летом вырастет большая расческа.

Мы идем и смеемся, и рвем на пути лук гусиный. Мы идем и жуем и машем руками. Мы идем на любимую поляну, к любимым березкам. Мы увидели по до-

роге серо-желтую птичку, наверно, овсянку. И снова погнались за ней, а она захромала, забилась в голый малинник.

— Выздоровливай, бедная, — сказали мы вместе с Серезжкой и положили ей: я — ломтик хлеба, Серезжка — гусяного луку.

А потом мы пошли дальше — на любимую поляну, к любимым березкам.

— Папа! — забежал вперед мой Серезжка. — Гляди-ка, наши Анюты...

Три сестры, три Анюты, три любимых березки росли из воронки, по колени стояли в воде. На всех ветках, даже на самых тонюсеньких, висели серезжки.

— Как красиво! — загляделся в зеркальную воду Серезжка. — А как называется это?

— Это? — схитрил я. — Это... Серезжкины березки.

— Да нет, не березки, — отмахнулся от их слов Серезжка, — а вот эти... шнурочки.

— Ах, шнурочки? Березкины серезжки.

Серезжка взглянул на меня: не шучу ли? Успокоившись, замахал снова рукой, запел только что придуманную им весеннюю печню:

— Ай, да-да, Серезжкины березки,
Ай, да-да, березкины серезжки...

И пошли мы с ним еще дальше, туда, где загорали все прошлое лето. И Серезжка стал вдруг снимать пальто.

— Еще рано, — сказал я Серезжке. — Холодновато.

А кругом шелестели едва уловимо березки, дрожали серой, обвисшей вокруг ствола пленкой. А под пленкой белела кожаца, пахло горькими почками.

— Ой, — запнулся Серезжка. — Кто березку раскрасил?

Тут-то я и заметил, что ножка ее вся в желтом-прежелтом — мох! Чуть подальше увидели пенёк — старый, черный, глухой. И увидели рядышком сочный и розовый. И тогда я вдруг понял, что сегодня и вправду

весна. Подошел к крайней березке и раздвинул ножичком белую корку.

— Пей! — сказал Сережке. — Этим соком тебя угощает березка, а березку угощает земля.

Солнце село, и мы повернули обратно. И зашагал по-солдатски Сережка, замахал по-солдатски руками, запел на весь лес свою песню:

— Ай, да-да, Сережкины березки,
Ай, да-да, березкины сережки...

— А чего же ты не поешь? — остановился Сережка.

Я запел. И пошли мы вдвоем к тому дому, что и в ночь светился нам окнами, зашагали вдвоем по-солдатски:

— Мы поем хорошую песенку,
Песенку про березки Аняты,
Про хромую птичку, которой
Мы дали хлеба и гусяного луку,
И еще поем про березовый сок...

На опушке мы остановились, и я приставил к уху ладонь:

— Слышишь, Сергей? Где-то скворушка.

— Слышу, — ответил Сережка.

ЗЕЛЕННЫЕ СТРЕЛЫ

Ур-ра-а! Они ехали в отпуск. Папин и мамин. Мамин и папин. И еще, конечно, его, Антошкин, потому что воспитательница Светлана Андреевна, прочитав заявление, сказала папе и маме:

— Ну, что ж, и Антошке полагается отпуск. Он честно ходил зимой в садик.

А Антошка знает, как честно: болел и ангиной, и гриппом, и даже свинкой. Потому и спорили перед отпуском мам и папа, все решали, куда лучше ехать. Мама была за Крым. А папа тянул в свою деревеньку, где прошло его детство. Под конец он успел шепнуть

Антошке, что научит его там одной интересной игре такой-в зеленые стрелы. И хитрый Антошка сказал маме, что лучше в деревню.

Папа улыбался. Антошка вертелся на деревянном сиденье, подгонял почему-то медленно мчавшийся поезд и думал: «Как интересно, что папа был маленьким, жил в деревне и играл в зеленые стрелы».

А потом шли пешком, оказалось, дедушка живет не в самой деревне, а папа сказал — на кордоне.

Папа поставил чемодан перед дверью: на двери висел огромный замок. Все с упреком посмотрели на папу, мама даже хотела что-то сказать, и папа немножко расстроился, подмигнул погрузневшему Антошке, нагнулся и отвернул у крыльца большой серый камень-валун. На бледной траве Антошка увидел серебряный ключ.

В доме было прохладно и сумрачно. На стене висело ружье — двуствольное, как у Антошки, но только большое, навверное, настоящее. Кошка лакала под столом молоко.

— Старина должен быть где-то поблизости, — сказал папа.

Антошка тут же отправился осваивать новые земли. Он погнался за красивой бабочкой, а когда бросился за ней на лопух, перед самым носом увидел две ягодки. Антошка оторопел: до сих пор он знал, что ягоды приносят из магазина, а тут висят себе просто так, под открытым небом, на тоненьких ножках — срывай губами и ешь.

А чуть дальше покраснели еще и еще. Крупные, теплые.

— Антошка, — услышал он папин голос.

Антошка слегка приподнялся и — что за чудо? — все ягоды сразу попрятались. Как ни в чем не бывало зеленела трава. Антошка снова прижался к траве — снова все загорелось.

— Ну как, привыкаешь? — разыскал его папа.

— Угу, — набив рот, не сразу ответил Антошка и

повернул к нему перепачканное лицо. — А про зеленые стрелы забыл?

— Нет, Антошка, я не забыл, — сказал папа задумчиво. — Только мама у нас сегодня сердится... Ну, хорошо. Расскажу тебе про зеленые стрелы. Идем.

Они подошли к огромному дубу, под которым скрывался весь дедушкин домик, и присели на кочку.

— Ты, мой мальчик, уже подрос, — посмотрел папа внимательно на Антошку. — Вот и пришла пора рассказать тебе эту сказку. Я ее слышал от дедушки, а мой дедушка тоже от дедушки. Давнишняя сказка...

Так вот. В давние времена пришли с Востока враги — несметные полчища. Вставали на их пути наши деды, но по одиночке. И чуть-чуть не выпили степные кони наши глубокие реки, не вытоптали наши широкие степи, но тут собрались наши деды все вместе, и каждый вырезал из дуба стрелу. И взвились в тучи острые стрелы, и там, где упала стрела, погиб вражеский воин и выросло дерево. Дерево к дереву — лес. Вот почему у нас на земле столько непроходимых лесов... Говорят, и наш прадед Степан стрелял во врага, и упала его стрела в это вот место, и вырос из него этот дуб...

Антошка поднял глаза: дуб как дуб, только огромный, почти до самого неба.

— Ну, а дальше, — продолжал папа торжественно, — каждый пускал зеленую стрелу, каждый свое и загадывал. А загадывали только хорошее, только то, отчего польза людям...

Папа срезал с ветки молодые побеги, сбил ножом листья — получились стрелы, зеленые стрелы. Потом согнул палку, притянул концы бечевой — получился лук, замечательный лук.

— На, Антон, — сказал папа. — Это оружие. А с оружием надо быть мудрым.

Антошка вертел оружие так и этак. Даже вспотел. Но все же освоился. А освоившись, пошептал что-то и натянул тетиву. Стрела упала на огород, воткнулась в

мягкую землю. не успел Антошка кинуться следом, как совсем рядом раздался выстрел. Потом второй. Кто-то бежал с дальнего края поляны, размахивая руками.

— Это салют! — закричал радостный папа. — Оте-е-ец!
Лес повторил: «...те-е-е...»

В доме пошел дым коромыслом. мама двигала чемоданом с гостинцами, папа и Антошка мешали ей, а дедушка вытаскивал из сумки красноглазых живых окуней и все сокрушался:

— Да как же так получилось, что мы разминулись? Я же, слушай сюда, за вами до станции. А вы-то какой дорогой?

— Степной, отец.

— Степной! — взмахивал руками дедушка. — Да лесной, слушай сюда, вдвое короче. Ай, Петро, Петро, или стал, милый, леса бояться?

А городские сидели уплетали свежеподжаренную рыбу и озорно переглядывались. Один только Антошка знал, почему маме стало так весело, почему она ласково смотрит на Антошку, на дедушку и даже на папу. Просто потому, что очень хорогая вещь — эти зеленые стрелы, на которые стоит только лишь загадать...

А утром, после завтрака, дедушка снял со стены ружье, стал собираться на Бобровую речку. Антошка с папой провожали его до кривой, разбитой грозой, ссны. Дедушка шел, хромя на правую ногу.

— Что, отец, крутит? — спросил его папа сочувственно.

— Крутит, сынок, крутит берлинская рана. К дождю, верно.

Через день из деревни пришла тетя Фекла, принесла кубан молока и кучу деревенских новостей. Под конец рассказала, что к Авдотье приехал сын-офицер, говорил: на границе опять неспокойно.

— Сидим тут без газет и без радио, — вздохнула мама. — Надо хоть в библиотеку сходить. А то земной шарик где-нибудь лопнет, через месяц узнаешь.

— А он никогда не лопнет, — живо откликнулся Антошка.

— Почему это?

— А потому... потому, — сказал он решительно, — что у меня есть зеленые стрелы.

Мама засмеялась, а дедушка внимательно посмотрел на папу.

Антошка совсем тут освоился. Сам мастерил себе из дубовой ветки стрелы и пускал далеко-далеко. А когда сегодня он прибежал за стрелой к старой березе, перед ним вырос чужой рыжий мальчишка.

— Ты чего тут... стреляешь? — грозно надвинулся на него этот рыжий.

— Это игра такая, — ответил Антошка с достоинством. — Выпустишь эту стрелу — там, где она упадет, вырастет дерево. Но загадывать надо только хорошее.

— Ерунда все это, — покосился на Антошку рыжий мальчишка. — А зовут тебя как?

— Меня? Антошка.

— Ф-фи, Антошка — тошка-картошка, — зафыркал кто-то в кустах.

— Антошка — это еще ничего, — уже мирно сказал рыжий мальчишка. — А меня зовут Снопик. Вишь, какой я соломенный? Петька, говорит, солнцем паленый...

Из кустов вылезли сразу три девочки.

— А мы первые прибежали сюда, мы первые, а воспитательница вторая.

— А вы тоже тут ходите в садик? — удивился Антошка.

— А-а, — махнул на них Снопик, — они еще маленькие. Батька говорит, осенью я уже в школу пойду... А ну, дай-ка и мне стрелу.

Антошка дал Снопiku лук, а потом разрешил девочкам. Зеленые стрелы взлетели в синее небо и падали за кусты, на кротовые кочки, в траву. Все бегали, все смеялись. И Антошка с сожалением думал, что скоро ему возвращаться в город, а когда приедет ког-

да-либо снова, на поляне — там, где падали стрелы, уже будут деревья. Огромные, как эти дубы-великаны, которые все тут, наверно, из таких же вот тоненьких стрел.

Лес шумел каждым дубом. Каждый дуб шелестел сказкой про зеленые стрелы.

АЛЕХА

Мы с Алькой взяли и приехали в совсем незнакомую деревеньку. Просто так, ни к кому. Отдыхать. Пришли, поставили вещи у колодезного журавля, а какая-то бабушка нас к себе и позвала. Крыша, сказала, над головой не течет, молока коровка пока что дает, луку на грядках хватает — живите, коли понравится.

А как не понравиться? Деревенька-то вся в лесу, на берегу тихого пруда. И в доме чисто, пол деревянный, желтый весь, выскобленный. А по полу и по стенкам трава, зеленые ветки. Липой пахнет. Прямо как будто в лесу.

Не успели мы оглядеться, как глядь: на пороге... может, девчонка? Потому что хоть и в линялом, но в платьишке. А может, мальчишка? Потому что на голове хоть и драный, но все же картуз. Волосы не стрижены, коленки сбиты.

— Ты кто? — спросил Алька, весь чистенький, в своей новенькой курточке с синими якорями.

— Я Алеха, — бойко ответила девочка. И спросила: — А мамка мне ничего не прислала?

— Н-не знаем, — пожали мы с Алькой плечами.

— Как же не знаете? — удивилась Алеха. — она тоже в городе живет, на заводе работает. Скоро и меня к себе заберет.

— Да уж жди, — заворчала бабка Анисья, — наша хозяйка и пошла ставить на стол крынку молока.

Почесала девчонка пятку о пятку, вздохнула:

— А Алеха я понарошку. Это мне папа придумал. А

потом он нас бросил, а меня привезли к бабке. — Алеха еще раз вздохнула. — А я никого не люблю... и бабу, потому что она дерется. Вожжами. — Алеха посмотрела на Альку и взмахнула своим картузом. — А я сама бью всех мальчишек, а тебя, не бойся, не трону.

— Только попробуй, — поднял голову Алька. — Я одному, знаешь, как смазал.

— А ну, смажь.

— И смажу.

— Попробуй, попробуй!

— И попробую.

Алеха бросилась в дверь, Алька за ней. И — во двор. Алеха остановилась, Алька налетел на кошку и чуть ли не растянулся. Кошка взвыла да на сарай.

— Кис-кис-кисонька, — протянула руку Алеха, кошка спрыгнула ей на плечо.

— Ой, а что покажу! — зашептала Алеха таинственно и схватила Альку за майку, потащила в кладовку.

Вышли оттуда они с пузырьком.

— Капли, — пояснила Алеха. — Бабкины.

Она вылила их в жестяную баночку — валерьянка! Кошка вырвалась из Алехиных рук — и к жестянке. Заработала языком, задвигала банкой. Потом повалилась на траву и давай вертеть лапами, подмурлыкивать.

— Пьяная, — с грустью сказала Алеха. — Как папка, бывало, после получки... А смотри фокус.

Из хаты выскочила бабка Анисья. Ахнула и тут же скрылась в кладовке.

— Побежала капли проверять, — усмехнулась Алеха. — Сейчас вылетит с палкой.

Они очутились на озере. Здесь мальчишки ловили руками раков.

— Отдай мой картуз! — подскочил белобрысый к Алехе. — Отдай!

— Догони, — засмеялась Алеха и пустилась со всех ног наутек. А мальчишка за ней. А Алеха бегом по

наклонной раките. Белобрысый за ней. А Алеха — прыг и на нижний сучок, подтянулась и села. Белобрысый за ней, оттолкнулась Алеха и в воду — бу-у-лтых! Прямо в платье. Поплыла к тому берегу, где мальчишки ловили раков.

Возвращались под вечер. Платье Алехино было разорвано. Кое-как соединила края дыры, скрепили репьем.

— Бабка ругаться будет, — мрачно сказала Алеха.

Бабка Анисья доила корову. Молоко дзинькало в пустое ведро. Потом запело спокойней и глуше.

— Ага, заявилась, — выглянула бабка из-под коровы. — Погоди ж у меня!.. А ну, Ленка, замеси гусям, да начисти картошки, да вычисти хлев. А завтра погодишь овец на пойму, хватит лодырничать.

Алеха стояла покорная, тихая, согнувшись так, что на спине выперли обе лопаточки. Пошла в хату. Вынесла на порог чугунок с вареной картошкой, мешок отрубей. Одной рукой мешала гусиное месиво, другой — придерживала дырку на платье.

— Слушай, — сказала ей Алька. — Хочешь, я подарю тебе свою новую куртку с синими якорями? Наденешь ее, и бабушка ничего не заметит. — Алеха молчала. — А хочешь мы возьмем тебя с собой в город? — Алеха молчала. — Мы найдем твою маму, хочешь?

Алеха только шмыгнула носом.

ГОЛУБОЙ КЛЮЧИК

(лесная сказка)

Папа взял в руки рюкзак и айда с Гошкой в лес Мурашихинский. Пришли, поставили палатку — розовую, с большими карманами.

Взяли ведерко и отправились воду искать. Шли-шли, взошли на бугор. Папа звякнул ведром:

— Ну, вот и ключик.

— Где ключик? Какой? — завертел головой Гошка.

— Известно, какой — голубой.

— Голубые ключи не бывают. Бывают только железные, как у тебя. И золотые, как у Буратино.

— А вот и бывают, гляди.

Они почерпнули водички, наклонились к ведерку и пили студеную воду, пока зубы не заломило. Потом присели на поваленный ствол, папа взял Гошкину руку:

— Хочешь, сказку про голубой ключик? Ну, так слушай. Давным-давно это было. В незапамятные времена. И пошел в лес по ягоды мальчик по имени Костя...

— Как тебя звали мальчика, да? — шевельнулся Гошка.

— Не перебивай!.. Так вот, пошел по ягоды Костя да и заблудился. Все в лесу стало вдруг незнакомо. А тут налетел ветер — потемнело небо, зашевелилась трава. Сделалось страшно. И есть захотелось. Вспомнил Костя про корзинку свою, поел земляники. Потом захотелось пить. Идет Костя по лесу, чувствует, слабеют ноги. На одном бугре, чтобы легче идти было, высыпал ягоды, на другом — пустую корзинку, на третьем — вышвырнул из карманов — гайку, гвоздик и ключ. Железный ключ от квартиры. И там, где упал этот ключ, зажурчала, запела, зазвенела вода.

Костя принялся жадно пить. Оторвался и видит: вода голубая-преголубая, а по ней облака, а из облаков смотрит на него мальчик не мальчик, Костик не Костик... Пригляделся — как будто тетенька. Глаза сливовые, губы вишневые, на голове все сияет. Все в росе, все зеленой косой сплетено, взгляд бездонный... Вспомнил Костя папины сказки, догадался, что перед ним сама Мудрая Мурашиха.

Махнула она рукавом — звезды брызнули и упали на траву-мураву хрустальными каплями. Скользит Мудрая по муравам легким туманом — Костя за ней. Довела Мудрая до Сосновой поляны, опустилась на трон свой. А трон весь в лозинах-малинах, в ветках яблонь-дичушек, в кистях-лапах рябиновых. Сидит Мурашиха: на одном плече — Ворон, на другом — птичка Юрок,

перед ней самой — старичок Моховичок. Говорит Мурашиха Косте:

— Задам я тебе три задачи. Хоть одну выполнишь — отпущу с миром... Ну-ка, дедушка.

Поклонился ей Моховичок, повернул к Косте сморщенное, как у сушеного гриба, лицо.

— Сосчитай, — сказал, — хлопчик, сколько ягод в лесу Мурашихинском, сколько грибов?

Постоял Костя, подумал и пошел считать. Идет себе да посвистывает, справа налево поглядывает. По правую руку от грибов — серым-серо, по левую — красным-красно от ягод. Никогда бы не подумал, что столько всего, добра такого в лесу Мурашихинском. «Ну, как? — оборачивается старичок Моховичок. — Нравится?» — «Нравится», — шепчет Костя и считает, считает.

Но там, где уже сосчитал, прорастает еще боровик, а подальше (ну, на глазах прямо!), поспевая, зажигается земляника.

— Не могу, — опускает голову Костя. — Не могу сосчитать-то.

Старичок ведет Костю обратно. С кочки на кочку прыгает, о крушину тростинкой постукивает. Привел снова к Сосновой поляне...

— Что ж, вздохнула Мудрая. — Вот задача вторая. — И качнула левым плечом. Встрепенувшись, древний Ворон прокаркал:

— А скажи, какой зверь в лесу самый хитрый?

Постоял Костя, подумал и пошел знакомиться со зверями. Летит Ворон Воронович. От дуба к дубу, от березы к березе. Костя за ним. Смотрит — куст перед ним. Костя ближе еще — эх, как хватит куст от него да в чашу! Вот так куст, а не куст — рога лося. Ну, и хитрый зверь, этот лось. А Ворон Воронович манит все дальше. Летит от рябины к рябине, от крушины к крушине. Костя за ним. Глядь, а на самой опушке зайчишка. Подложил себе лапу под щечку и спит себе, носом посапывает.

— Ты что тут, косой? — прокаркала древняя птица.

— Я ничего, — подпрыгнул зайчишка. И сел, захлопал ушами. — У меня хитрость: скоро к нам на луг придут трактора, а я зайчишкам местечко обустроиваю.

«Не глуп и зайчишка», — подумал Костя.

Ворон Воронович все дальше в лес. Костя за ним. Видит — вьется тропинка, а на ней листок лежит. Пролетел Ворон — листок с писком нырь в мышиную норку. Вот тебе и листок...

Возвратились к Сосновой поляне. Нахмурила брови Мудрая Мурашиха:

— Так какой зверь хитрей всех?

Молчит Костя, потупил очи.

— Ладно, — чуть-чуть подобрела Мудрая Мурашиха. — И последняя, третья задача. — Качнула она плечом — встрепенулся Юрок, пропел звучно и мягко:

— Сможешь спеть в лесу лучше, чем птица?

Вспомнил Костя песню свою про зеленую елочку и про смелых бойцов. И собрался запеть, да решил сначала послушать и птицу саму, и лес. Налетел верхний ветер — загудели сосенки, могучие сосны. Каждой веточкой, каждой иголкой. А Юрок не стерпел да на песню-то песней ответил — голосистая птаха!

— Ну, что скажешь? — спросила Мурашиха.

Костя поднял глаза, голубые и грустные.

— Нет, — сказал он ей честно, — не смогу сейчас спеть лучше птицы, не смогу лучше леса.

Посмотрела Мудрая на него долгим, внимательным взглядом и растаяла...

...Очнулся Костя у голубого ключа. Глянул еще раз на дно: никакой там хозяйшки, а только он, Костя. Пошел он по ручью, что бежал от ключа, да и вышел к деревне. Вывела Костю к людям Мудрая Мурашиха. Видно, понравился.

...Они еще долго сидели у голубого ключа, словно ждали продолжения сказки. Но Мурашиха не приходила.

— Папа, — наконец, спросил Гошка, — а что этим ключиком открывается?

Папа помедлил. Потрогал травинку. Заглянул в синюю воду. Наконец-то ответил:

— Этим ключиком, Гошка, земля открывается.

СИНИЕ СТРАНЫ

Наш дом на опушке леса. Если проснуться среди ночи, слышно в открытую форточку, как шелестят сухой листвой дубы. В этом лесу и живут синички — наши друзья. Мы с Гошкой приладили снаружи кормушку и бросаем туда корки, остатки картошки, а иногда, когда мама не видит, и печенье, и даже любимые Гошкины пряники.

Прилипнув к стеклу, Гошка часами торчит у окошка, смотрит и о чем-то своем шевелит губами. Я знаю о чем. Он разговаривает с синичками, они для него не просто синички — птички из сказок, которых у Гошки целая полка...

Когда наступила весна и побежали ручьи, синички перестали летать на окошко, а Гошка все ждал их, пока мама не решила выбросить нашу кормушку и на ее место поставила длинный такой ящик с землей. Мы здорово спорили с мамой, а мама махнула на нас рукой, заявила, что мы какие-то «непрактичные». летом в ящике вырастут вьюнки и закроют солнце, а то в комнате может испортиться мебель.

— А зачем закрывать солнце? — сказал Гошка. — Пусть себе светит.

— Пусть светит, — повторил я следом за Гошкой.

Но мама все же поставила ящик. Мы с Гошкой страшно обиделись, но молча переживали обиду. А вьюнки, между тем, росли-подрастали. Иногда Гошка смотрел сквозь них на темнеющий лес. И только сегодня, когда я вернулся из командировки, осторожно тронул меня за плечо:

— Пап, а наши синички синие, да?

— Синие, Гошка, синие.

— А почему они синие?

— Потому что там, где живут они, все на свете синее-синее. Ты не горюй, Гошка, они улетели к себе... в синие страны. Им там сейчас хорошо.

— Уйдем и мы с тобой в синие страны, уйдем?

Он хитровато прищурился, я понял его по глазам: «Сбежим от мамы? Пусть себе ставит ящики, пусть вьюнки закрывают ей окна, а мы возьмем да и уйдем туда, куда улетели синички». — «Некрасиво, Гошка, — ответил я ему, — ах, как некрасиво бросать нашу маму». — «Но ведь там же синие страны, — молили его глаза. — Там много солнца». — «Ты прав, мой сын, там действительно много солнца»...

— Ура! — поняв меня, запрыгал от радости Гошка. И в воскресное утро, пока Анка не приехала с рынка, мы отправились в путь.

Сначала тропинка была нам знакома. Здесь мы с Гошкой гуляли, даже играли весной в партизаны, под этим дуплистым дубом ели с ним костянику. За дубом встретилось еще одно знакомое дерево — старый-престарый клен. А дальше все Гошке было уже незнакомо, только я с заводскими ребятами летними зорями хаживал по этой тропе на рыбалку.

Перед нами густели березы.

— Стой, Гошка! — произнес я торжественно. — Видишь? Здесь начинаются синие страны.

— Где, где начинаются? — вертел головой Гошка.

— Только их видит не каждый... Гляди, — только я его заметил в траве-нежданный-негаданный гриб. То был лесной великан.

— Такими грибы не бывают, — обиделся Гошка, оттого что не первым заметил его.

— А вот и бывают, — поднял я нашу находку и щелкнул по тугой ножке пальцем — подobaбок загудел низко и глухо, в синеватой шляпе закачалась серебристая капля.

— Пей, — подал я Гошке грибную шляпу, и Гошка утонул в ней по самые уши. Наконец, он поднял на меня ласковые глаза. Как они были похожи на Анкины! Не теперешние, а те, пять лет назад, когда мы с ней познакомились в лыжной секции. «Ах, как вкусно! — говорили они. — Если б ты знал, как это вкусно». — «Я знаю, малыш, это волшебные капли. В таких странах, малыш, все волшебное»...

— Идем! — подал я руку ему и увлек за собой.

Мы шли с ним березняком. Ближе к полянам березовым и рубашки наши, и руки, и лица светлели, и Гошка все спрашивал, почему кругом так светло и кто обернул деревья бумагой?

— А где же синички? — наконец, вспомнил он.

— Погоди, брат, будут тебе и синички.

И вдруг где-то рядом запела вода. Сладко-сладко, как птичка. Мы с Гошкой пошли на звук, раздвинули куст бузины: у самых корней увидели тонкую струйку. Она выбегала из пустой бузиновой палочки, воткнутой во мшистую кочку. Из кочки бил родничок, и струйка падала в синюю кружку, плескалась через край и синей лентой убегала далеко-далеко, наверное, к синему морю. Гошка притих: все было в точности, как я рассказывал, как в настоящих волшебных странах. Оставалось только нагнуться за кружкой, которую приладил здесь кто-то для таких, как мы с Гошкой, и пить, пить, пить. Я сделал их этой кружки глоток и вспомнил об Анке и пожалел, что, уходя, не вложил в замок ей записки, и она не сможет пойти по нашему следу, не отведаст чудесной лесной воды.

— Видишь? Это птичьих следы, — сказал я как можно спокойнее и показал Гошке на влажную землю. — Здесь пьют синички.

Гошка молчал, а хитрющие глаза выдавали: «А вот и нет. Здесь вовсе бродили слоны. А мы с тобой следопыты. А говорливый ручей — это Волга. А Волга течет в океан. Ты же сам говорил, что здесь все волшебное...»

На опушке мы увидели поле, оно все двигалось, все дышало.

— Здравствуй, поле! — сказал взволнованно Гошка.

И, когда мы пошли по тропинке и Гошка скрылся в хлебах с головой, оказалось, вблизи поле синее, потому что синими были ржаные листья и стебли. И синим было небо над ними, одинокое дерево рядом, к которому привела нас тропинка.

— А что дает людям поле? — спросил Гошка.

— Поле? дает людям хлеб.

Счастливые — мы шли рожью и рожью. А кругом были травы, солнце, жаворонки и ветер. Не сдержался я, взял да и придумал первую строчку, а Гошка — вторую, а третью — вместе придумали. Вот и получилась песенка, которую можно петь, если немного устанешь. А идти надо еще и еще. Вот мы и запели:

— Пахнет медом, пахнет мятой

Поде луговое.

И шагаем мы, ребята,

Стороной родною.

А когда песня кончилась, тут-то мы и ахнули: перед нами синело озеро. И весь берег горел от синих-синих цветов...

Гошка устал, и я посадил его себе на плечо. Он сидел у меня на плече и без конца вертел головой: ну, где же, где эти синички? А синичек все не было.

Он первым заметил маму. Она бежала к нам, вытянув руки, летела в своем васильковом платье, как большая синяя птица.

— Глупые, — сказала она, запыхавшись. — Где же вы пропадали?

— Мы ходили в синие страны, — сказал гордо Гошка. — Это совсем близко, правда, папа? Только страны эти видит не каждый.

*Лето 1967 — лето 1969,
г. Орел.*

РАССКАЗЫ

БЕЛЫЙ ВОЛК

Волновахе почтальон принес телеграмму: приезжает с флота средний сын, Семен, капитан-лейтенант. И Волноваха решил, в честь такого события, посадить за стол всю деревню. Небось, уместятся: теперь от Нечаевки остались рожки да ножки.

— Как это чин ему такой приспособили? — признавал у него возле колодезя сосед Никифорыч — бригадир овцефермы, всю войну протолкавшийся по причине кривой с детства ноги на ближайшем элеваторе. — В тот раз был старший лейтенант, в этот — лейтенант сверх капитана. Майор, выходит, аль подполковник?

— Сказано, капитан-лейтенант, — свернул разговор Волноваха и пригласил бригадира к себе на завтра. — Старуха говорит, пойдешь, гырьт, пригласи Романа Никифорыча в первую голову, нужный в хозяйстве он человек.

— Старуха у тебя не дура, — усмехнулся Никифорыч и пошел с полными ведрами, припадая на правую ногу, Оглянулся, погрозил пальцем: — Гляди у меня, не балуй!

Последние слова сбили Волноваху с теплого настроения мысли. К чему это он, — не балуй? Сами, что ли, на должностях не бывали? Ведь ты к нему со всей душой, по-человечески, а юлить тебе, Волновахе, особо и не к чему. Сиди себе, получай за вторую группу боевой инвалидности пенсию. И опять же хозяйство у тебя: коровенка, овечки, поросеночек, садик-огородик. Сосредоточивайся, пока есть силенка, на своем личном секторе. Только скука со света сживет, мысли черные сгложут, если сразу вот так взять да и оборвать всякие внешние связи. Вон Митрофан Ильич пошел летом на пенсию, а к весне уже не жилец.

Сын приезжает, Сенька, Семен, Волновахов Семен Семеныч. Офицер подводного корабля. Всякие случались на Нечаевке воины — артиллеристы, десантни-

ки, один даже на Зимний в семнадцатом бегал с винтовкой, с «Варяга» был один. Но чтоб под водою, как карпия, да еще офицером, — нет, таких здесь в истории не бывало. Шутка сказать, у нас нырнет, а у Южной Америки вынырнет. Ну и времечко, техника — уму непостижимо. На что старший, Петр, в Харькове главный конструктор, а и тот одобряет Семеново дело.

Гордые мысли за сыновей сгоняют с Волновахи неприятный осадок от встречи с бригадиром. Так и идет к вечеру он, седой, белый, как лунь, размягченный, довольный, сторожить совхозную овцеферму. Все скотики разошлись, только Нечаев Иван загоняет последнюю ярку. Вместе с ним прошли по помещениям, проверяя «наличие отсутствия»: все животные твари на месте. Ну отарные, ну безмозглые. Подай голос одной — все таращатся, одно слово, — овца. Ромни-марши. Завезены из-за границы, может, мильон за них отпалили. В первое время жить на здешнем кормочке отказывались, пока не догадались овец скрестить. Теперь ничего. Ишь, кряхтит, бочка. Нарастила шерсти, кряхтит. Скоро тебя, милая, на бок и — верещи, не верещи — патлы ножнями. На то ты и овца, тварь бессловесная. Надерут с тебя шерсти, напрядут ниток — деревенские бабы варежек, носков теплых навяжут, в городе тканей наткут, костюмов хороших наделают хирургам и дипломатам. И Семену Семенычу — в самый раз туда, под воду.

Волноваха усаживается на привычное место, откуда, по мере возможности, видать все подходы к овчарне. Затравляет костерок, сидит, питает его всяким хоботьем. Приседает Иван Нечаев, подставляет огню свои красные, вздутые в средних суставах пальцы, Хоть и май месяц, а зябковато: отцветает по Гиблым оврагам черемуха. Как потянет оттуда, даже овцы не стоят, крутятся.

— Сын, слышал, к тебе приезжает, Семен? — свистит сожженным морозами голосом Ванька.

— Семен, — подтверждая, натягивает Волноваха картуз на уши, поднимает глаза. — Уже капитан-лейтенант... Вместе бегали, чай, на Петровку?

— Не, я в восьмой, он в десятый.

Смотрят вместе, как огонь враз схватывает куски старой оглобли, лижет сырую неопшуренную палку, все обхватывает, улещает, утепляет ее, пока на срезе не начинает пузыриться вода и сизый парок с шипением не исчезает в пламени.

Время от времени Волноваха отрывается от дела и, привыкая глазами, оглядывается окрест. «Гляди у меня, не балуй!» Отдает костром западный склон неба, резка кромка сухой прошлогодней полыни, острые пики елок. Оттуда, из Гиблых оврагов, приходит белый волк. Если бы Волноваха сам не видел, никому бы, может, и не поверил. Не верится вообще, что до сей поры водятся волки в районе. Это сразу же после войны их тут было пропасть, ни пройти, ни проехать — ленивые; тучные, отожрались в окопах. Навели им шороху. По соседству, в Петровке, один Лисицын, знаменитый охотник, уничтожил их, может, с полтыщи. И матерыми, и мальками. Пришел как-то Волноваха к нему за капканом (лиса чередила, всех, стерва, кур порешила), а у того по двору, по-за огорожей, кутенята катаются. Одного помета, пять штук. Такие ували стые, мягкие, на толстючих лапах. «Дай, — говорю, — хоть одного для интересу». — «Нельзя, — говорит, — а ну как волчица нагрянет за ними, чем будешь отчитываться?» — «А ты?» «Ну я, — говорит, — другое дело. У меня вон оно», — и похлопывает по ружьишку золингенховской выделки.

Хорошо поработал Лисицын, видать, и другие неплохо. Сколько лет не слышать было, шутить уже стали, что в районе, мол, всего один волк остался, и тот инвалид, на култышке — капканом отсобачило переднюю правую. И вдруг нате: на ферме пропала овца. Ну пропала и пропала, пропадали и прежде. На то и

животное, чтобы иметь свободное передвижение, куда хочу, туда и верчу. Для того овчары и приставлены, чтобы наводить ее, глупую, на разумные действия. Но вот что подвело Волноваху к мысли о волках: стали стричь овец, а под горлом у одной, другой драные шрамы. Тогда и поставил Волноваха перед бригадиром вопрос о ружье. Два дня Никифорыч ходил в размышлении, на третий прямо-таки озадачил: «Нельзя тебе, Волноваха, выдавать в руки ружье, ни под каким средством. А то ты волка ненароком ухлопаешь». — «И, возможно, ухлопаю», — ответил ему Волноваха. — «А ухлопывать его, санитаря, нельзя. Может, его самолет сюда... из Канады». — «А ежели он, стервец, меня вздумает слопать?» — «Ты уже старый, глянь — белый весь, ты свое пожил», — сказал бригадир и пошел своей дорогой.

Осенью пропали подряд еще три овцы. Волноваха усилил бдительность, даже собаку завел, сторожил теперь вместе с Куцыком. Как-то к полночи пес прижался к коленке, затрясся. Волноваха увидел волка — белый, ростом с теленка. Белый волк тоже заметил его, сел на хвост и вытянул морду. В тучах вылетела луна. Волноваха пригляделся к нему и ужаснулся: один глаз у волка был пуст, в другом стыла жуткая, человеческая тоска. И тогда Волноваха подумал, что это старый, седой и сам себе не нужный бродяга и что зубы у него искрошились, истерлись, потому и не может уже перехватывать он у жертв своих горло. И Волноваха его уже не боялся. Они сидели друг против друга, и каждый думал о себе, своей собственной жизни. Волновахе было жаль старого, голодного волка, но жаль было и самого себя. Наконец, волк понял его, поднялся и, сверкнув на луну единственным глазом, удалился степенно. До чернотропа он наведывался еще пару раз, и Волновахе показалось, что бег его становится все распатаннее.

Волноваха рассказал об этом кому-то, вся деревня

стала подтрунивать, а Никифорыч, бригадир, высмеял принародно: это, дескать, у тебя от белой горячки. А когда Волноваха объяснил ему, что не употребляет хмельного по причине высокого кровяного давления и беспредельного желания жить, чтобы увидеть, что же дальше будет со строительством коммунизма, Никифорыч так напрямик ему и заявил, что, значит, пора подыскивать на Волновахино место новую штатную единицу, для которой волки, как волки, — серые, а овцы, как овцы, — белые.

Через неделю Куцык неожиданно сдох, в желудке у него оказались мелко истолченные иголки. В то утро Волновахе показалось, что за ним наблюдали по соседству, из-за плетня.

Вместо последней пропавшей овечки Волноваха привел на овчарню свою, даже старухе ничего не сказал. У Катюшки Нечаевой отара опять стала в полном сборе. И до этого все что-то овцы у нее пропадали. Не хотелось грешить на старого, бессильного волка, но ведь пропадали. «Не балуй у меня!» — сказал утром Никифорыч. Ну, сказал и сказал, а душе — смута, телу — весь день нехорошая зябкость. Едва отогнал эту зябкость костром да разговором с Иваном про то да про се. Понял только, что рано домой Иван Нечаев сегодня не намеревается. Сидит себе да посиживает, мелет из пустого в порожнее. Не так просто обмануть Волноваху — молод еще Нечаев, крепко сбит — ладно скроен, работой пока не изломан. На овчарне задержалась Катюшка Нечаева, эта самая, с Громотушкина Верха. Не баба — омут бездонный, зубищи к весне так и скалит, лишь Стенька, мужик ее, ни черта не замечает...

— Ты чего, дед? — повернул Иван к нему свое невеселое, вялое, бронзовое от костра и загара лицо.

— А про молодость вспомнил, — тряхнул головой Волноваха. — Катюшка в передовые выходит. Скоро на доску за эти дела повесят.

— Ну и что?! — напрягся Иван.

— Сын у меня под окиянами плавает, — вздохнул Волноваха. — Тут у нас нырнет, а у Южной Америки вынырнет.

— Нырнешь так-то вот, — поглядел на него Иван длительным взглядом, — и не вынырнешь.

— А на то голова, чтоб выныривать, — шевельнул костер Волноваха и посмотрел в глаза Ивану через огонь: в них была жуткая, нечеловеческая тоска. — На то жизнь, сынок, чтобы жить, чтобы верить в людей.

— Верь, верь, — усмехнулся криво Иван. — Бабке своей всегда верил?

— Не верил, когда сам не верил себе.

— Может, сынок твой, что под моря ныряет, не твой, например, а деда Митрошки... того, что с «Варяга», а? Может, это в крови у него — моря-окияны?

— Дура ты, всех на свой аршин мерешь, — сказал равнодушно, ничуть не сердясь, Волноваха. — У каждого свой аршин. Я-то вот всегда был уверен в Дуняшке, а вот ты... за чужим подолом мотнешься, у своей своим не зови. Валяй-валяй к Катюшке, небось, уже ждет.

— Гляди у меня! — поднял голову и рыпнул зубами Иван. — Гляди, дед... Люблю я ее, понял? Давно. Я тебе по-человечески... мужской разговор...

— Да уж видывал виды. Иди. Да штаны, гляди, не урони.

— Ты, того... никому, — уже издали крикнул Иван Волновахе и прынул стежкой в овраг.

«Вот жизнь. Все грозят, угрожают», — повернул Волноваха верх оглобли в костре и, когда освеженное движением пламя отделило от него остальное пространство, весь отдался течению мыслей о сыне, о завтрашней встрече с ним, обо всем завтрашнем дне. Так и сидел он, может, час, может, полтора, чутко прислушиваясь к ночи, к тому, что делось там, за стенкой, в ближней овчарне, развернутой воротами не сюда к нему, а туда — к ельнику, к Гиблым оврагам. За воротами,

прямо в притворе, беспокоилась ярочка, которую он свел со своего двора молчком от старухи.

А ночь была тихая, кроткая. Луну скрали тучи, и воздух, до самых звезд, казался настолько наполненным плотным, крутым, что, если бы даже и захотелось, не провернул бы Волноваха его вместе со звездами ни ложкой ни даже половником. Гущина эта забирала голову, валилась грузно на Волноваху, нагоняла сладкую дрему. Волноваха вытягивал шею, прислушивался, но ничего, кроме чавканья карпий в пруду под бугром да роста травы, раздвигающей за сторожкой упрелые прошлогодние листья не слышал. Вдруг где-то задело металлом металл, похоже жучок-майка повел бронзовым крылом о крыло. Волноваха мигом очистился ото сна и, взведенный, как семилинейка, руками по стенке, по стенке сунулся к воротам овчарни. В разрыве туч полоснула луна: к ельнику, припадая на правую сторону, мчалось что-то проворное, крупное, облитое белой луной — белый волк.

— Ату его! — затопал, замахал руками, кинулся даже бежать Волноваха, но волк прынул в Гиблые овраги и был таков.

Волноваха вошел в притвор: ярочки не было. Это нисколько не огорчило его. «Подавишься этим куском, я тебя причешу, — обернулся Волноваха к Гиблым оврагам. — Как псу мому... тоже будет невпроворот».

Семен приехал первым автобусом, выскочил через переднюю дверь — бравый, в сиреневой рубашке, чемоданчик в руке. Старая как прилипла к нему, так никого и не подпускала.

— Дай хоть глазком глянуть на капитана, — суетился Волноваха и тут же осаживал сына: — А почему, спрашивается, в гражданском?

— Вот патруль, — отсмеивался капитан-лейтенант Волновахов. — Да вот она, форма, тут, в чемодане. Если сильно попросишь, отец. — надену.

В доме уже рубили квр, шипали гусей. Ждали из

районного центра младшего Волновахова — Виктора, токаря на ремонтном заводе: должен был прикатить на выходной. Он приехал двенадцатичасовым, как раз все и собрались. Всей нечаевской бригадой и засели за стол, не было лишь Ивана Нечаева да Никифорыча, бригадира. Ну Никифорыч ясно: какое-никакое, а руководство: приди, поклонись. А вот с Иваном не совсем все понятно. Но не стали ждать.

— Чего скажу я вам, дорогие гостечки, — с первым тостом поднялся Волноваха-отец. Никогда не говорил столько слов, а тут сказал, и его слушали все. — Хуть он и сын мне, а скажу, мои односельчане, вот что: давайте выпьем за наших защитников, за сына мово, который, как и вся наша доблестная армия, наш броненосный флот зорко стоит на рубежах. И потому мы сидим с вами смирно под этой вот смирной ракитой, что они стоят там, потому что у нас такая жуткая техника, что просквозит все моря-окияны наскрозь, до всего, если что, доберется. Верно говорю, а, Семен? Верно... Так давайте за нашего с бабкой сына — начальника этой очень, скажу вам, серьезной техники, капитана да сверх того лейтенанта Семена Семеныча Волновахова.

И сел. Сидел слушал других. Женщины помогали старухе, подносили к столу картошку, курятину, подливали квасу, приседали на момент, спохватившись, снова бежали на кухню. На ведерной сковороде тащили почти полбарана: Волноваха зарезал утром последнего. Старый слышит дружную работу челюстей («зубы востры, с хрустом рушат косточки и хрящи»), смотрит на длинношерстную свежую шкуру у себя на плетне («надо было прежде постричь») и переносится мыслью на всю страну, обхватывает в целом всю земную планету: «Мы-то ладно еще, у нас всего много, есть еще чего поскрести, а вот остальному миру как быть с продуктом питания? Люду, пишут, уже за четыре миллиарда. И у каждого зубы, желудок, каждый схрупают за жизнь

товарняк. Химию, водоросли станут это... кусать. А на что пересаживать в мире животных? Волка, скажем?..»

Разговор за столом разбился на множество русел. Кто-то расстегнул уже верхнюю пуговку и схватился за квас. Волноваха выждал момент, задал сыну громогласный вопрос, который давно держал у самого сердца:

— Мы вот тут все очень интересуемся. Все. Будет, Сеня, еще война ай не будет. Третья мировая. Какая у тебя лично на это тактика и как стратегически смотрят на это наши вооруженные силы?

Базар за столом как рукой сняло. На дальнем конце кто-то поперхнулся куском, на него тут же зашикали. Во дворе, под ракитой, из умывальника капала в бочку вода.

— Слышите? Капает, — поднялся Семен и засмеялся. — Капает капля. Из умывальника, из облаков. С вишни, с яблони. Каплет, каплет над нами! Живем и жить будем — это наша тактика и стратегия. Война? Да зачем нам чужое? У нас много всего и своего. С древности люди себе добывали богатства войной, никакая война теперь не способна дать того, что дает торговля и производство. А разрушения от нее, а страдания народов? Нет, дорогие товарищи, войны не будет. Ни третьей мировой, ни четвертой. Быть не должно. Слишком дорогим стала она удовольствием. Главное — мы не хотим...

— Что ж вы сидите тут? Хата горит! — влетел на порог Нечаев Иван. — Гляньте: двор весь в дыму.

Выметнулись кто в дверь, кто в окна. Горела не хата — стожок просяной соломы, что у сарая. Пламя готово было метнуться и на сарай, искры стлались веером налево, вдоль улицы, и только деревенскому плану с другого боку, от Никифорыча, ничего не грозило. Волноваха про себя это мигом отметил; отметил это про себя и Семен.

Стожок разметали вмиг, содрали с сарая полкрыши — все вкупе, такая силища. Стояли, соображали; с

чего бы стожку загореться? От молнии? Чистое небо. От ребятишек? Они, пострелята. Входили в хату возбужденные, сдруженные.

— А зря, отец, не пригласил кой-кого, — отозвал Семен Волноваха в сторонку.

— Я приглашал, — понял тот его с полуслова. — Я приглашал... Ну да ничего, уже перезимовали. А новый годок — новый кормок.

Там, в хате, все закрутилось с прежней силой: тосты, частушки, гармонь. А они все сидели на крыльце, молчали и думали каждый по-своему, но об одном. Волноваха к тому же неотступно следил за тем, что делалось в соседнем дворе.

— Сколько места в Нечаевке, — вздыхал он. — Там и там съехали. Свободно, дыши. А все равно тесно. Трудно, сынок, трудно живем на земле.

— Верно, уехали люди, — рассуждал Семен, — в города, на центральную. Значит, в кучки побольше сбиваются, тесней жить хотят. Теснее жить легче, отец, так? Просто трудно это — быть людьми на земле.

— Да я и сам так думаю, надо ближе друг к дружке... взаплот, а не всегда получается, — встал Волноваха с крыльца и тянул Семена за собой со двора. — Идем, сил моих больше нет, чего покажу.

Проходили мимо хаты Никифорыча: у ольшаника стояла запряженная лошадь. Вышли за околицу, к разбитой грозою грушенке. Здесь не так и давно, во времена Семенова детства, еще вертела дощатыми крыльями мельница. Присели на пенышек. Ожидали. Чего?

— Сейчас увидишь — чего, — сказал Волноваха.

На дворе у Никифорыча заскрипела подвода, выехала на дорогу. Куцый бригадный меринок тюлюпал, тюлюпал сюда, к грушенке, бригадир сидел к ним спиной.

— Погодь на час, — окликнул Волноваха Никифорыча.

— Чего тебе? Н-но! — вздернул бригадир вожжи, но Волноваха уже подлетел к узде, под голову мерина.

— Сдерни, Семен, халат, — приказал Волноваха сыну и сам подошел, стащил с груза грязный бязевый халат: на дне подводы лежала баранья тушка. Еще парная, в свежей крови. Кучкой сбоку лежала сырая баранья шкура.

— Во, гляди, сын! — поднял Волноваха шкуру и тряхнул: — Гляди — вот и вот. Мои подпалы: «С» и «В»... По овцу в этом халате ходил, а, Никифорыч? Кого перед народом опозорить хотел — инвалида войны, старого человека. Мол, сын приехал с флота, мол, ясно-понятно, кто утянул с фермы ярочку на угощенье, так?.. Воскресенье завтра, везешь на базар? Все на «Жигули» собираешь, «Жигули» душу тебе перехали, так?..

Подходили люди: от Волноваховых уже разбредались. Остановились, прислушались.

— Ладно, отец, довольно, — увлекал Семен домой Волноваху.

— Нет уж, постой-погоди, — высвобождал тот плечо. — Дай скажу... Этот не то, что ты там, на флоте, этот здесь куда хошь нырнет-вынырнет. Но у меня не вынырнешь, — распаялся Волноваха, — вон у меня сколько свидетелей...

— Ну тихо ты, тихо, — вжимался в телегу Никифорыч. — Чего тебе, озверел?

— Мне от тебя дюже много стало надо в последнее время, — глядел то на него, то на людей Волноваха. — Премию с Нечаевой Катюшки списал, а Нефедовой начислил. Это раз. Специально путаешь всю отчетность, чтобы было пить за какие шиши. Это два. Сенажа целый бурт сгноил, едва концы свели... И четыре. Просяной соломы два воза во двор привезешь мне и свалишь, а я уж, ладно, сам в стог сметаю. И вообще, гляди у меня, не балуй!

Люди притихли, соображали. Опять загалдели. Иные одобряли Волновахины действия, иные пятились от греха. Раздались слова и в защиту Никифорыча:

— Неча напирать на него, бригадир все же, а то требует... Есть еще стог в саду, обойдешься. Больно много надо, ему можно, у него сын капитан... Куда там раскомандовался!

— Ладно вам, — оборвал Волноваха такие слова. — Не докумекиваете, так помолчите. А ну, Роман Никифорыч, поворачивай оглобли и давай-ка в мой двор, там разгрузишься.

Волноваха взял за рукав Семена, и они повернули к деревне. Подвода послушно двинулась следом.

К вечеру, напавив на свою белую голову тесный картуз, как всегда, отправлялся на пост Волноваха. На этот раз пошел с ним Семен. На привычном месте, спорее вдвоем, затравили костер. Сидели, подставляя теплу ладони. Волноваха ни о чем не спрашивал сына: служба такая, сплошь военная тайна. Из оврагов выползли сумерки, луна смягчала их, ныряла в один краешек тучи и, подержав всю окрестность в тревожном ожидании, появлялась из-за другого края опять. И тогда странной, но все такой же родной, невообразимо просторной, глубокой, до ближнего города и дальше, по Среднерусской возвышенности до самой Москвы, виделась сидящим у костерка вся эта спящая, зябко серебряная равнина...

Волноваха вздрогнул: волк. Толкнул сына: белый. Белый волк стоял на бугре, как привидение. Плоскогрудый, с подтянутым брюхом, он глядел на них, на деревню, на ее уже редкие огоньки. Прожит еще один день, шкура стала белее, тесно зверю жить на земле. И вдруг он поднял голову и завыл. На луну, на огни по деревне, на звезды. Леденящий, отчаянный крик уносился в пространство и тонул в шиферных крышах. Белый волк тянул голову выше, выше. Один глаз его, потерянный, очевидно, в сражениях, был пуст, в другом стояла жуткая, почти человеческая тоска.

Поселок Онегино.

х х х

Я прилег на землю. Высока береза,
Подо мной зеленая трава.
И винтом до неба завинтило слезы,
По винту до неба поднялись слова.

Высока береза. Только слово выше,
Солнца горячее, огненной ланит.
Дай скажу как лучше, что из песни вышел.
Дай скажу, что песней все во мне звенит.

ОПРОСТОВОЛОСИЛИСЬ

Три дня бушевала пурга, забивала дороги, на четвертый подуспокоилась. Тогда и проскочил в Крепыши, дальнюю бригаду «Серпа и молота», выдавший виды «уазик». Люди спрыгнули наземь в демисезонных пальто и туфельках, похлопывая нога о ногу, гуськом потянулись в бригадный дом. Бригадир Карп Щепотин подпирал плечом угол, удивлялся десанту: надо же, прорвались.

— Принимай гостей, — нарочито громко сказал председатель «Серпа и молота» Вадим Еремеевич Клятный, присланный в прошлом месяце из района для укрепления. — Тут, понимаешь, такое дело... народ надо собрать. Товарищи вот приехали к нам, кой-чего, такое дело, скажут.

— И-и-и, — засмеялся бригадир в кулак беззвучно, одним только дыханием, и замотал головой, — у нас мигом никак невозможно.

— Организуй! — твердо сказал председатель. — Товарищи специально и, заметь, такое дело, из области.

— У нас завсегда с двух-трех раз, — входя, еще с порога заговорил Поликарп Измоленов, бывший бригадир, отстраненный Клятным за превышение власти. — Здравссте, — поклонился он низко и сел поспешно на лавку: в ногах правды нет, подведут и сегодня.

Хотя Поликарп был отстраненным, но — по старой привычке — вмешивался в руководство. Да Карп Щепотин и не возражал, для пущей важности даже именовал Поликарпа «советом бригады». В народе, перекрестив маленько, звали бывшего Полукарпом, а обоих вместе Карп-Полукарп.

— Товарищи, — выступил вперед один из областных гостей, седой уже, но еще хлыщеватый. — Мы, собственно говоря, обращаемся к вам за помощью. Здесь по соседству на хуторе... в колхозе «Прожектор»... несчастный случай: обварился ребенок, выплеснул на себя

кипящее масло. Срочно требуется пересадка кожи, нужны доноры... это у кого кожу взять... а там в хуторе одни старики. Мы приехали к вам. Соберите село, скажите, мол, так и так, обварился...

— Господи! — всплеснула руками топившая дом бригады бабушка Даша. — Случай-то уже не в Лимовском ли?

— В Лимовском, — сказал неуверенно хлыщеватый и утвердил кивком. — В Лимовском, пожалуй.

Бабушка Даша толкнула от себя дверцу плиты и, не обратив внимания на просыпавшийся жар, метнулась к порогу. Карп-Полукарп встали, оглядели всех вместе и каждого врозь, надели треухи, вздохнули и двинулись к выходу. В комнате стало тихо. Перестал гулять парок у рта: то ли уже надышали, то ли начало действовать отопление. Углы прямо на глазах серели, таяли и потекли. Пурга закрыла половину оконца, в комнате было сумрачно, красноватый отсвет лежал на серебряных стенках.

Через полчаса стал сбиваться народ. Кто входил, запалившись: шутка ли, аж с другого края села. Кто не успел переодеться, прилетел, в чем ходил давать поросенку. Нецветайха — огромная, стопудовая женщина — как влетела, грохнулась на скамью, так скамья под ней и затрещала.

— Это Ванечка, внучек мой, там обварился, — закрыла она руками лицо. — Это Ванечка, Сдобнов Ванечка... Ой, горюшко горькое! Ой, убили, свари-и-или! Негодяй Петька по дому не помогает, а Клаве хоть разорви-и-ись...

— Да не Сдобнов, не Сдобнов, гражданочка, — подошел к ней хлыщеватый. — Успокойтесь. Это и не в Лимовском.

Народ валил пачками, быстро расставили скамейки, выдвинули стол на середку, расстилали кумач. Сидели все в заблуждении, бригадиры Карп-Полукарп ничего толком не объяснили. Один — нынешний —

все помалкивает, опыту никак не нахватается, а у другого — бывшего — дуже этого опыту много, рот не запахивается, тоже ни черта не поймешь. Сидели, молчали — мышь слышна в подполе, уперлись взглядом в своего председателя, а Клятый и сам непонятный какой-то. Лишь Витька Сермягин — бывалый парнишка, прошел кумы-рымы по всем ГЭСам и городам, а сейчас коштовался у бабки до лета — внушал вслух сомнения. «А где у них эти... белые халаты? И кресты на машине?» — «Витька, заткнись! — делал ему большие глаза бригадир. — Ты долго на нервах у людей будешь играть? Что же, тут с тебя шкуру драть? Отвезут, куда надо». Витька не знал, чем ответить, и потому вскоре заткнулся.

— Не надо бы, — кивнул на кумач хлыщеватый, и тут его пригласили к столу. — Меня зовут Иона Ионыч Крестительский, — сказал он поспешно, — я возглавляю, э, эту вот группу... Итак, товарищи, вы все уже в курсе, объяснять не надо. И потому сразу быка, так сказать, за рога: кто хочет дать кожу на пересадку? Подумайте хорошенько и, пройдите сюда, в этот угол...

Встали человек пять — всегда на все встают первые народ подготовленный. Потом Витька Сермягин. После того еще человека три, в том числе Нецветаиха и бригадиры. Сделался шум, гам, все повскакивали и закричали:

— Пиши всех, пиши!

— Товарищи, тихо, — умиряя ладонью, сделал шаг к передней скамейке Иона Ионыч. Стало тихо. Слышно было, как задувало в щелку между рамою и стеклом. — Так ведь это, товарищи, больно, болезненно... Представляете: взять кусок кожи с живота или с бока? Это же сколько потом в больнице лежать. Это шрамы навек, а если вот вас, дамочка, супруг возьмет да разлюбит?

— Ты вот навроде профессор, а в голове эти... фрагменты, — поднялась во весь свой неограниченный рост

Нецветайха. — Ты давай нас пиши, не сомневайся. А с мужьями как-нибудь сами справимся.

— Эт-та справится, — загудели в углу. — У эт-той не вырвешься.

— А теперь меня вот что интересует: мотивация, — обернулся Иона Ионыч к своим областным, те достали блокноты и что-то записывали. — Иными словами, граждане: по какой причине решается вы на такой серьезный шаг? Во имя, конечно, самого прекрасного — спасения человека? Вот вы, например, гражданка...

— Нецветаева.

— Гражданка Нецветаева.

— А я бегу, — повернулась Нецветайха полубоком к народу, — а в глазах белые мухи так и сигают, так и сигают. Боже, думаю, неужто что с моим внучком, с Ванечкой? — повторила она уже гораздо спокойнее, губы сами собой перекривились, глаза налились слезой.

— Ясно, садитесь, — остановил ее Иона Ионыч. Та села не очень довольная тем, что ее сбили со слова. — Ясно, родственные отношения... А вы? — выделил жестом он Селиверстову Зину — худую, нервную женщину с болезненным тонким лицом. — Вот вы почему? Вы ведь боли боитесь. Ведь резать будут, это ужасно больно.

— Боюсь, — едва слышно сказала Зина и задержала дыхание. — Палец порежу когда, сердце заходится... А тому ребенку-то разве не больно? У меня вон их трое по лавке, за любого дашь руку отсечь...

— На почве родственных отношений, — сделав ей знак садиться, кинул через плечо свите Иона Ионыч и повернулся к Карпу-Полукарпу: — А вы?

— Мы-то? — переглянулись они. — Мы — начальство, нам без того-этого, брат, нельзя. Нам реагировать следует.

— А вы? — указал Иона Ионыч на крупного, с окладистой бородой деда в углу, давно его приметил. — Как вас зовут?

— Дед Петро первый, — зашумел народ.

— Я ж говорил, — первым очухался Витька Сермягин и во всеуслышание провозгласил: — Говорил, никакие они не врачи. Где у них эти... белые халаты и крест на машине?

Ближние тут же прижались к окну: в самом деле, нет креста на машине, нет и белых халатов. Социологическая лаборатория. Что хоть это такое? Семенная, молокоприемная, коноплеводческая...

— Мы, товарищи, — как на лекции, заиграл твердо поставленным голосом Иона Ионыч, — проводим исследование такого порядка: как наши люди реагируют на несчастье друг друга, насколько смогут быть активны в моменты больших потрясений...

— Так где же тот мальчик-то? — перебил его дед Петро первый.

— А никакого мальчика нет, — вскинул брови Иона Ионыч и щелкнул пальцами. — Это, так сказать, миф, легенда, если хотите, сказка.

— Брехня, значит, — сказал дед сокрушенно и вздохнул едва слышно: — Сволочи, а? Кого — свой народ проверяют.

Сразу же со всех скамеек взметнулись крики. Кричали все вместе и врозь.

— Бегу, а белые мухи мельтешат, прыгают, — выделялся голос Нецветайхи. — Ну, думаю, Ванечка, внучек мой, а это... исследование. Ишь, что на людях удумала эта лаборатория.

Напряжение спало. Сидели теперь, не стесняясь приезжих, вели меж собой разговор, тары-бары.

— Это у меня горло сейчас неправильное, труба заржавела, — оправдывался перед бригадирами дед Петро первый. — Как раз железки раздуло, а то бы как гаркнул, ссадил бы в момент.

— Сказал он, а мне как по глазу, сто огней засияло, — наклонялась, встревала в их разговор Селиверстова Зина, та, которая боялась всяческой боли.

— Мальчишка, говорит, это... маслом себя. Без ан-

некий и контрибуций, — через Зинкину голову доносил свою мысль бригадиру Карпу Полукарп отстраненный.

— Да, глаз у тебя слабоват, щелчком можно, — обращался к Селиверстовой дед Петро первый. — Ничего, если что, вставят теперь и стеклянный. Теперь медицина...

— Не знаю, что бы и отдала, здоровычко возвратить, — едва сдерживала себя Зина в слезливости. — Бактерия одолевает. Дают на медпункте таблетки, чтоб сердце не падало, да что там таблетки. А тут, говорят, врачи из города. Полмашины врачей. Я опрометью.

— Бактерия — да, особо когда больная, — кивал ей дед Петро первый. — А то, понимаешь ли, горло, труба заржавела. Есть, говорят, такой колодец — нарзан называется. Вставят трубку в него, и вода бузует себе. И мне бы так-то. А то теперь засипел, сбился с курса на целый месяц... А эти приехали, думают, мы тут ничего не соображаем, а мы тут тоже кой-чего в стратегии шпрехаем. Война эта по свету дала поблукать, кой-чего повидали.

— Витька! — перегнулся через скамейку назад Полукарп, тот, который был от всего отстранен. — Ты скажи ему, этому... в галстук... спроси, мол, что это за такое явление природы: в Казахстане, мол, мальчишка, гигант, три года, а уже пятьдесят кило. Как на это смотрит лаборатория?

— Сам спрашивай, — огрызнулся Витька Сермягин.

— Пятьдесят? — удивился дед Петро первый. — Прямо какой-то статуй.

— Выпил и сиди, — умирал бригадир Полукарпа. — Скуло за скуло не заводи, дай людям спокойно уехать.

— Ах, боже ж мой, — вздыхал Полукарп от всего отстраненный. — Все-то учат нас, как пахать, когда сеять. У меня грудь болит за работу, пусть дадут мне штатную.

— Ты потише, потише, — гладил его по плечу Карп, бригадир. — Не твори безобразия по нетрезвому со-

стоянию. Сейчас это, знаешь сам, р-раз и под указ.

— Ладно, — соглашался Полукарп Измодепов. — Ты спроси у них лучше, куда они дели мальчонку.

— Какого, статуя?

— Ну того, обварили какого.

— Так его, говорят, вовсе и не было.

— Как не было? А обварили... Натворили делов, а с нас кожу драть? Не па-а-зволю.

Иона Ионыч стоял, потерявшись. Долетали обрывки фраз, целые фразы. Своя жизнь у них, свои интересы. Следовало более менее достойно выйти из этого положения, соблюсти вид хотя бы перед своими сотрудниками.

— Между прочим, в соседнем селе мы уже проводили все это, — откашлялся Иона Ионыч. — И ничего.

— Так это оглобли там не оказалось, — едва слышно подал кто-то голос из массы, но Иона Ионыч услышал. Кажется, тот вон парнишка, что тоже просил записать.

— Какой оглобли? — шевельнул машинально губами Иона Ионыч и понял, что глупо, не надо.

— А ну, Витьк, скажи ему, — порывался встать со скамьи Полукарп отстраненный, но Карп усаживал его, все урезонивал. — Покажи, Витьк, где раки зимуют.

Иона отвернулся от них, захлопнул блокнотик.

— Ну, хорошо. Вся программа исчерпана. Спасибо вам, дорогие товарищи, за ответы. Конечно, с ребенком не совсем все оказалось продумано. Вы тут нам кое-что подсказали, возможно, от этого хода следует отказаться. Однако вы дали нам яркий, разнообразный и весьма содержательный материал. Наш современник, как и предполагалось, оказался на высоте... Иными словами, товарищи, не побоюсь высокого «штиля», как это в песне: когда страна быть прикажет герою... Спасибо и до свиданья.

Было уж сумеречно. Народ расходился. По Крепы-

шам, там и сям, в морозном воздухе слышались голоса. Последними выбирались из дома бригадиры Карп-Полукарп. Карп Щепотин поддерживал одной рукой отстраненного, другой вешал замок: «Все, ларчик этот для тебя больше открываться не будет», — «Карп, — хватал Полукарп воздух руками, — а где туалет? Был здесь. Вот что значит кругом изменения».

«Уазик» ждал Карпа Щепотина, не уезжал.

— Ты что с ним валандаешься? — хмурился председатель.

— Да он же пятнадцать лет был бригадиром, а я сколько? Подучивает, — ответил уклончиво Карп и предложил: — Может, ко мне заедем? Я жене уже стукнул, чтобы картошечку там, яишенку... Да я тут через два двора, можно и без машины.

— Ну нет уж, — подал звук с сиденья возле шофера Иона Ионыч. — Это все-таки техника, куда от нее? — И вспомнил при этом парнишку, сказавшего про оглоблю, передернул плечами.

Торопко заскрипели шаги. Оказалось, жена Щепотина, Валентина. Подошла, покрасневшись, выделила из всех председателя:

— Вадим Еремеич, прошу к нам. Уже все на столе. И вас прошу, дорогие гостечки, — обернулась она к областным и подмигнула Клятному: — И графинчик поставила.

Председатель смотрел в одну точку, покачал головой, вздохнул: нельзя, Валентина, завтра с утра на бюро. Иона Ионыч сказал тут же: а нам в соседний регион

— Тоже с ребеночком? — не выдержала Валентина.

— С каким это?

— Ну какого вы возите... Правда иль нет, — двинулась она ж Клятному. — Нюрка, соседка тут прибежала, говорят, ребеночка где-то нашли, кто-то сжег. Грудного прямо, есть же такие изверги. Кожу ездют на него собирают.

— Да ну? — изумился Иона Ионыч, ему стало крайне интересно, даже смешно.

Оказывается, деда называли здесь первым, поскольку в Крепышах был еще дед Петро, немного дробнее. И хотя тот, второй, уже помер, этого, живущего, все называли по-прежнему первым.

— Ну вот вы, именно вы... первый... почему? — повторил вопрос Иона Ионыч.

— Я-то? — привстал дед Петро первый и посмотрел зачем-то себе под ноги, потом на колени, на грудь. — Пришел, одно слово, и все, — махнул он рукой и сел. Потом встал опять и прищурился. — Это верно, кожа у меня уже старая, не подходит. Так ведь как оно раскусить. Н-но! — тут он вздернул, словно конь, головой, — когда-то были и мы я те дам. Мой дед — эвон люди сидят, соврать не дадут — служил у царя в лейб-гвардии. Пятак царский — с орлом и короной — пальцами слушит и ни мур-мур. Под жеребца подсядет и встанет, а жеребец, как воротник у него, брык-брык...

— Ясно, — остановил деда Иона Ионыч. — Ты — старый солдат, боли ты не боишься.

— Хм, боишься, — усмехнулся дед Петро первый и повел головою вокруг. — Да у меня все и без того исполосовано, в дырках. Мы, братцы мои, от шрамов не бегали, грудью стояли. Между прочим, участник трех войн, семь раз ранетый, из них два тяжело, в последний раз фугасом под Поньярами. А ничего, отремонтировали, — хлопнул дед себя по коленке. — Латан-перелатан, на мне как на собаке... Я к тому, — подался он чуть вперед, к Ионе Ионычу, — что у меня хучь кожа и ношенная, да сносу ей нет. Если тому мальцу ее, — засмеялся дед Петро первый и сбил свой заячий малахай на затылок, — никакая тебе война, никакое ранение... Так что пиши меня в списочек, не ошибешься. Так и так, мол, от деда Петра, бывшего защитника, дитю тому — будущему, значит, защитнику...

— Короче, патриотизм, — оглянулся к своей свите

Иона Ионыч, те, не поднимая глаз, строчили в блокнотах. — Патриотизм, товарищи! — голос Ионы Ионыча зазвенел благородным металлом. — Это великая вещь, движитель наших дней. Спасибо, товарищи, большое спасибо. Я лично другого от вас и не ожидал. Общие интересы, беззаветная любовь к стране, стремление прийти на помощь друг другу — вот черты нашего современника, настоящего человека. И вы, дорогие товарищи, только что это прекрасно нам здесь продемонстрировали. Мы все тут, — Ион Ионыч опять повернулся к своим ассистентам, те оторвались от блокнотов, закивали, задвигались, заулыбались, — мы все вами очень гордимся.

Дело подходило к концу. При последних словах областного представителя мысли у Витьки Сермягина взвились: «А как же я? Даже деда записали, а... меня? Да с него, Витьки, шкуру хоть на барабан. Сколько он носится по всем этим стройкам. Само собой — деньги платят, само собой — белый свет видит, но хоть бы разок кто черкнул в газету... А тут такой случай... И если даже в районную, то и из нее Зося из Каменки все узнает, она газетки читает»...

— А как же я? — поднялся растерянно Витька Сермягин. — Я ведь раньше, чем дед, в числе первых.

— Осади, доброволец, — усмехнулся дед. — Знай, дуби еще кожу-то, время твое придет.

— Так вот мы все вами очень гордимся, — наконец, связал Иона Ионыч обрывки мыслей. — А теперь остается сказать самое главное: кто это мы? — Здесь он сделал передышку и дернул галстук левой рукой. — Мы — это социологическая лаборатория при нашем областном педагогическом институте, а я ее руководитель, доцент. Тут некоторые ошибались, называя меня профессором. Мы исследуем...

Навалилась тишина, даже дырка в окне перестала свистеть. Лишь дрова трещали — известно, осина дерет, что резина.

Иона Ионыч, угнувшись, молчал.

— Будет тебе, сорока, — остановил жену Карп. — Растрещались. Кожу им собирают. Собирают, — ухмыльнулся он, — и не на ребеночка, а на сапоги.

— На сапоги! — всплеснула Валентина руками и покосилась на него: — Не плети.

— Ну ты думаешь, что повторяешь? — стыдно стало Карпу за Валентину. — Это ж так только Гитлер мог: шкуру для сумочек драть с людей, как с крокодилов. И вообще, прекрати!

— Всегда так с женой, — поднялась Валентина обиженно. — То молчит месяцами, а то вот так: прекрати.

— Ладно, Валюша, — засмеялся председатель. — Ты баба еще в соку, я тебе мужика другого сосватаю — Измоденова Поликарпа.

— На черта он! — вспыхнула Валентина. — Этот хучь дело делает, да молчит, а тот... Мой-то лишнего не пропьет, а другого корить не хочу.

— Молодец, Валентина, — подмигнул председатель. — Летом в ясли нянчить пойдешь?

— А правда, Вадим Еремеич, — наклонилась она к Клятному, задышала в самое ухо, — про того, про ребеночка, а? Про сожженного-то? Я же там не была, ничего не слыхала.

— Выбрось ты это все из головы, как и не было, — посоветовал Клятный.

Ночь совсем загустела. За окном ни луны, ни звездочки. Тьма тьмуцая, поля, перелески, стихия. И стоит у последней хаты с оглоблей тот парень, ничего себе, прыткий парнишка. У Ионы Ионыча даже засало под ложечкой. Мотаешься вот так по командировкам, зарабатываешь себе язву, крутишь мозгами, выкручиваешься, ведь совсем-совсем новое дело, Москве даже небезынтересно, Москва заинтересована, вакансия у них даже имеется... А тут, вполне возможно, оглоблей, обидно...

— Бабам нашим жалко стало ребеночка-то, — вздох-

нул Карп. — Они у нас дюже жалостные. На той неделе у Нецветайхи крыльцо отгорело, так они все бежались, сотня три ей насобирали, моя тоже десятку снесла.

— Ехать надо, — толкнул шофера Иона Ионыч.

«Уазик» катил санным следом. И откуда он взялся, совсем свежий. Проезжали мимо бригадного дома, конюшни; словно вымерло, лишь разок бухнул о пол жеребец и отфыркнулся. Впереди между туч проколослась звезда. Или волк где-нибудь на холме? Или сигарета? Говорят, прошлой осенью завезли из Сибири и пустили по области волков.

с. Турейка.

АНФИСА КАНАДСКАЯ

Веня Жулик не мог заснуть целую ночь: извертелся в постели, так и этак прикидывая, как и что будет дальше. Лишь под утро решился рассказать жене Пелагее про письмо, которое вручила вчера почтальонка.

— Сестрица моя, выходит, наплась, Настасья, — приподнявшись на локоть, огляделся он по сторонам. — Живет, вишь ли, в этой... Канаде. Спрашивает, как мы тут.

Достал из-под подушки желтый конверт, не читая, сунул в пиджак. Перешел почему-то на шепот:

— А я так думаю: вырвал из сердца и нету. Пелагея была баба слезливая, слабая, без собственных слов, но тут, помолчав, сказала свое:

— В Акинтьево-то пишут аж с того света... с Новой Зеландии одна объявилась. И ничего.

Веня Жулик составил ноги вниз, на половичок, покряхтел специально для Пелагеи, чтобы вызвать к себе бурю жалостливых чувств по отношению к этому идиотскому радикулиту, и, взяв штаны в руки, начал искать ногою штанину.

У Вени имеется своя, отцом даденная фамилия — Куроедов, но все на селе зовут его только по прозвищу. Обидное прозвище. Давнишнее, еще послевоенное, правда, привык к нему, откликается. И все ж, нет-нет, да и стянет душу обида. Век труженик — и плотничает, и по жестяному. Ну, ошибся раз, так теперь как бельмо. Крыльцо рубил тогда Хромовым, и куда она задевалась, пила поперечная? Ихняя, хромовская. И черт дернул пойти взять пилу у Липенчихи, отнести взамен Хромовым. А Липен чиха, дьяволица, поймала его, отвела к Хромовым, изъяла пилу, да еще и жуликом обозвала, как влпила. Мужики, бывало, после войны, как где в кучку, так ему и объясняют: «Ну что у тебя за фамилия, Вениамин, Куроедов? Так, один обман

зрения. Потому как где они, куры? Всех фрицы решили, вот кто куроеды. Ты, Веня, у нас просто Жулик».

Вениамин прогоняет неприятное воспоминание, затягивает ремешок. В штанах он чувствует себя посмелее, указывая на пиджак, говорит Пелагее:

— А что, вишь ли, еще разок почитать?

— Ну, а как же, — встряхивается Пелагея. — Для чего такого и пишут?

Вениамин шарит в расписной жестяной банке изпод грузинского чая, достает очки с перемычкой, стянутой мягкой медной проволокой, надев дужки на уши, изменяется до неузнаваемости. Берет в руки узкий желтый конверт, смотрит внутрь его, потом на свет.

— Это ж надо, — смеется он тонко, как-то по-бабьи. — Затемнение делают.

— Какое затемнение?

— Да на конверте-то. Глянь: сверху желтое, внутри темное. Как от бомбежки.

— Скажешь тоже, — подхихикивает Пелагея. — Все бомбежки тебе на уме.

— Так, — откашливается Вениамин, и лицо становится серьезным, даже хмурым, письмо мелко подрагивает. — Так, читаю... «Шановный мой братец Веня»...

— Что это — «шановный»? — останавливает его Пелагея.

— Чер-те знает, — пожимает плечами Вениамин. — Может, чиновный? При чинах, значит?

— Да какой же ты чиновный?

— А откуда, вишь ли, ей знать? Может, я для нее и чиновный, — важно поправляет очки Вениамин. — Ну, да не пересекай, заноза. Читаю... «Шановный мой братец Веня! Пишу и не знаю, живой ты или сгиб. Я жива и здорова. Когда боши погнали нас, я все плакала, весь шлях слезами полила до самой Германии. У бауэра работала, на заводе работала. Как только были живы! Освободили американцы, я попала в Канаду. Вышла замуж за пана Болеслава, он поляк и тоже из лагеря.

Мы много работали. Растили... о, матка бозка, забыла... растили клубнику. Взяли фамилию Огородник. Мы теперь живем хорошо. На берегу озера. У нас ферма, два больших дома. Летом у нас отдыхают из Монреала. Здесь все делают бизнес.

Здесь красиво, а на родине лучше. Я все плачу и плачу. Если жив, мой братец Веня, напиши. Не стесняйся, попроси у меня что-нибудь. Поклонись всем, кого знала.

Целую. Твоя старшая сестрица Анфиса».

— Господи, — плакала в подушку жалостливая Пелагея. — Как же ей, бедной, пришлось! А все эта война — разлучница... Семьи разбила, души разворотила. Все она, ненавистная...

Было тихо. Мирно тикали ходики. Внутри у них что-то зашумело, накатилось и хлопнуло, в приоткрытую дверцу трижды, потом еще раз вылетело: «Куку-куку-куку, куку». И тотчас во дворе загорлачил петух.

— Надо корове давать, — засобирался Вениамин. — Сегодня в стадо не погоню, к быку надо.

— А как же с письмом-то? — выдохнула Пелагея. — Ить мается человек, плачет по Родине.

— Много ты понимаешь, — остановил ее Вениамин. — Пишет, у нее, вишь ли, ферма. Капиталист, значит, какой-никакой.

— Да ить сестра же, — смотрела в пол Пелагея. — Не басурманы какие мы — люди. И говорит, не стесняйся, проси, чего хошь.

— Мошна-то у нее, может, и длинная, — упорствовал Вениамин, — да у тебя, бабы, ум короток.

Упорствовать-то упорствовал, а сам уже думал над глубиной Пелагеиных слов. И потом думал, когда отводил свою Прогрессивку к быку. И когда насаживал обручи бочкам на овощеприемном пункте, когда к нему подкатилась Дунька Слизнова — бахчеводка, такая смазливая, жох, воевода.

— В ресторан, что ли, в город отвез бы, а, Вень? — прошла она как-то боком и глянула из-за плеча.

— А на какие пиши? — поднял киянку он и ахнул для осадки по днищу.

— Ишпо рассуждает! — обиделась на невнимание Слизнова. — Чего тебе, Жулик, теперь молотками мотать? Тебе сестра пол-Америки спешет.

Вениамин ушел от нее под навес, от греха. И все злился на Пелагею, пока Дунькины слова не перебились собственными мыслями. А мысли являлись всякие, в том числе и самые интересные.

«Ну, ладно, доберусь до тебя», — обижался он на Пелагею, но и сам уже понимал, что шила в мешке не утаишь, все равно объявлять народу придется.

Этим утром опять разговаривали про Анфису. И другим утром. И третьим. И уже привыкалось к ней, сходило первое впечатление. И ничего, жизнь текла, как и прежде. Настороженность, с какой они встретили весть о том, что у них объявилась родственница за границей, уступала место спокойному приятию факта. И тогда все рьянее становился шепот Пелагеи.

— Жуликом ишпо кличут, — ударила она в больное место. — А какой ты жулик? Родной сестре письмо написать боишься, попросить чё-нить. Так и пишеш, гляди: «Не стесняйся, все отдам, попроси у меня чего хоть».

— Не совсем так.

— Ну, может, не в точности... Завтра суббота, Юля с зятем приедут, обсудим все...

Ничего, оказывается, в этом страшного не было. Подумаешь — Канада! Скоро родственники будут на Северном полюсе и даже в космосе. Юлин муж, Николай, инженер, тут же взялся составлять письмо. Составил и в конце приписал, что не мешало бы получить от сестрицы автомобиль, например, «Москвич». В газетах пишут, что их там продают изобильно. Как уверял Николай, обладание «Москвичом» разрубило бы

в их семействе целый узел вопросов: по автобусам с продуктами из деревни не мыкаться, в гости к себе возить отца с матерью, ездить в отпуск на юг... и вообще...

В воскресенье Юлия с мужем отбыли в свой областной центр, на работу, а Куроедовы с нетерпением стали ждать от письма результата.

Через месяц в село Волоконовка на имя Вениамина Ефимовича Куроедова пришло из Москвы извещение. А еще через пару месяцев Юлин Николай смотался в столицу и подкатил в голубом «Москвиче» к Куроедовым под самые окна. «Москвич» молодые тут же, конечно, забрали в город, в мгновение ока отгрохали там из стального листа гараж. Все эти поспешные операции смутили Вениаминову душу. В самом деле, горячишь — горячишь... А тут раз, два, и вот он — стоит себе, посверкивает блестяшками. Наш, отечественный, даром что на ихние денежки. «Да ведь это же, — мужики говорят, — хорошо! Доллары пришли сюда к нам оттудова. И тебе ладно, и государству прохладно. Ты у них, буржуев, еще чего-нибудь вымани».

Легко языком трепать: вымани. Надо и гордость иметь. Вон младший, Сережка, из Сибири, что отцу-матери пишет? Укатил, стервененок, на строительство магистрали и вразумляет оттуда: «Ты, бать, на чужое добро рот особо не разевай. Ну его! Сами с руками, с ногами. А вот сестру свою, тетю мою, значит, нашел — вот за это хвалю».

Юлия с Николаем обратного мнения: чего, дескать, еще чего-нибудь не попросить? И мать подтравливают, не та Пелагея стала, как подменили бабу, аж тревога берет. То была такая ровная, тихая, а теперь все у нее рывом — рывом, ураган. Злитесь вроде, а на кого?

Лежит Вениамин на постели, и Пелагея вроде рядом и вроде не рядом. Прислушивается Вениамин, когда кукушка свои четыре отстукает, чтобы сразу вскочить и идти хлопотать по двору...

— Вениамин, — говорит Пелагея («И голос не тот, и

само обращение»). — Думаешь хату к зиме перекрывать, вон потеки? Сарай с углем просквозило, сенной тоже дышит на ладан. А ты с мужиками сидишь-рассживаешься, чего такого хорошего сидишь обсуждаешь, когда двор валится?

Не баба стала, а кремень. Чуть что поперек — искры из глаз. Разве бабе докажешь, когда очертенеет? Понимает Вениамин потаенную мысль Пелагеи: попросить у Фисы деньжат, купить свежую хату. А то перестроиться. И подумать страшно взгромоздить на себя такой воз. Легче, конечно, купить, и тут без Фисиных денежек не обойтись.

Вскоре пришло еще письмо от Анфисы. «Дорогой мой братец Веня! Я тяжело болею. Это пишу не я, а за меня. Меня лечат в госпитале. У меня рак желудка... Так и не увиделись мы с тобой, не посмотрела на твоих деток. Не увижу больше солнца Родины»...

Письмо прямо-таки ошарашило. Целый день Вениамин ходил сам не свой, вспоминал, как росли они с Фисой без матери, как, бывало, Фиса и варила, и стирала, и даже ходила в школу за мать. Все припомнил Вениамин, до малейшего, и сидел за столом, обхватив голову, думал: стоит ли человеку появляться на свет? Ну, что за жизнь — хоть ее взять, Анфисину? Была ль она у нее, эта жизнь? Жили мирно, трудами — так нет, налетели, схватили, увели к себе в полон. Да и после каково было там, на чужбине, мыкаться, он понимает. А привстал, обросла костью — тут эта болезнь. Все здоровье отдано, жизнь. «Да жизнь ли это? Черти бы взяли ее, такую-то!» — заколотил кулаками по столу Вениамин и, упав головою, заплакал.

Теперь и он постепенно склонялся к мысли, что у Фисы можно попросить кой-чего. И верно, ката плохая, люди в таких теперь не живут, вон какие дояки отгрохали. А что они с Пелагеей? Пока от войны поднимались, детей на ноги ставили не до хором было. А теперь это можно: у самого еще руки-ноги целы, дочка

с сыном деньгами помогут, Фису, если попросить, не обидит — потихонечку, полегонечку дом как-нибудь и взгромоздим.

Пелагея отрицала эту его долгую тактику. «Фиса тебе чего кошь, а не то, чтобы хату, — дышала утрами она ему в ухо. — Все равно помирать, так она тебе все состояние перекачает. Попроси только». И принималась считать, сколько стоят те два Фисиных огромнейших дома, что на берегу озера, да вся ее ферма. Запутавшись, начинала опять считать. «Дура, — говорил ей спокойно Вениамин, — там же не рубли, а доллары. И вообще, совсем другая система». Тогда Пелагея принималась с другого края: сколько у них в Волоконовке населения и можно ли то население затолкать в эти два Фисиных дома? Выходило, можно. «Видал? — шептала Пелагея ему восхищенно. — Это ж денег у человека больше, чем во всей Волоконовке». — «Не забирай дюже лихо, не забирай, — придерживал ее Вениамин и бубнил под нос себе: — Ить надо, с резьбы баба сошла».

В последнее время Пелагея с лица и с фигуры как бы раздобрела: меньше вытягивалась, больше лясы точила с соседями. А чего там, рассуждала, на наш век всего хватит, а уйдем туда, все оставим здесь, ничего не возьмем. Как, например, сестрица Вениаминова — Анфиса канадская. Пелагея и за мужем теперь лучше приглядывала: и насчет завтрака — вовремя, и насчет тяжелого поднять — сдержит, охлонись...

Не успели они обсудить в подробностях и написать Анфисе письмо с щекотливой просьбой, как почтальонка принесла им новый, серьезный пакет. Прочитали: Фиса скончалась. Отлегло маленько: завещала наследство. Вскоре к Куроедовым зашел еще Юлин учитель — Владимир Петрович, по военному делу. И начал с подъездов:

— Вениамин Тимофеич, с тебя причитается. Видал

в газете написано? А ну-ка читай: «Инюрколлегия»... «По делу Огородник А. Т., умершей в Канаде, разыскивается»... Тебя, Вениамин, выходит, разыскивают, наследство на тебя падает... Миллионы, небось, миллиончики, — усмехнулся учитель.

Слова его были выслушаны в молчании. Умерла Фиса — бог с ней, умерла. Похоронят. А вот груз какой навалила. Шутка сказать: миллионы.

— Полколхоза можно купить да еще на табак останется, — смеялся учитель.

— Ну, уж нет, — погрозил ему пальцем Вениамин. — Воробей я, брат, стреляный, колхоз — дело общественное, непродажное и непокупное. А вот ежели за него государству долги оплачу, то медаль мне дадут, а? В бронзу голову отольют?

— За чужие-то денежки? — отрезвила его Пелагея.

Так теперь и жил Вениамин вприглядку, со страхом в душе. Как припоздает где, так из-за углов ему фигуры мерещатся, всем больно нужны его миллионы. «Как бы это, мать, меня того... не украли», — выразился однажды он Пелагее. — «К-как... не украли?» — оторопела она. — «Как за границей украдают? Р-раз и в квас, а потом выкуп». — «Больно нужен кому, — успокоилась Пелагея. — Не инженер...»

С юристом канадским Вениамин из Волоконовки разговаривать не захотел, поехал в областной центр, к Юле. Николай моментом сунулся туда-сюда, к адвокатам-юристам. Все накручивал Вениамину: «Вы, папаша, свое не сдавайте им. Это ж акулы! Говорите, так, мол, и так: по завещанию я прямой, мол, наследник. А что дальше будет, увидим...»

Когда ехали в трамвае к почтамту, Вениамину показалось, в переднюю дверь нырнула знакомая фигура. «Ни дать, ни взять свой, волоконовский», — забеспокоился он и стал приглядываться ко всем пассажирам, с тревогой следить, как быстро в октябре сжимается и переходит в сумерки день. Разговор дали в пол-

ночь, объяснили: рабочий день там у них лишь начинается. Прежде чем войти в кабину, Вениамин еще раз осмотрелся: сидевшие на стульях вроде бы ожидали свое.

— Алло, алло, — прозвучал в трубке мужской металлический голос. Совсем близко, как на соседней улице. — Это вы есть Вениамин Тимофеевич Куроедов? Я ваш юрист... Вы по завещанию есть прямой наследник вашей сестры Огородник. Но прежде вы должны оформить документы, принять наследство. Вы меня понимаете? Вам полагается...

В тот момент, когда юрист, как показалось Вениамину, должен был назвать ему миллионы, мимо кабины кто-то мелькнул. Опять тот, что в трамвае?!

— Тихо, Америка, тихо, — простонал в трубку Вениамин.

— ...юридически оформить наследство, — продолжал металлический голос. — Должен вам сообщить, что дела патрона пришли в последнее время в расстройство. Кредиторы предъявляют счет, который превышает стоимость имущества... Принимая наследство, вы берете обязательство...

«Что это он говорит?» — сжался вдруг Вениамин и похолодел. И то приближал, то отдалял от себя телефонную трубку.

— ...в долларах это будет...

«Не тебе, а с тебя миллиончики!» — осенило его, наконец, и он испугался, как заразу, швырнул трубку в угол на столик. Уходил, не оглядываясь, а в спину все бился металлический голос:

— ...вы меня слышите?

— Черти вас слышат, — бормотал под нос себе Вениамин.

**Высока береза. Сидя на березе,
Пан в листве смеется или сделал вид.
Утираю слезы, что мне остается,
Если Солнце прямо на меня летит?!**

Редакция и корректура автора

Технический редактор

Ветров Николай Владимирович

«Троянова Тропа»

(Этюды о героическом эпосе)

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии Орловского областного комитета государственной статистики. Объем 9,5 п.л. Тираж 500 экз. Заказ №52.

[23-00]

23-00

100